

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО ПРИБОРОСТРОЕНИЯ

**ФИЛОСОФИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ**

**PHILOSOPHY AND HUMANITIES
IN INFORMATION SOCIETY**

Выпуск № 1(7)
январь – март
2015

Санкт-Петербург / Saint Petersburg

Содержание

О журнале	4
To Our Readers and Authors.	5
От редакции.	6
Состав редакционного совета журнала	8
Состав редакционной коллегии журнала	10

Философия информационного общества

«Параллельным курсом»: Актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов <i>А. Ю. Внутских.</i>	12
Отечественный консерватизм и неоконсерватизм: общее и особенное <i>М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, И. Д. Осипов.</i>	26
К проблеме адекватности современного образа науки <i>И. И. Булычев.</i>	37
Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика <i>О. Б. Куликова.</i>	45

Теория и история культуры

«Не так сложилось, как ждалось»: Украинский государственный театр в Ленинграде (из истории советской культурной политики) <i>Т. М. Смирнова.</i>	57
Актуальное искусство в информационном обществе: феномен стрит-арт <i>Т. А. Кузина.</i>	86

Из истории отечественной науки

Комментарий к статье В. Е. Львова «Гамов встречается с Бухариным». Об авторе и его статье <i>О. Н. Забродин.</i>	93
Гамов встречается с Бухариным. Малоизвестная страница истории науки <i>В. Е. Львов (публикация О. Н. Забродина).</i>	96

Требования к оформлению статей

Требования к оформлению статей.	106
---	-----

Content

About the Journal	4
To Our Readers and Authors (<i>In English</i>)	5
Editorial.	6
Editorial Council of the Journal	8
Editorial Board of the Journal.	10
Philosophy of Information Society	
In Parallel Course: Actual Issues of Information Society in the Programme Articles of Russian Interdisciplinary Scientific Journals	
<i>A. Y. Vnutskikh.</i>	12
Domestic Conservatism and Neoconservatism: the Universal and the Particular	
<i>M. A. Arefev, A. G. Davydenkova, I. D. Osipov.</i>	26
On the Problem of the Modern Scientific Image Adequacy	
<i>I. I. Bulychev</i>	37
Unity of Scientific and Educational Mission in the Classical University: the Russian Specific Character	
<i>O. B. Kulikova</i>	45
Theory and History of Culture	
'Man Proposes, God Disposes': The Ukrainian State Theatre in Leningrad (From the History of the Soviet Cultural Policy)	
<i>T. M. Smirnova.</i>	57
Actual Art in the Information Society: Phenomenon of Street Art	
<i>T. A. Kuzina</i>	86
From the History of the Science of Our Country	
Some Comments on the Article "Gamow Meets with Bukharin" Written by V. E. Lvov. About the Author and His Article	
<i>O. N. Zabrodin.</i>	93
Gamow Meets with Bukharin. A Little-Known Chapter in the History of Science	
<i>V. E. Lvov (publication of O. N. Zabrodin).</i>	96
Article Presentation Rules	
Article Presentation Rules.	106

О журнале

Уважаемые читатели и авторы журнала!

С июля 2013 года Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения выпускает сетевое издание – журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», доступный на сайте www.fikio.ru. Журнал включен в базу данных РИНЦ, зарегистрирован в Роскомнадзоре (свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ №ФС77-54191), ему присвоен ISSN 2309-6888.

Формирование в последние десятилетия постиндустриального, или информационного, общества привело к глубоким и сложным сдвигам во всех областях и сферах человеческой жизни. В нашем издании предлагается широкий подход к их исследованию. Во-первых, наш подход включает в себя разработку концепции информационного общества как такового в единстве с изучением общефилософских проблем его развития и конкретно-научных исследований, которые дают эмпирический материал для последующих философских обобщений. Во-вторых, мы публикуем работы по историческим аспектам (например, история науки и культуры), содержащие в себе взгляд на те или иные события прошлого с точки зрения современности, то есть науки информационной эпохи.

Охват в одном журнале проблем философии, теории культуры, истории, социологии, психологии и педагогики, политологии может показаться чрезмерно широким. Мы, однако, надеемся, что именно материалы этого обширного массива знаний дают возможность составить достаточно полную, репрезентативную картину развития информационного общества, лучше понять тот мир, в котором живет современный человек.

Мы приглашаем к сотрудничеству всех исследователей, как российских, так и зарубежных, для которых представляет интерес тематика нашего журнала. Будем внимательно изучать предложения, уточнять перспективные направления работы, участвовать в дискуссиях.

В журнале рассматриваются преимущественно проблемы, составляющие содержание следующих специальностей научных работников:

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
  - 09.00.08 – Философия науки и техники;
  - 09.00.11 – Социальная философия;
  - 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
  - 24.00.01 – Теория и история культуры;
  - 07.00.02 – Отечественная история;
  - 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования;
  - 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии.
- Журнал выходит четыре раза в год.

Редакционная коллегия

To Our Readers and Authors

Dear colleagues!

We present the following issue of our Internet journal “Philosophy and Humanities in Information Society”.

The problems of contemporary society are widely discussed at any time. Our journal contains a broad approach in studying them. Firstly, our approach includes the investigations of an information society itself – the philosophical and humanitarian studies. Secondly, we publish historical articles, for example, the history of science and culture, which contain an analysis of the past from the point of view of the present situation, i. e. from the point of view of a person who lives in the information society.

Embracing different problems of philosophy, theory of culture, philology, history, sociology, political science, psychology, pedagogy in a single journal is supposed to be extremely vast. But we hope that such a broad intellectual area gives an opportunity to reconstruct a representative picture of the information society.

We consider that such a wide inter-discipline approach gives man of an information age an opportunity to understand better our contemporary society.

We are glad to collaborate with researchers who are interested in our journal and its topics.

Our journal is published four times a year.

Chief Editor: prof. Sergei V. Orlov. E-mail: orlov5508@ramler.ru

Editorial board

От редакции

Первый номер за 2015 год (седьмой с момента основания) открывается статьей главного редактора близкого нам по тематике журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Право» доктора философских наук А. Ю. Внутских «"Параллельным курсом": актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов». В ней прослеживаются общие темы и проблемы, которые связаны с философским осмыслением развития информационного общества и входят в круг интересов авторского актива двух наших журналов. Ряд авторов журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» разделяют теоретические концепции школы научной философии Пермского университета, успешно работающей более 50 лет. В разделе **«Философия информационного общества»** опубликована также статья докторов философских наук, профессоров М. А. Арефьева, А. Г. Давыденковой и И. Д. Осипова «Отечественный консерватизм и неоконсерватизм: общее и особенное». Консервативная идеология, как известно, пользуется в современной России заметной популярностью и поэтому нуждается в самом пристальном изучении. В то же время редколлегия не может разделить мнение авторов статьи о прогрессивности и полезности для нашей страны этого идеологического течения, включающего в себя, по их словам, приверженность ортодоксальному православию, неприятие социалистической теории и практики, восприятие социального бытия как проявления установленного свыше порядка Вселенной и т. п. В публикации профессора И. И. Булычева «К проблеме адекватности современного образа науки» рассмотрены привлекающие внимание в последнее время сложные отношения между знанием и незнанием, знанием и заблуждением, истинным знанием и субъективными ошибочными представлениями, нередко возникающими в науке. Доцент О. Б. Куликова в статье «Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика» показывает, что в истории отечественной науки развитие образования было неотделимо от развития научных исследований. Тенденция к разрушению этого единства, просматриваемая в современных реформах образования, может нанести последнему только вред.

В разделе **«Теория и история культуры»** помещено обстоятельное исследование судьбы украинского театра, работавшего в Ленинграде в 1930 – 1931 годах. Профессор Т. А. Смирнова ярко описывает атмосферу, в которой развивалось советское искусство 20-30-х годов прошлого века, невольно помогая обнаруживать параллели между социально-культурными проблемами тех далеких лет и современностью. Новейшему направлению искусства информационной эпохи и его специфическим особенностям посвящена статья магистранта Т. А. Кузиной «Актуальное искусство в информационном обществе: феномен стрит-арт».

Раздел **«Из истории отечественной науки»** в этом номере журнала представлен статьей талантливого петербургского журналиста В. Е. Львова

(1904 – 2000) «Гамов встречается с Бухариным. Малоизвестная страница истории науки». Автор прослеживает жизнь и деятельность выдающегося физика с момента своей встречи с ним на студенческой скамье до его кончины в США. Публикацию подготовил доктор медицинских наук О. Н. Забродин.

Главный редактор

Состав редакционного совета журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе»

Председатель редакционного совета:

Боев Виктор Матвеевич – проректор по учебно-воспитательной работе, декан юридического факультета ГУАП, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ.

Члены редакционного совета:

Лосев Константин Викторович – проректор по международной деятельности, декан гуманитарного факультета ГУАП, доктор экономических наук, доцент.

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – директор института философии Национальной академии наук Беларуси, кандидат философских наук, доцент (по согласованию).

Лаура Пана (Laura Pana) – ассоциированный профессор Бухарестского политехнического университета, кафедры автоматизации и промышленной информатики, Румыния (по согласованию).

Меган Диксон (Megan Dixon) – преподаватель Колледжа Идахо (США), Ph. D по русской литературе, Ph. D по гуманитарной географии (по согласованию).

Марахов Владимир Григорьевич – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Кудашов Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Гуманитарного института Сибирского федерального университета, Красноярск (по согласованию).

Диев Владимир Серафимович – декан философского факультета Новосибирского государственного университета, доктор философских наук, профессор, вице-президент Российского философского общества (по согласованию).

Орлов Владимир Вячеславович – заведующий кафедрой философии факультета философии и социологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (по согласованию).

Субетто Александр Иванович – доктор философских наук, доктор экономических наук, кандидат технических наук, Заслуженный деятель науки РФ, проректор по качеству Смольного института Российской академии образования, Санкт-Петербург (по согласованию).

Комашинский Владимир Ильич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры обработки и передачи дискретных сообщений Санкт-Петербургского университета телекоммуникаций им. М. А. Бонч-Бруевича (по согласованию).

Арефьев Михаил Анатольевич – заведующий кафедрой философии и культурологии Санкт-Петербургского государственного аграрного университета (по согласованию).

Выжлецов Геннадий Павлович – профессор кафедры социальной философии и философии истории Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор (по согласованию).

Комаров Виктор Дмитриевич – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Военной академии материально-технического обеспечения им. Генерала армии А. В. Хрулёва, доктор философских наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук (по согласованию).

Орлов Сергей Владимирович – профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала.

**Состав редакционной коллегии журнала
«Философия и гуманитарные науки
в информационном обществе»**

Главный редактор:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу философии:

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Игнатьев Михаил Борисович – директор Международного института кибернетики и артоники ГУАП, доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники РФ, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Президента России.

Оконская Наталья Камильевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета (по согласованию).

Выжлецов Павел Геннадиевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Коробкова Светлана Николаевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу культурологи:

Смирнова Тамара Михайловна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Выжлецова Наталья Викторовна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры рекламы и современных коммуникаций гуманитарного факультета ГУАП.

Гусарова Юлия Васильевна – преподаватель, координатор годовых программ, Принц Султан Юниверсити, Эр-Рияд, Королевство Саудовская Аравия.

Члены редакционной коллегии по разделу истории:

Гусман Леонид Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

Тропов Игорь Анатольевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Члены редакционной коллегии по разделу филологии:

Чиханова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков ГУАП.

Члены редакционной коллегии по разделу психологии и педагогики:

Казанская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и современных коммуникаций ГУАП.

Дмитренко Нина Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков-2, директор учебно-лингвистического центра Санкт-Петербургского национального исследовательского университета информационных технологий, механики и оптики (по согласованию).

Члены редакционной коллегии по разделу истории отечественной науки:

Забродин Олег Николаевич – доктор медицинских наук, старший научный сотрудник кафедры анестезиологии и реаниматологии Санкт-Петербургского государственного медицинского университета имени академика И. П. Павлова (по согласованию).

Ответственный секретарь редакции:

Коломийцев Сергей Юрьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии гуманитарного факультета ГУАП.

ФИЛОСОФИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

УДК 305.9; 008.2

«Параллельным курсом»: актуальные проблемы информационного общества в программных статьях российских междисциплинарных научных журналов*

Внутских Александр Юрьевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», кафедра философии, профессор, доктор философских наук, доцент, Пермь, Россия.

E-mail: philosophy-psu@mail.ru

614990, Россия, Пермь, ул. Букирева, д. 15, Госуниверситет,
тел.: +7 (342) 239-63-92

Авторское резюме

Состояние вопроса: Концепция информационного общества выступает как важная теоретическая платформа для актуальных исследований современного социума с позиций междисциплинарного подхода.

Результаты: Тенденция к междисциплинарному исследованию ключевых феноменов информационного (постиндустриального) общества оказывается весьма значимой для формирования полной картины достижений фундаментальных наук о человеке в периодических научных изданиях.

Область применения результатов: Предложен подход, ориентированный на выявление ключевых тем исследования информационного общества путем сравнительного анализа фундаментальных теоретических статей в периодических междисциплинарных изданиях.

Выводы: На основании сравнительного анализа «параллелизмов» в различных современных исследованиях, можно сделать вывод, что ключевыми универсальными темами современного междисциплинарного исследования информационного общества являются глобализация и цивилизационный кризис, социокультурные контексты транзитивного социума и концепции его модернизации.

Ключевые слова: информационное общество; социокультурные контексты транзитивного социума; глобализация; модернизация.

---

* © А. Ю. Внутских, 2015.

In Parallel Course: Actual Issues of Information Society in the Programme Articles of Russian Interdisciplinary Scientific Journals

Vnutskikh Alexander Yurevich – Perm State University, Department of Philosophy, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Perm, Russia.

E-mail: philosophy-psu@mail.ru

15 Bukireva st., Perm State University, Perm, Russia, 614990,

Tel.: +7 (342) 239-63-92.

Abstract

Background: The concept of information is an important theoretical framework for interdisciplinary studies of contemporary society.

Results: The trend towards interdisciplinary studies of the key phenomena of information (post-industrial) society is very important for the formation of a complete picture of the fundamental achievements in Human Sciences in scientific journals.

Research limitations: An approach that focused on identifying of the key themes in information society's study by means of comparative analysis of fundamental theoretical articles in interdisciplinary periodicals is offered.

Conclusion: On the basis of comparative analysis of «parallelisms» in different contemporary studies we can conclude that the key universal themes of contemporary interdisciplinary research of information society are globalization and civilization crisis, socio-cultural contexts of transitive society and the conceptions of its modernization.

Keywords: information society; socio-cultural contexts of transitive society; globalization; modernization.

Социально-гуманитарные исследования по актуальной проблематике современного общества в силу своего колоссального многообразия особенно остро нуждаются в научно выверенных, предельно общих концепциях, способных выступать в качестве составляющей определенной метатеории, дающей определенные основания и для формирования действенной научной методологии для конкретных исследовательских кейсов. И без сомнения, концепция информационного или постиндустриального общества в современных условиях является неотъемлемым элементом таких теоретико-методологических «скреп». Очень важно, что в России появляются журналы, основной задачей которых оказывается теоретико-методологическая «фокусировка» исследований, посвященных различным аспектам формирования и развития информационного общества. Далеко не последнее место среди этих журналов занимает молодой сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», издаваемый с 2013 г. Санкт-Петербургским государственным университетом аэрокосмического приборостроения.

Среди последних публикаций в нем особое внимание привлекают четыре работы: статьи В. Н. Лукина и Т. В. Мусиенко «Теории развития человека в

контексте глобализации», В. И. Комашинского и С. В. Орлова «Философия инфоэволюционного подхода к стратегиям дальнейшего развития технологий пост-NGN», Н. К. Оконской, М. А. Ермакова, О. А. Резник «Очеловечивание техники и технизация человека», и М. Л. Буровой «Информационные войны: аксиологический аспект».

Так, **В. Н. Лукин** и **Т. В. Мусиенко** отмечают нарастающий интерес исследователей к «микротеориям» развития человека, которые вместе с тем являются теориями интегративного, междисциплинарного характера. Среди них в наши дни широкое распространение получили кросс-культурные подходы, теории самодетерминации и трансформационного лидерства, интегративная теория развития личности, являющаяся соединением положений экономических и психологических теорий на основе политико-культурологического подхода [см.: 4].

В свою очередь, **В. И. Комашинский** и **С. В. Орлов** полагают, что теория инфоэволюции является новым важным разделом эволюционной теории в целом, позволяющим выявить закономерности этого вида эволюции и осуществлять его успешное прогнозирование. По их мнению, в обозримом будущем сохранится тенденция к сближению материальной и духовной реальности, что будет находить выражение в новых трендах развития средств связи; в частности, будет становиться все более очевидной потребность формирования все более тонкого и близкого взаимодействия электронных средств с человеческим сознанием [см.: 3].

Н. К. Оконская, **М. А. Ермаков**, **О. А. Резник** выдвигают тезис о необходимости рассмотрения тенденции к технизации человека не только с позиций критики ее негативных следствий, но и в качестве необходимого прогрессивного элемента создания ноосферы и очеловеченной техники. По мнению авторов, духовные ценности способны противостоять негативным последствиям технизации и создать условия для ускоренного формирования современных производительных сил [см.: 11].

Наконец, **М. Л. Бурова**, исследуя феномен информационных войн, приходит к выводу, что «виртуальным театром боевых действий» в данном случае становятся культура, история и самосознание людей, хотя конечной целью информационной войны могут быть вполне конкретные материальные приобретения. Автор полагает, что единственной опорой государства и общества в таких условиях становится идеология, учитывающая традиционные национальные культурные ценности [см.: 2].

Как показывает опыт работы другого российского междисциплинарного периодического научного издания «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология», научное творчество его авторов развивается в ряде отношений «параллельным курсом». Это становится вполне очевидным, судя по опубликованному в № 3 за 2014 год обзору **С. В. Орлова** [см.: 12] и еще раз свидетельствует об актуальности и важности соответствующей проблематики для любого современного специалиста в области социально-гуманитарных наук. Все более заметное место в этом журнале занимают статьи, посвященные рассмотрению проблем *глобализации*,

изучение различных проявлений *кризиса* современной цивилизации, исследование *транзитивного (переходного) характера* явлений современной социальной жизни в свете попыток ее *модернизации*. Сравнительный анализ показывает, что фактически это универсальные темы, основные «точки роста» в актуальных исследованиях по постиндустриализму. Основной целью нашей работы является обзор нескольких наиболее крупных, программных статей, помещенных в научном журнале «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» в 2013 – 2015 гг., которые были посвящены теоретическому осмыслению этих важнейших аспектов функционирования и развития современного общества.

Так, выпуски 1 и 2 за 2014 год начинаются с продолжающейся статьи профессора отделения социологии философского факультета Люблянского университета (Словения), **Р. Мочника** «Субъект предположительно верящий и нация как нулевой институт». Данная статья уже публиковалась за рубежом и в России, однако, по мнению самого словенского коллеги, возникла необходимость издать выверенный вариант русского перевода, что и было сделано при помощи доцента Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета Д. К. Чулакова. Отталкиваясь от работ неомарксиста Л. Альтюссера, Р. Мочник ставит проблему действительности политической идеологии. Действительно, почему в современных социокультурных условиях желаемые членами общества коллективные действия так и не совершаются, а кризисные явления в социальной жизни только усиливаются?

Начать надо с того, что для произнесения осмысленного высказывания говорящий идентифицирует себя со структурной позицией «субъекта предположительно верящего» (СПВ), из которой может быть произнесено осмысленное, т. е. интерпеллятивное высказывание. Интерпеллированный индивид идентифицирует себя с той же самой инстанцией, которая, с его стороны, работает как позиция, находясь в которой можно поверить, что высказывание «имеет смысл». Взаимное «признание» обеих сторон опосредовано, таким образом, третьей инстанцией, с которой обе они активно идентифицируются. Обе коммуницирующие стороны желают, чтобы предложение имело смысл; чтобы их желание осуществилось, они вынуждены, пусть и условно, разделять определенные верования. Инстанция идентификации, таким образом, располагается в точке, где совпадают желание и принуждение.

Почему же в современном обществе не совершаются востребованные коллективные действия? Дело в том, что агенты действия могут быть вынуждены поступать определенным образом. Принуждение является результатом того, как СПВ действует в определенных контекстах. Индивидуальная рациональность зависит от субъекта, предположительно верящего как «объективной», принуждающей и «социальной» идеологической инстанции. «Я отлично знаю, – рассуждает своекорыстный рациональный индивид, – что общее благо является желаемым, и коллективное действие принесет пользу всем. Другие тоже могут это знать, но они, скорее всего, верят,

что люди чаще всего своекорыстные, даже эгоистичные существа, и они предпочитают определенную частную выгоду неопределенному общественному благу. Поскольку они ожидают, что если другие будут действовать в соответствии с этими верованиями, то станут поступать так же независимо от собственных убеждений и желаний. Коллективное действие, скорее всего, так и не произойдет, поэтому, если я не хочу оказаться неудачником, мне лучше последовать примеру других и искать свою собственную выгоду».

Здесь в рациональных рассуждениях индивида начинается бесконечная регрессия: вера в то, что другие верят в то, что другие верят. Существует структурная причина для подобного делегирования верований: интересубъективные отношения опосредованы СПВ, а в любом индивидуалистическом обществе функцию СПВ перекладывают на какого-то другого индивида. СПВ представлен верованиями, приписываемыми другому, и эти верования могут, в конце концов, быть снисходительно поданы как то, что другой верит в то, во что верят другие. Особое значение здесь заключается в том, что каждый индивид играет роль СПВ для любого другого индивида. Это структурная основа для «модерного» (либерально-индивидуалистического) понятия «идентичности», определяющей и группу, и индивида как члена этой группы, т. е. это структурная причина парадокса, суть которого в том, что в либеральных индивидуалистических обществах существует тенденция определять индивидов исключительно или, по крайней мере, в большинстве случаев как членов некоторого коллектива. Таким образом, условная идентификация, при которой индивид сохраняет свои принципы, ведет к безусловному принуждению относительно его собственного «автономного» выбора [см.: 5].

Во второй части статьи **Р. Мочник** исходит из представлений о нации как о «нулевом социальном институте», основной функцией которого является обеспечение существования общества. Именно благодаря этой третьей идеологической концепции, которая является «нейтральной» по отношению к любым противоречащим друг другу дуальным концепциям социального «целого», эти противоречащие идеологии могут определять и «размещать» друг друга в пространстве социальной реальности, и, соответственно, их сторонники вообще могут коммуницировать. Обращаясь к опыту «переходных» восточно-европейских стран, автор полагает, что буржуазия завоевывает современное административное государство только тогда, когда создает идеологический аппарат государства, способный поддерживать буржуазное «использование» государства – нацию. Национальный нулевой институт является формальным и псевдонейтральным механизмом социальной интеграции, который может функционировать, только если он сверхдетерминирован конкретной идеологией из набора альтернативных идеологий, которые он и должен «интегрировать». Поэтому в национально организованных обществах ведется постоянная идеологическая борьба за то, какая конкретная идеология должна сверхдетерминировать формальный механизм национальной интеграции. «Национальная идентичность» является способом, с помощью которого

индивид определяет себя в отношении национального нулевого института. Это также институциональная основа для взаимного признания индивидуальных коммуникантов. Условная идентификация с субъектом предположительно верящим (СПВ), таким образом, оказывается институционально опосредованной «национальной идентичностью» [6].

В выпусках 4 за 2013 г. и 1 за 2014 г. опубликована статья профессора кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета **Л. А. Мусаеляна** «Исторический процесс и глобализация». В данной работе предпринимается попытка выявить связь глобализации с историческим процессом, показать фундаментальные антропологические основания этого феномена. «Арабская весна» и многотысячные демонстрации в декабре – феврале 2011 – 2012 гг. у нас в стране дают основание вспомнить почти забытое современным обществознанием открытие Маркса – закон роста основательности истории. В силу того, что каждое новое поколение не просто перенимает от предшествующих «реальную основу истории» но и видоизменяет, обогащает её, исторический процесс приобретает аккумулятивный характер. В этой связи рост основательности истории и её ускорение являются сущностными тенденциями развития человечества. Люди сами делают свою историю, поэтому вместе с основательностью исторического действия, как отмечал К. Маркс, будет расти и объём массы, делом которой оно является.

Если же говорить о феномене «цветных революций», то существует две основные точки зрения по их поводу. Согласно первой, они не имеют основания в объективных тенденциях развития человечества. Это всецело рукотворный процесс «ненасильственного» свержения власти, осуществляемый по хорошо отработанной технологии внутренней оппозицией, организованной, финансируемой и управляемой извне. С другой точки зрения, это феномен глобального политического пробуждения народов, которые поднимаются на борьбу с авторитарными режимами своих стран при моральной и политической поддержке свободного мира. Очевидно, что при такой интерпретации «цветные революции» приобретают иной контекст. Они соответствуют общему вектору развития человечества и поэтому являются закономерными и ожидаемыми. Это позволяет вуалировать внешнее вмешательство во внутренние дела суверенных государств, которое нередко оказывается определяющим в исходе событий. Какая из приведённых точек зрения является правильной? По мнению самого Л. А. Мусаеляна – ни одна, хотя в каждой из них есть свой резон. То есть формально «цветные революции» происходят в русле общей тенденции развития человечества – роста основательности исторического процесса. Однако, как показывают события, целью творцов «цветных революций» является не защита прав и свобод народных масс в той или иной стране, не вовлечение их в активную общественную и политическую жизнь с тем, чтобы сам народ решал свою собственную судьбу и реализовал своё законное право на выбор путей развития. По существу «цветные революции» – это изощрённый и циничный способ целенаправленного использования пробуждающейся энергии народных масс для защиты экономических и

геополитических интересов главных акторов современного исторического процесса.

Для обоснования данного тезиса автор предлагает обратиться к анализу феномена глобализации с позиций концепции информационного общества и фундаментальной политэкономии. Информационное общество представляет для нас интерес не только потому, что на этом этапе исторического процесса возникают признаки межформационных сдвигов (формирование научного труда, вырождение стоимостных отношений и т. д.), но и в связи с тем, что в эту эпоху глобализация приобретает более выраженный характер, что даёт основание некоторым исследователям рассматривать глобализацию как феномен исключительно конца XX в. Но уже К. Маркс задолго до современных учёных не только описал феномен глобализации, но и ввёл само это понятие, выражающее новые тенденции в истории человечества.

Превращение исторического процесса во всемирно-исторический по Марксу означает усложнение коллективного субъекта исторического процесса, возрастание роли отдельных государств в определении судьбы не только собственного народа, но и человечества в целом. Названная тенденция является необходимым условием глобализации, но не достаточным. Онтологическим (антропологическим) основанием глобализации является неодолимая тенденция развития человека в соответствии с его универсальной родовой сущностью. В этой связи, как представляется, далеко не случайно, что глобализация получила своё рельефное выражение в постиндустриальную эпоху, когда стал формироваться научный («всеобщий» – Маркс) труд, требующий для своего выполнения универсально развитых индивидов. Но интернационализация, интеграция сфер общественной жизни стран и регионов, формирование взаимосвязанного целостного мира не есть результат равного взаимовлияния народов и государств. Развитие человечества имеет неравномерный, противоречивый характер. Поэтому в каждую историческую эпоху социальный мир представляет жёстко иерархизированную систему государств, включающую передовые по уровню социально-экономического развития страны и отсталые. По мнению Л. А. Мусаеляна, и «двойные стандарты» в международной политике, и «цветные революции» являются инструментами борьбы за господство в этой системе [см.: 7, 8].

В выпусках 4 за 2014 г. и 1 за 2015 г. опубликованы статьи **Л. А. Мусаеляна**, объединённые общей темой кризиса и девальвации международного права. В первой из них – «Феноменология и доктринальные факторы правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях» – автор показывает, что демонстративное нарушение общепризнанных принципов международного права и практика двойных стандартов в применении норм международного права во внешней политике ведущих держав мира становится все более распространённым явлением. Фактически мы живём в эпоху кризиса современного международного права, который проявляется в правовом нигилизме, применении в практике двойных стандартов, подмене правовых принципов в международных отношениях квазиправовыми понятиями, такими как «страны-изгои», «диктаторские

режимы» и др. Кризис международного права является своеобразным катализатором ускорения и углубления глобального кризиса цивилизации. Это определяется не только особой ролью права как важнейшего регулятора общественной жизни социума, но и тем, что основными субъектами антиправовой культуры в международных отношениях оказались ведущие державы – главные акторы мировой политики. Подобная практика приводит к девальвации международного права и падению престижа международных институтов, призванных регулировать международные отношения и обеспечивать устойчивый миропорядок. Л. А. Мусаелян полагает, что факторы, обуславливающие девальвацию международного права и низкую эффективность регулятивных возможностей ООН и его институтов, можно условно разделить на три группы: доктринальные, цивилизационные и геополитические.

В отношении факторов доктринальных автор отмечает, что если есть определенная иерархия норм международного права, то должна быть и иерархия его основных принципов. В противном случае противоречивость, зыбкость «самого фундамента» делает неустойчивым, нежизнеспособным все здание международного права. И именно особый статус принципа уважения прав человека дает основание считать эту систему субординированной. Демократия, в отличие от авторитаризма и тоталитаризма, – форма правления, которая гармонизирует права национальных меньшинств с правами человека и на этой основе с правами всего населения. Подобная гармонизация означает отсутствие в государстве селективной политики по обеспечению прав человека в отношении этнических меньшинств и титульного населения. Такая политика создает условия для мира и стабильности в обществе. Поэтому обеспечение прав человека и национальных меньшинств отвечает интересам государства, способствует сохранению и укреплению его целостности. Если же государство осуществляет дискриминационную политику по этническому, языковому, религиозному признаку, более того – поддерживает или само осуществляет массовые репрессии против людей, то право народов на самоопределение имеет большую юридическую силу, нежели принцип целостности государства; внешнее вмешательство во внутренние дела государства в этом случае не только допустимо, но и необходимо.

Особая и сложная проблема – появление новых субъектов весьма активных в международной экономике и политике, в первую очередь ТНК. ТНК, возможности которых воздействовать на социальные процессы превосходят возможности многих государств, в отличие от последних не являются субъектами международного права вообще. Деятельность ТНК чаще всего проходит вне публичной сферы, которая в силу отсутствия там конкуренции оказывается более эффективной, чем публичная деятельность в правовом поле. Поэтому к неотложным задачам совершенствования международного права следует отнести и разработку норм, регулирующих растущую активность новых субъектов экономической и политической жизни человечества. Впрочем, доктринальные факторы сами по себе не вызывают

указанные критические явления в международном праве; по мнению автора, их можно отнести к факторам кондициональным [см.: 9].

Во второй статье цикла – «Цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права» – Л. А. Мусаелян рассматривает именно эти последние факторы как играющие определяющую роль в разрушении международного права. Капитализм, в ходе истории двигаясь из континентальной Европы на Британские острова, а затем – в Америку, постепенно растерял те культурно-гуманистические сдержки и противовесы, которые препятствовали безудержному стремлению капитала к получению прибыли. Интеллектуальным выражением освобожденного от «гуманистических пут» капитализма стала философия американского прагматизма, как известно, отождествляющего истину с пользой, выгодой. Но это фактически означает элиминацию института объективной истины из права. В свою очередь, многолетнее превосходство над другими странами и возникновение монополярного мира в конце XX – начале XXI вв. способствовали укоренению в общественном сознании американцев негативного отношения к международным институтам и соглашениям, ибо они мешают США использовать свою силу – определяющий инструмент внешней политики. По мнению Л. А. Мусаеляна, пользуясь правом сильного, США стремятся блокировать любые потенциальные угрозы своему лидерству и военному превосходству. Отсюда их особое отношение к международному праву и международным отношениям. Они присваивают себе право нанесения превентивных ударов по странам, чья политика с их точки зрения таит угрозу американским национальным интересам, что квалифицируется как угроза международному миру и стабильности. Глобальное военное присутствие является основой политической, экономической, финансовой, культурной гегемонии Америки в мире. Глобализация, как представляется Л. А. Мусаеляну, есть современная форма тоталитаризма, которую еще предстоит исследовать.

Вместе с тем в начале XXI в. все более очевидными становятся признаки смещения цивилизационного центра в регион Азии. Это сопровождается изменением сложившейся в годы монополярного мира финансовой, экономической, промышленной, политической архитектоники, порождающей очаги напряженности и локальных конфликтов. Череды «цветных революций», произошедших в арабских странах, государственный переворот в Украине – все это попытки переформатировать складывающуюся новую архитектуру мира, блокировать всеми доступными средствами тенденции, ведущие к закату монополярного мира. Противодействовать объективным историческим процессам сложно. Отсюда, с одной стороны, неизбежное нарушение норм международного права, призванного обеспечить стабильность мира и развитие социума, с другой, поиск союзников среди маргинальных движений, обладающих мощной энергетикой, способной радикально изменить политическую и социально-экономическую ситуацию в отдельных странах и регионах. Но инструментализация националистических, откровенно фашистских, религиозно-экстремистских организаций для своих геополитических целей тоже имеет свои юридические последствия. По мнению

Л. А. Мусаеляна, целые страны и регионы вырываются из правового пространства и погружаются в варварство, где господствует право силы [см.: 10].

Наконец, в выпуске 2 за 2014 г. обращает на себя внимание совместная статья ныне, к сожалению, покойного профессора кафедры социологии Пермского государственного национального исследовательского университета **А. Г. Антипьева** и доцента кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета **К. А. Антипьева** «Социокультурный фактор в модернизации российской экономики и общества». Анализируя попытки модернизации России, соавторы приходят к выводу, что именно из-за недоучета влияния социокультуры и духовно-нравственных ценностей ни одна из проводимых в стране правительственных реформ не завершена и не дала ожидаемых результатов. Ведь именно благодаря культуре и через культуру происходит «снятие» социального в экономическом, политическом, идеологическом содержании. Важный показатель развитости социокультуры – способность властных структур, бизнеса, рядовых граждан к сотрудничеству, а его необходимым условием является взаимное уважение, ответственность и высокий профессионализм всех субъектов формирующегося гражданского общества.

Каковы же главные причины недооценки в современной России социокультурных факторов модернизации? Соавторы полагают, что с самого начала перевода нашего общества на рельсы капиталистического развития у правящей элиты отсутствовала четкая стратегия развития страны. Правительственные структуры исходили из лозунга, что надо до основания разрушить старую общественную систему и на этой основе построить современное общество, не задумываясь при этом об экономических и социальных последствиях принимаемых решений. То есть шла активная борьба власти с «пережитками социализма». При этом элита особо не вникала в содержание этих пережитков.

Вторая причина недооценки социокультурного фактора – преувеличение значения экономики в существующих ее формах, то есть экономики сырьевой. В обществе и государстве сложилась устойчивая привычка жить за счет экспорта нефти, газа и других полезных ископаемых, не уделяя должного внимания развитию реального производства. В 2000 – 2007 гг. ежегодный рост бюджетов, особенно крупнейших городов России и их расходов составлял 70 – 90%! Необходимость модернизации в таких условиях была далеко не очевидной для власть предержащих. Напротив, сформировалась идеология быстрого обогащения, не связанная с реальной производственной деятельностью. Она глубоко укоренилась не только среди чиновников, хозяйственных руководителей крупных компаний, но и среди значительной части населения, особенно среди молодежи. Отсюда и высокий уровень коррупции, и нежелание определенной части людей трудиться. Труд как важнейшая социальная ценность сместился на периферию общественной жизни. И в обществе до сих пор нет четкого осознания того, что так жить дальше нельзя.

Третья причина недооценки социокультурного фактора кроется в сфере политической, прежде всего в деятельности государственной власти. Политика продолжает господствовать над социальной сферой и культурой. Это одна из причин реального кризиса власти, высокого уровня коррупции и неспособности организовать выполнение одной из главных функций любой власти – адекватного закону правоприменения, продолжающегося преференциального стиля кадровой политики, низкой исполнительской дисциплины, что проявляется в том числе в неисполнении или формальном исполнении поручений Президента РФ. Причем господство политического реализуется на фоне низкого профессионального уровня управленцев, в первую очередь государственных и муниципальных служащих. Деятельность власти очень часто недостаточно эффективна, что нередко является следствием игнорирования мнения научного сообщества по наиболее важным вопросам социально-экономического и политического развития. Понятно, что осуществить модернизацию экономики и всего общества невозможно без усиления реального внимания к науке, современным технологиям, качеству образования. Но ошибочно было бы сводить проблемы этих секторов исключительно к недофинансированию. Помимо полноценного финансирования требуется и кардинальное повышение престижа ученого, преподавателя, специалистов, склонных к инновационной деятельности.

Глава государства в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации еще в 2012 году справедливо охарактеризовал то, с чем столкнулось российское общество в начале XXI века, как «ценностную катастрофу». Это заявление, по мнению А. Г. Антипьева и К. А. Антипьева, вселяет определенную уверенность в том, что власть, осознав всю пагубность этой катастрофы, не только на словах, но и на деле займется решением этой проблемы и усилит внимание к социокультуре как важнейшему фактору развития нашего общества [см.: 1].

Редакция журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» исходит из необходимости междисциплинарного подхода к решению традиционных и вновь возникающих проблем социально-гуманитарных наук. И изложенные выше наработки наших ведущих авторов свидетельствуют в пользу того, что платформа концепции информационного (постиндустриального) общества является одной из базовых для адекватной постановки и решения этих проблем в современной социокультурной ситуации.

Список литературы

1. Антипьев А. Г., Антипьев К. А. Социокультурный фактор в модернизации российской экономики и общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 2. – С. 126 – 132.
2. Бутова М. Л. Информационные войны: аксиологический аспект // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4. – С. 31 – 39.

3. Комашинский В. И., Орлов С. В. Философия инфоэволюционного подхода к стратегиям дальнейшего развития технологий пост-NGN // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 2. – С. 11 – 20.

4. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Теории развития человека в контексте глобализации // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 1. – С. 27 – 38.

5. Мочник Р. Субъект предположительно верящий и нация как нулевой институт. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 1. – С. 6 – 16.

6. Мочник Р. Субъект предположительно верящий и нация как нулевой институт // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 2. – С. 5 – 19.

7. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2013. – № 4. – С. 5 – 12.

8. Мусаелян Л. А. Исторический процесс и глобализация (глобализация: сущность, содержание, форма и антропологические основания) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 1. – С. 17 – 22.

9. Мусаелян Л. А. Девальвация международного права. Статья первая: Феноменология и доктринальные факторы возникновения правового нигилизма и двойных стандартов в международных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 4. – С. 5 – 13.

10. Мусаелян Л. А. Девальвация международного права. Статья вторая: Цивилизационные, формационные и геополитические факторы кризиса международного права // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2015. – № 1. – С. 16 – 25.

11. Оконская Н. К., Ермакова М. А., Резник О. А. Очеловечивание техники и технизация человека // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. – 2014. – № 4. – С. 21 – 31.

12. Орлов С. В. Новый сетевой журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе: направления исследований и проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 3. – С. 5 – 15.

References

1. Antipyeв A. G., Antipyeв K. A. Socio-Cultural Factor in Modernization of Russian Economy and Society [Sotsiokulturnyy faktor v modernizatsii rossiyskoy ekonomiki i obschestva]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 2, pp. 126 – 132.

2. Burova M. L. Information Warfare: the Axiological Aspect [Informatsionnye voyny: aksiologicheskiy aspekt]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom*

obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 4, pp. 31 – 39.

3. Komashinskiy V. I., Orlov S. V. The Philosophy of Infoevolutional Approach to the Strategies of Further Post-NGN Technologies Development [Filosofiya infoevolutsionnogo podkhoda k strategiyam dalneyshego razvitiya tekhnologiy post-NGN]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 2, pp. 11 – 22.

4. Lukin V. N., Musienko T. V. Theories of Human Development in the Context of Globalization [Teorii razvitiya cheloveka v kontekste globalizatsii]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 1, pp. 27 – 38.

5. Mochnik R. J. Subject Supposed to Believe and Nation as a Zero Institution [Subekt predpolozhitelno veryaschiy i natsiya kak nulevoy institut]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 1, pp. 6 – 16.

6. Mochnik R. J. Subject Supposed to Believe and Nation as a Zero Institution [Subekt predpolozhitelno veryaschiy i natsiya kak nulevoy institut]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 2, pp. 5 – 19.

7. Musaelyan L. A. Historical Process and Globalization [Istoricheskiy process i globalizatsiya]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2013, № 4, pp. 5 – 12.

8. Musaelyan L. A. Historical Process and Globalization (Globalization: Essence, Content, Form and Anthropological Bases) [Istoricheskiy process i globalizatsiya (Globalizatsiya: suschnost, sodержanie, forma i antropologicheskie osnovaniya)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 1, pp. 17 – 22.

9. Musaelyan L. A. The Devaluation of International Law. The First Paper: Phenomenology and Doctrinal Factors of Legal Nihilism and Double Standards Within the Sphere of International Relations. [Devalvaciya mezhdunarodnogo prava. Statya pervaya: Fenomenologiya i doktrinalnye faktory pravovogo nigilizma i dvoynnykh standartov v oblasti mezhdunarodnykh otnosheniy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 4, pp. 5 – 13.

10. Muselyan L. A. The Devaluation of International Law. The Second Paper: Civilization, Formational and Geopolitical Factors of International Law’s Crisis [Devalvaciya mezhdunarodnogo prava. Statya vtoraya: Tsivilizatsionnye, formatsionnye i geopoliticheskie factory krizisa mezhdunarodnogo prava]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2015, № 1, pp. 16 – 25.

11. Okonskaya N. K., Ermakova M. A., Reznik O. A. Humanization of Technology and Technicalization of Humans [Ochelovechivanie tekhniki i tekhnizatsiya cheloveka]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom*

obschestve (Philosophy and Humanities in Information Society), 2014, № 4, pp. 21 – 30.

12. Orlov S. V. A New Net Journal “Philosophy and Humanities in Information Society”: The Sphere of Research and Problems [Novyy setevoy zhurnal “Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* (Perm University Bulletin. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”), 2014, № 3, pp. 5 – 15.

УДК 130.2

Отечественный консерватизм и неоконсерватизм: общее и особенное*

Арефьев Михаил Анатольевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», заведующий кафедрой философии и культурологии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: ant-daga@mail.ru

196607, Россия, Санкт-Петербург – Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2,
тел: 8 (812) 451 73 19.

Давыденкова Антонина Гилеевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный аграрный университет», заведующая кафедрой социологии, политологии и истории, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: ant-daga@mail.ru

196607, Россия, Санкт-Петербург – Пушкин, Петербургское шоссе, д. 2,
тел: 8 (812) 466 43 31.

Осипов Игорь Дмитриевич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Санкт-Петербургский государственный университет, заведующий кафедрой истории философии, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: idosipov@mail.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9,
тел: 8 (812) 328 94 21, доб. 1841.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Существует значительный круг литературы, посвященной западноевропейской традиции консерватизма, однако относительно российской традиции количество исследований невелико. Профессионально, на философском уровне вопросами идеологии русского консерватизма занимаются по преимуществу историки русской философии: А. Ф. Замалеев, С. В. Лебедев, И. Д. Осипов, И. Н. Тяпин и др.

Результаты: Историческая традиция русского консерватизма стала теоретической основой для современной концепции неоконсерватизма. Наиболее важными чертами отечественного неоконсерватизма являются следующие: традиционализм, убежденность в необходимости сохранения сильной вертикали власти, не допускающей существенных изменений и реформирования; понимание идеологии западничества как главной угрозы русской культуре; убежденность в том, что единственным источником власти является народ Российской Федерации; восприятие социального бытия как

* © М. А. Арефьев, А. Г. Давыденкова, И. Д. Осипов, 2015.

установленного свыше порядка Вселенной; осознание духовной составляющей социального бытия и трактовка законов общества в рамках принципов креационизма и провиденциализма; приверженность ортодоксальному православию при уважении других традиционных религий России; осуждение радикально-либеральной и социалистической теории и практики, ориентация на Евразийское Экономическое Сообщество; положительное отношение к проникновению ценностей русской культуры в среду других народов многомиллионной страны и т. д.

Область применения результатов: Философия политики, история русской философии, история политических и правовых учений, политология, прикладные политические исследования.

Выводы: У истоков формирования и эволюции философии российского консерватизма и неоконсерватизма стояли знаковые фигуры и наследие крупнейших деятелей русской культуры, лидеры политических движений. Основной особенностью, придававшей русскому консерватизму своеобразие и самобытность, была трансформация европейских идей через православие. Широкое универсально-мировоззренческое содержание консерватизма объединяет все его национальные варианты: это апология суммы ценностей прошлого, примат целого над частным. Сегодня обращение к философии неоконсерватизма имеет не только теоретико-познавательное, но и практически-политическое значение как один из самых перспективных Ответов на современные цивилизационные, культурные, политические Вызовы.

Ключевые слова: консерватизм; консервативное восприятие времени; консерватизм как культура; традиционализм; почвенничество; неоконсерватизм.

Domestic Conservatism and Neoconservatism: the Universal and the Particular

Arefev Mikhail Anatolevich – Saint Petersburg State Agrarian University, Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

e-mail: ant-daga@mail.ru

2, Peterburgskoe Shosse, Saint Petersburg – Pushkin, 196601, Russia,
tel: +7 (812) 451 73 19.

Davydenkova Antonina Gileevna – Saint Petersburg State Agrarian University, Head of the Department of Sociology, Political Science and History, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

e-mail: ant-daga@mail.ru

2, Peterburgskoe Shosse, Saint Petersburg – Pushkin, 196601, Russia,
tel: +7 (812) 466 43 31.

Osipov Igor Dmitrievich – Saint Petersburg State University, Head of the History of Philosophy Department, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg, Russia.

e-mail: idosipov@mail.ru

7-9, Universitetskaya nab., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel: +7 (812) 328 94 21, extension 1841.

Abstract

Background: There exists a wide range of literature on West-European tradition of conservatism, but as for the Russian tradition, the number of studies is small. Professionally, on a philosophical level, the ideology of Russian conservatism has been studied mainly by Russian philosophy historians: A. F. Zamaleev, S. V. Lebedev, I. D. Osipov, I. N. Tapin and others.

Results: The historical tradition of Russian conservatism has formed the theoretical basis of a modern conception of neoconservatism. The most important characteristics of Russian neoconservatism are as follows: traditionalism, the confidence of a necessity to preserve a rigid vertical (unitarian) structure of government power not willing to change and reform its ideas and attitudes; the consideration of western ideology as the main threat to Russian culture; the belief that the only source of power is the people of the Russian Federation; social being perception as the perpetual order of the Universe; the realization of the spiritual component of social being and the treatment of social laws within the scope of creationism and providentialism; the adherence to orthodoxy while respecting the other traditional religions in Russia; the conviction of radical, liberal and socialist theories and practices; Eurasian Economic Community orientation; positive attitude towards Russian culture penetration into different cultures of peoples living in the multimillion country.

Research implications: Philosophy of politics, history of Russian philosophy, history of political and legal studies, political science, applied political research.

Conclusion: The heritage of the prominent figures of Russian culture, leaders of political movements is considered to be the source of the formation and evolution of the philosophy of Russian conservatism and neoconservatism. The main feature that gave Russian conservatism its uniqueness and identity was the transformation of European ideas by means of orthodoxy. Broad universal philosophical meaning of conservatism explains all its national variants, viz. the apology for the values of the past, the primacy of the whole over the private. Nowadays the reference to philosophy of neoconservatism is not only of epistemological, but of political importance, being one of the most promising answers to modern civilization, cultural and political challenges.

Keywords: conservatism; conservative perception of time; conservatism as culture; traditionalism; nationalistic trend in philosophy; neoconservatism.

Все 90-е годы прошлого столетия постсоветская политическая элита тешила себя иллюзией о ненужности какой-то объединяющей, быть может, даже государственной, социально-политической идеологии. Это нашло свое

отражение в ныне действующей Конституции Российской Федерации, где прямо присутствует тезис о плюрализме различных идеологий. В статье 13 Основного Закона прописано: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1, с. 7]. «Тучные», благодущные годы первого десятилетия двадцать первого столетия, вплоть до экономического кризиса 2008 года, способствовали сохранению этой иллюзии. Однако конец десятых годов и начало двадцатых годов показали, что страна столкнулась с такими вызовами и цивилизационными рисками современности, которые потребовали определиться в этом вопросе. И на повестку дня стала выходить идеология и практика правящих партий, которая по своим параметрам соответствует неоконсервативной линии. Для прояснения этого вопроса, на наш взгляд, следует обратиться к истории формирования и развития отечественных консервативных идей.

Консерватизм представляет собой одну из старейших и влиятельных идеологий в Европе, и вместе с тем в науке нет единого мнения по поводу его характерных особенностей. Так, некоторые исследователи выделяют либеральный, умеренный и правый консерватизм [см.: 13, с. 47]. Другие говорят о двух типах консерватизма: ценностном (ориентирующемся на сохранение основополагающих общественных ценностей) и структурном (исходящем из того, что стабильность обеспечивается общественными структурами) [см.: 3, с. 97]. Во многом данное понятийное разнообразие отражает динамизм и изменчивость социальных процессов, которые вызывают необходимость адаптации консерватизма к новым социально-политическим реалиям. Консерватизм как идеология должен приспосабливаться, видоизменяясь и воспринимая нечто для себя важное даже у своих идейных оппонентов. В результате появляются синкретичные идеологические формы: либеральный консерватизм, консервативный либерализм, революционный консерватизм и т. д. [см.: 5]. Таким образом, идеология консерватизма убедительно продемонстрировала возможность своего развития как сплав ценностей, философско-теоретических идей и соответствующей социальной политики.

Консерватизм целесообразно рассматривать в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле он может быть понят как некое вечное и универсальное мировоззрение. Исследователи справедливо полагают, что «консервативные начала можно усмотреть на самых различных этапах развития человеческого общества» [11, с. 51] и «заметить элементы консерватизма у Платона, Аристотеля, и у древних мыслителей» [9]. Следуя этой же логике, Н. А. Бердяев писал: «Консерватизм поддерживает связь времен, не допускает окончательного разрыва в этой связи, соединяет будущее с прошлым. Консерватизм имеет духовную глубину, он обращен к древним истокам жизни, он связывает себя с корнями, он верит в существование нетленной и неистребимой глубины» [2, с. 91]. Объективно консерватизм утверждает идею исторической преемственности и единства поколений, образуемой за счет воссоздания культурных традиций.

Если говорить о консерватизме в узком смысле как о сложившейся относительно стройной и структурированной системе взглядов, то исходной точкой его рождения является XVII век. Именно в это время можно увидеть появление политического консерватизма как сочетания идейного и организационного начал, направленного против Реформации и английской буржуазной революции 1640-х годов. Для российской консервативной традиции характерна именно широкая трактовка в понимании консерватизма как мировоззрения, связанного со стабильностью и исторической преемственностью. Мудрость консерватизма состоит в понимании того, что нет ничего вечного под луной. Тесная связь исторического взгляда и морального сознания стимулирует консерваторов на создание историософии морали. У большинства отечественных консерваторов мы можем найти примеры обращения к «спасительным обычаям, правилам и мыслям народным» (Карамзин) и морального суда над действительностью. Консерватизм – мировоззрение, в котором в той или иной форме отстаивается идея субстанции и примат целого над частным. Субстанцией могут выступить разные феномены: человеческий род, государство, нация, народ, община, социальная группа, вследствие чего консерватизм можно определить как социальную онтологию по преимуществу, его универсализм является отражением социального единства, в отличие от рационального универсализма в либерализме.

Экскурс в историю европейского консерватизма показывает, что он вырастает на основе традиционализма, хотя и не сводится к нему. Традиционализм зачастую трактуется как «универсальная психологическая позиция, которая проявляется у различных индивидов в виде тенденции держаться за прошлое и как страх перед обновлением». Однако эта психологическая тенденция может обрести особую функцию в социальном процессе. До поры до времени индивиды являются бессознательными носителями этого инстинктивного традиционализма, но в случае серьезной угрозы традиционному миропорядку дремлющая психическая энергия, можно сказать, переходит в политическую. Так рождается определённая политическая философия. Иначе говоря, консерватизм «есть не что иное, как вариант традиционализма, который стал сознательным» [10, с. 4]. Консерватизм делает упор на соблюдение ценностей патриотизма, государства, норм морали, дисциплины и порядка, семьи, религии, коллективизма, – это мировоззрение, направленное против радикального прогресса и ломки устоев общества.

По вопросу о времени и обстоятельствах зарождения российского консерватизма существует несколько точек зрения. Б. В. Глинский полагает, что «консервативная партия» в России существовала, по крайней мере, в 1730 г. [см.: 4, с. 57]. По мнению В. Ф. Мамонтова, российский консерватизм возник на рубеже XVIII – XIX вв. [см.: 8, с. 3]. Можно согласиться с тем, что в XVIII веке были представители консервативной мысли – А. И. Сумароков, Г. Р. Державин, М. М. Щербатов, однако следует признать, что в это время фактически отсутствовали условия для организационного и идейного оформления консерватизма. Дореволюционный русский консерватизм в своём генезисе прошел два этапа: период раннего консерватизма первой половины XIX в. и

второй этап – пореформенный. Консерватизм в России возник как реакция на реформы и в связи с Французской революцией и распространением идей либерализма. В этом он похож на европейский консерватизм, но отличало его ценностное своеобразие, специфическая категориальная структура мировоззрения. Ранний русский консерватизм имел следующие концептуальные формы: просвещенный консерватизм Н. М. Карамзина, славянофильство и доктрина официальной народности С. С. Уварова, С. П. Шевырева, М. П. Погодина. Содержательно данный консерватизм был эклектичен, в воззрениях отечественных консерваторов были причудливо перемешаны средневековые представления, характерные для крепостников, с идеями европейского Просвещения.

Русский консерватизм может рассматриваться как специфический вариант общеевропейского течения консервативной мысли в условиях России – страны с устойчивыми социокультурными традициями, с одной стороны, и быстрыми темпами модернизации – с другой. Можно выделить различные социальные группы носителей консервативного сознания. К. Д. Кавелин писал: «Существенная разница между консерватизмом в том смысле, какой мы ему придаем, и в том смысле, какой ему приписывается у нас весьма часто, заключается в том, что в последнем он опирается на какой-нибудь идеал, начало и во имя их отстаивает и охраняет существующее; консерватизм же как принцип стоит за существующее не во имя какого-нибудь идеала или начала, а потому только, что нет ввиду лучшего, или не выяснилось, как к нему перейти. Не будучи доктриной, консерватизм – великая сила. У нас публика и народ величайшие, неумолимые консерваторы» [7, с. 1037]. Б. Н. Чичерин полагал, что носителями «охранительных начал» в России были дворянская знать и крестьянство, и «чем более они отдалены от общих центров и привязаны к своим местным интересам, чем ниже их образование, тем упорнее держатся в них уважение к преданиям, любовь к старине, господство обычая и отвращение от всяких нововведений» [14, с. 240]. Консерватизм в России был укоренен в традиционных церковно-дворянских кругах, но также мог иметь и верхушечный интеллектуально-интеллигентский или бюрократический характер.

Рассматривая идейные истоки русского консерватизма, нельзя не заметить, что в основании консервативной идеологии лежали идеи и ценности отечественной формы православия. Так, присущий русским консерваторам иррационализм опирался на православный принцип непостижимости Бога рациональным путем. Кроме того, они восприняли и аксиологические устремления в философско-исторических взглядах восточного христианства. При этом именно православие придавало русскому консерватизму своеобразный, самобытный характер, так как идеи, воспринимавшиеся у западных мыслителей, во многом трансформировались под его влиянием. В частности, романтическая идея органичности нашла своеобразное преломление в учении о соборности славянофилов и философии всеединства В. С. Соловьева.

Мощный толчок развитию философии русского консерватизма дали идеи славянофилов, в особенности Н. Я. Данилевского. В свою очередь, идеи Данилевского подхватило и продолжило «охранительное и зиждительное» направление русского монархизма (К. Н. Леонтьев, М. Н. Катков, Л. А. Тихомиров и др.). В пореформенный период (после 1861 года) все российские идеологии приобрели большую мировоззренческую определённую. Специфика пореформенного консерватизма состоит в теоретическом разнообразии, в это время появляется целый спектр концепций: от неославянофильства до монархизма и почвенничества. Всё это свидетельствует о бурном развитии идеологии консерватизма в России. В конечном итоге во второй половине XIX в. в лагере консерваторов оказались видные писатели, крупные историки и известные философы-государственники. Можно выделить следующие течения пореформенного консерватизма: неославянофильство (С. Ф. Шарапов, И. С. Аксаков, Д. Н. Шипов), почвенничество (Ф. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев), монархизм, или охранительное течение (М. Н. Катков, К. П. Победоносцев, К. Н. Леонтьев, В. П. Мещерский). Следует назвать и русский национализм, представленный М. О. Меньшиковым, В. М. Пуришкевичем, П. Е. Ковалевским.

Рассматривая идеи, изложенные в сочинениях отечественных консерваторов, можно тезисно сформулировать аксиологию русского консерватизма:

Во-первых, это уважение к органическим, естественным формам жизни, приоритет общего, государственного, национального интереса над личным.

Во-вторых, сильный властный порядок, реализованный в иерархически организованной государственности, отражающей естественное социальное неравенство. Иерархия порядка власти выступала альтернативой горизонтальной упорядоченности права. Консерваторы выступали за просвещенный авторитаризм, где реализуется приоритет обязанностей над индивидуальными свободами и правами: социальный порядок оказывается мерой свободы. Выступая за целостность власти, консерваторы были принципиальными противниками демократии, разделения власти и верховенства права. Сильное государство признавалось опорой социальной стабильности и нравственного воспитания.

В-третьих, в русском консерватизме значимой признается ценность нации. Особый интерес вызывает решение национальной проблемы в русском консерватизме, русскость однозначно отождествляется с православностью и государственностью.

В-четвертых, в числе консервативных ценностей следует назвать ценность традиции, обычая. В консерватизме утверждалась ценность культурного традиционализма как основы эволюционных социальных изменений и саморегуляции общества; привычки и чувства признавались фундаментальными силами в обществе и в жизни человека.

В-пятых, консерватизм в культурном отношении выступал за единство в многообразии и против многообразия в единстве. Онтология консервативности выражалась в соловьевском принципе «всеединства».

В-шестых, такая разновидность консерватизма как духовный консерватизм синтезировала ценность охранения с ценностью духовной свободы и творчества личности. Например, Ильин полагал, что внутренняя свобода духа ни в коем случае не предполагает отрицания авторитета и дисциплины, но человек, не достигший ее и не сумевший внутренне освободиться, не заслуживает политической свободы [см.: 6, с. 108]. Именно внутренняя свобода, по его мнению, дает возможность человеку приобрести свое духовное достоинство.

Постсоветская действительность вызвала к жизни отечественную, уже неоконсервативную, традицию. Так, например, профессор из Вологды И. Н. Тяпин в своей диссертации «Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в.» (2009) указывает в качестве родовой черты российского неоконсерватизма его восприимчивость к новациям, способность осознавать и поддерживать процессы модернизации, готовность приспособливаться к требованиям изменяющейся социокультурной ситуации и новым политическим реалиям [см.: 12].

Исходя из национальных признаков консерватизма, можно выделить следующие *сущностные черты* российского неоконсерватизма:

1. Традиционализм, особенно в политической сфере, что выражается в убеждении о необходимости сохранения сильной вертикали власти при допущении крайне ограниченных политических реформ, способствующих его оздоровлению и укреплению, но не изменению.

2. Западничество в его радикально-либеральной форме представляет основную угрозу для всех сторон российской самобытности, русской культуры.

3. Приверженность концепции сверхъестественного происхождения высшей государственной власти трансформируется в убеждение о том, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является её многонациональный народ».

4. Представление об ограниченности, прерывности материального и духовного социально-антропологического прогресса.

5. Восприятие социального бытия как одного из проявлений установленного свыше порядка Вселенной, соединившего, с одной стороны, единство и целостность, с другой, – многообразие и противоречивость, в категориях религиозной диалектики (добро и зло, порок и добродетель), что стало следствием сохранения связи с метафизикой русского православия.

6. Социальный органицизм, особенность которого состоит в осознании специфики духовной составляющей социального бытия и трактовке социально-биологических законов в рамках принципов креационизма и провиденциализма.

7. Приверженность ортодоксальному православию как учению и как необходимой, но производной от государства общественно-политической силе,

и в то же время уважение к традиционным религиям России, приверженность практике поликонфессионализма.

8. Соединение принципов социального иерархизма и корпоративизма на основе общих идеалов и ценностей многочисленных народов и народностей России.

9. Неприятие радикально-либеральной и социалистической теории и практики, наряду с признанием и пропагандой идеологии евразийства и политической ориентацией на Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) как международную экономическую организацию ряда постсоветских государств, занимающуюся формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и других составляющих функционирования общего рынка.

10. Признание значения культурных особенностей русского народа, исключительной роли русского языка как языка межнационального общения, соединенное с восприятием практики распространения ценностей других культур в российской социальной системе.

11. Положительное отношение к проникновению ценностей русской культуры в среду других народов многонациональной страны.

В качестве вывода отметим, что у истоков формирования и эволюции философии российского консерватизма и неоконсерватизма стояли знаковые фигуры и наследие крупнейших деятелей русской культуры, лидеры политических движений. Сегодня обращение к философии неоконсерватизма имеет не только теоретико-познавательное, но и практически-политическое значение как один из самых перспективных ответов на современные цивилизационные, культурные, политические Вызовы¹.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (с изменениями от 9 июня 2001 года). – СПб.: Виктория плюс, 2003. – 64 с.
2. Бердяев Н. А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Власть и право. – Л.: Лениздат, 1991. – С. 7 – 242.
3. Глинский Б. Б. Борьба за конституцию. 1612 – 1861. – СПб.: Издание Н. П. Карбасникова, 1908. – 619 с.
4. Замалеев А. Ф., Осипов И. Д. Русская политология: обзор основных направлений. – СПб.: СПбГУ, 1994. – 208 с.
5. Ильин И. А. О свободе // Полное собрание сочинений. – Т. 1. – М.: Русская книга, 1993. – 400 с.
6. Кавелин К. Д. Собрание сочинений, в 4 т. – Т. 3. – СПб.: Типография М. М. Стасюлкеича, 1899. – 649 с.
7. Мамонтов В. Ф. К вопросу о зарождении консерватизма в России // Российский консерватизм: теория и практика. – Челябинск: Челябинский госпедуниверситет, 1999. – С. 3 – 12.

¹ Редколлегия не может согласиться с выводом об исторической перспективности или прогрессивности концепции консерватизма в современной России. В то же время развитие этого идеологического направления в эпоху информационного общества требует самого тщательного исследования (*прим. главного редактора*).

8. Рахшмир П. Ю. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. – 1990. – № 1. С. 48 – 62.
9. Рахшмир П. Ю. Три консервативные традиции: общее и особенное // Исследования по консерватизму. Выпуск 2. Консерватизм в политическом и духовном измерениях. – Пермь: Издательство ПГУ, 1995. – С. 4 – 17.
10. Русский консерватизм / Под ред. В. Я. Гросула. – М.: Прогресс-традиция, 2000. – 442 с.
11. Тяпин И. Н. Философско-исторические идеи российского политического консерватизма XIX – начала XX в. – Вологда: ВоГТУ, 2008. – 215 с.
12. Френкин А. А. Западногерманские консерваторы: кто они? – М.: Международные отношения, 1990. – 216 с.
13. Чичерин Б. Н. Социология. – Тамбов: Тамбовполиграфиздат, 2004. – 465 с.

References

1. The Constitution of the Russian Federation [*Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii*]. Saint Petersburg, Viktoriya plyus, 2003, 64 p.
2. Berdyayev N. A. The Philosophy of Inequality [*Filosofiya neravenstva*]. *Russkoe zarubezhe. Vlast i pravo* (Russia Abroad. Power and Right). Leningrad, Lenizdat, 1991, pp. 7 – 242.
3. Glinskiy B. B. The Struggle for Constitution. 1612 – 1861. [*Borba za konstitutsiyu. 1612 – 1861*]. Saint Petersburg, Izdanie N. P. Karbasnikova, 1908, 619 p.
4. Zamaleev A. F., Osipov I. D. Russian Political Science: the Review of the Basic Directions [*Russkaya politologiya: obzor osnovnykh napravleniy*]. Saint Petersburg, SPbGU, 1994, 208 p.
5. Ilin I. A. About Freedom [O svobode]. *Polnoe sobranie sochineniy. Tom 1* (Complete Works. Vol. 1). Moscow, Russkaya kniga, 1993, 400 p.
6. Kavelin K. D. Works, in 4 vol. Vol. 3 [*Sobranie sochineniy, v 4 t. T. 3*]. Saint Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulkeicha, 1899, 649 p.
7. Mamontov V. F. To the Question of Conservatism in Russia Genesis [K voprosu o zarozhdenii konservatizma v Rossii]. *Rossiyskiy konservatizm: teoriya i praktika* (Russian Conservatism: Theory and Practice). Chelyabinsk, Chelyabinskiy gospeduniversitet, 1999, pp. 3 – 12.
8. Rakhshmir P. Y. Evolution of Conservatism in Modern and Contemporary History [Evolyutsiya konservatizma v novoe i noveyshee vremya]. *Novaya i noveyshaya istoriya* (Modern and Contemporary History), 1990, № 1. pp. 48 – 62.
9. Rakhshmir P. Y. Three Conservative Traditions: Common and Particular [Tri konservativnye traditsii: obschee i osobennoe]. *Issledovaniya po konservatizmu. Vypusk 2. Konservatizm v politicheskom i dukhovnom izmereniyakh* (The Investigations of Conservatism. Volume 2. Conservatism in Political and Spiritual Dimensions). Perm, Izdatelstvo PGU, 1995, pp. 4 – 17.
10. Grosul V. Y. (Ed.) Russian Conservatism [*Russkiy konservatizm*]. Moscow, Progress-traditsiya, 2000, 442 p.

---

11. Туапин И. Н. Philosophical and historical Ideas of Russian Political conservatism in the XIX – Early XX Century [*Filosofsko-istoricheskie idei rossiyskogo politicheskogo konservatizma XIX – nachala XX veka*]. Vologda, VoGTU, 2008, 215 p.

12. Frenkin A. A. West German Conservatives: Who Are They? [*Zapadnogermanskije konservatory: kto oni?*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1990, 216 p.

13. Chicherin B. N. Sociology [*Sotsiologiya*]. Tambov, Tambovpoligrafizdat, 2004, 465 p.

УДК 001.18+101.3

К проблеме адекватности современного образа науки*

Булычев Игорь Ильич – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный политехнический университет», профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, доктор философских наук, профессор, Иваново, Россия.

E-mail: igor-algorithm@mail.ru
153037, Россия, Иваново, ул. 8 марта, 20,
тел.: 8 908 561 56 651.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Образ науки и стандарты научности изменялись от одной эпохи к другой, постоянно совершенствуясь и уточняясь. Ныне все настоятельнее становится потребность в очередной корректировке этих образов и стандартов. Эффективность школьного и вузовского обучения и воспитания напрямую зависит от существующей в обществе методологии и методики, глубины понимания специфики науки и особенностей ее формирующего воздействия на личность. Преподавание в школе или вузе непременно опирается на более или менее отрефлексированные стандарты научности.

Результаты: Ткань духовной (в т. ч. теоретической) деятельности включает в себя два базовых компонента: знание и оценку. Идеал научной строгости, ориентирующийся на однозначность и рациональность используемых в теории терминов, имеет известные пределы. Дело в том, что наука в принципе не может обойтись без образных, нестрогих и даже иррациональных компонентов. Ситуация со стандартами научности еще более усложняется при учете того, что социально-гуманитарные дисциплины (история, социология и т. д.) в принципе не могут обходиться без оценок и образов. Эта картина мира является научной, если она, как и естественнонаучная, базируется на соответствующих законах и отвечает эмпирическим, логическим или иным критериям истинности.

Область применения результатов: Предложенный подход позволяет скорректировать наши представления о современных стандартах научности и их применении в сфере образования.

Выводы: Наличие образно-оценочных факторов в научной картине мира ставит непростые задачи верификации ее на истинность и адекватность. Весьма наглядно это обнаруживается при подготовке, например, учебных пособий по отечественной истории. Социально-гуманитарная картина мира приобретает характер научной при ее соответствии всем совокупным фактам и тенденциям развития общественной практики.

---

* © И. И. Булычев, 2015.

Ключевые слова: наука; научная картина мира; знание; оценка; образ; стандарты научности.

On the Problem of the Modern Scientific Image Adequacy

Bulychev Igor Ilyich – Ivanovo State Polytechnic University, Professor of the Department of philosophy and socio-humanitarian disciplines, Doctor of Philosophy, Professor.

E-mail: igor-algorithm@mail.ru
20, 8 Marta st., Ivanovo, Russia, 153037,
tel: +7 908 561 56 651.

Abstract

Background: The images of science and scientific standards have been changing in the course of time, constantly improving and specifying. Nowadays it becomes evident that these images and standards should be corrected. The effectiveness of school and university education and training depends directly on the existing methodology and techniques, the profundity of science understanding and its influence on the personality. Teaching at school or university certainly relies more or less on reflected standards of science.

Results: Spiritual (theoretical) activity includes two basic components: knowledge and evaluation. Scientific accuracy, which is focused on unambiguousness and rationality used in the theory of terminology, has some limits. The fact is that science in principle cannot do without imaginative, non-strict, and even irrational components. The problem of scientific standards becomes even more complicated when taking into consideration that socio-humanitarian disciplines (history, sociology, etc.), in principle, cannot exist without ratings and images. This picture of the world is scientific if it is like science based on relevant laws and meets experiential, logical, or some other criteria of truth.

Research implications: The proposed approach allows us to adjust the understanding of modern scientific standards and their application in education.

Conclusion: The presence of figurative and evaluation factors in the scientific picture of the world, poses a difficult problem of verification of its validity and adequacy. This is revealed, for example, while writing textbooks on Russian history. The socio-humanitarian picture of the world becomes scientific in its compliance with all the facts and trends of social practice.

Keywords: science; scientific picture of the world; knowledge; evaluation; image; scientific standards.

Как известно, образ науки и стандарты научности изменялись от одной эпохи к другой, постоянно совершенствуясь и уточняясь. Ныне все настоятельнее становится потребность в очередной корректировке этих образов и стандартов. Очевидно, что эффективность школьного и вузовского обучения и воспитания напрямую зависит от существующей в обществе методологии и

методики, глубины понимания специфики науки и особенностей ее формирующего воздействия на личность. Преподавание в школе или вузе непременно опирается на более или менее отрефлексированные стандарты научности. При недостаточной точности таких рефлексий преподавание грешит некоторой расплывчатостью и неопределенностью образов науки.

Данная ситуация в немалой степени обусловлена нерешенностью некоторых общих (философских, методологических) проблем. Критерии научности легче всего идентифицировать применительно к точным и естественным наукам. Здесь со всей очевидностью проявляется сущность науки как познавательной деятельности, основанной на знаниях. Между тем в последнее время появляются заслуживающие внимания публикации, которые заставляют усомниться в объективной истинности ряда теорий (теории относительности, квантовой механики и др.), которые считаются «фундаментальными» и на которых традиционно базируется научная и философская картины мира.

Весьма серьезной публикацией на эту тему является только что вышедшая из печати книга С. Н. Победоносцева [см.: 1]. В ней автор подвергает фактически радикальному пересмотру многие основополагающие положения современной научной и философской картин мира, начиная с возникновения Вселенной и формирования в ней основных форм движущейся материи, в т. ч. биологической и общественной. Масштабно показано несоответствие этих картин мира реальности в виду того, что не учитывается постоянная включенность процесса жизни на нашей планете в общий интеркосмический процесс и влияние (как позитивное, так и негативное) инопланетных цивилизаций. В результате вновь и вновь возникают вопросы о том, что такое познание и знание (их сущность и специфика); и можно ли в полной мере доверять сложившимся ныне нормам научного знания и соответствующим им образовательным стандартам?

Ткань духовной (в т. ч. теоретической) деятельности включает в себя два базовых компонента: знание и оценку. Своеобразной элементарной «клеточкой» науки выступает знание, простейшим и наиболее массовидным выражением которого является понятие. Последнее служит также основой для формирования суждений и умозаключений. Клеточке науки относительно противоположна клеточка искусства, а также аксиальных (социально-гуманитарных) форм знания. Наиболее концентрированной формой оценок выступает образ искусства.

Познание, как и его важнейший результат – научное знание, порой чересчур категорично представляют как совершенно безличное и безоценочное, фиксируемое в аксиологически нейтральных гносеологических суждениях. Этот тезис выглядит приемлемым, когда речь идет об эталоне научно-познавательной деятельности (математика, физика), но он совершенно неприменим к познавательной деятельности в целом. Так, описание исторических событий невозможно без оценочных суждений и категорий, в которых говорится о прогрессивности или непрогрессивности, гуманности или негуманности происшедшего.

Порой делаются попытки определить знание путем его противопоставления незнанию. Однако, скорее всего, данный подход не приведет нас к цели, ведь незнание представляет собой нечто такое, что находится вне и за пределами знания и познания. Иными словами, незнание не входит в ткань познавательной деятельности и, следовательно, находится за ее границами; там, где начинается незнание, заканчивается пространство человеческого познания.

В ряде справочных изданий, монографий, научных статей знание в том или ином аспекте отождествляют с научным познанием и истинным знанием, т. е. наиболее развитым и совершенным [см.: 2; 3]. Такая позиция близка к точке зрения «наивного реализма», считающего, что предметы и явления окружающего мира таковы, какими они нам представляются [см.: 4]. Между тем научное знание коренным образом отличается от ненаучного или ненаучного тем, что несет в себе не любое, а существенное знание об объекте и является строго определенным элементом теоретической системы. Нормативным выражением научного знания служат рефлексии, поддающиеся прямой эмпирической проверке. («Все живые организмы имеют клеточное строение. Клетки – это мельчайшие частицы живого растения». «Практически нет места на Земле, где бы не встречались бактерии. Они живут во льдах Антарктиды при температуре -83°C и в горячих источниках, температура которых достигает $+85 - +90^{\circ}\text{C}$ ».) Между тем мифологические или религиозные рефлексии также должны быть причислены к знанию, хотя и не обязательно к верному, адекватному и проверенному общественно-исторической практикой. Иными словами, статус знания не может быть сведен к его объективному эквиваленту в форме научно доказанных истин. Субъективные представления людей (даже ошибочные) также не могут исключаться из общей совокупности человеческих знаний. В противном случае мы будем вынуждены все то, что находится за рамками строгой науки, отнести к формату незнания. Ныне в качестве особых форм знания стали рассматривать мистическое и оккультное знание, а также пара-знание и т. д. Возможно, эвристически значимым является понимание знания как духовного образования, обладающего сложной структурой и располагающегося в границах противоположности истина – заблуждение.

Знание (в любых формах) целесообразно рассмотреть в его противопоставлении оценке. В этом случае знание и оценка должны быть определены как элементарные клеточки соответственно познавательной и оценочной деятельности. Последняя существенно отличается от познавательной деятельности. Формы оценок, как и знаний, весьма многообразны. Они могут выступать как в понятийном, так и в непонятийном виде (живопись, музыкальные произведения и т. д.). Знание проявляется прежде всего в понятии, аналогично этому оценка нормативно конституируется в художественных образах. В справочных изданиях по эстетике и искусству справедливо отмечается, что художественное освоение мира носит образный характер, здесь возможны свои абстракции, но преобладает наглядность, непосредственность, общее передается через единичное. Каждый образ – это

одновременно репрезентант действительности, выражающий общественные (а также групповые, профессиональные и др.) позиции художника, с которых он оценивает мир. Репрезентации в искусстве носят, в отличие от научно-аналитических рефлексий, синтезирующий («целостный») характер – синтезирующий как в отношении содержания образа, так и слитности в нем эмоций, мыслей, переживаний субъекта. Кроме того, абстракции в искусстве и эстетике подчинены, в конечном счете, оценочным компонентам. Художественная образность есть совокупность объективного и субъективного аксиального моментов.

Эстетический образ является, по своей сути, формой эмоциональной или рациональной оценки. Поэтому невозможно растворить или свести оценку к знанию, рассматривать оценку, особенно эмоционально-художественную, в качестве простой разновидности знания. В противном случае неизбежна неоправданная гносеологизация искусства и всей оценочной деятельности вообще, превращение ее в аналог познавательной деятельности. Как известно, подобная тенденция имеет вековые корни. Однако сегодня эта традиция становится все большим препятствием на пути адекватного понимания природы и сущности науки и искусства, равно как и оценочной деятельности в целом. Существующая традиция отождествления знаний и оценок, понятий и образов выражается в сведении последних к первым и в немалой степени обуславливается фактором относительности их противопоставления. Понятия, как правило, не полностью лишены элементов образности, вследствие чего их точное определение является весьма затруднительным делом. В свою очередь, образы не лишены познавательного потенциала, что дает нам основание говорить о художественном знании и познании.

Полагаю, что наука и научная картина мира формируются, прежде всего, на базе понятий, тогда как образы имеют здесь вспомогательное значение. Напротив, искусство и художественная картина мира слагаются, в первую очередь, из образов (в том числе понятийных). Образ искусства отнюдь не представляет собой типично гносеологическое образование, более или менее адекватно отражающее объективную реальность. Он вполне может оказаться чрезвычайно сильным искажением этой самой объективной реальности.

Познание, особенно научное, имеет своей целью рационализацию знания, т. е. стремится к максимальному преодолению всего иррационально-хаотического, эмоционально-оценочного, субъективно-произвольного. Напротив, искусство стремится к преодолению объективизма и голого эмпиризма, рационального схематизма и дезаксиологизма. Абстракции в искусстве и эстетике подчинены, в конечном счете, оценочным компонентам: искусство постоянно создает все новые методы художественной иррациональности (футуризм, кубизм, поп-арт, сюрреализм и все прочее в том же роде). Каким образом субъект вырабатывает оценку там, где образы невербализованы, как, например, в живописи, танце, музыкальном произведении? Это мир ассоциаций. Человек, в конечном счете, с большей или меньшей степенью удачи переводит невербализованный язык ассоциаций в

вербализованный (словесно-понятийный, нотный и пр.). При этом всегда остается тонкая духовная ткань, которую невозможно вербализовать.

В целом, образ, вероятно, бывает двух типов: аксиально-познавательным и оценочно-художественным. Первый присущ, главным образом, науке и философии; второй – собственно художественно-эстетической деятельности. Важной закономерностью оценочной деятельности является ориентация на упорядочение различных ее компонентов, в результате чего они приобретают целостный и заверченный характер. Именно действием этой закономерности объясняется возможность оценок трансформироваться при некоторых условиях в духовное образование, близкое по своей структуре к художественному образу. И, хотя понятия «оценочная» (понятийно-категориальная) и «художественная» (чувственно-образная) деятельность не тождественны, все же они во многом родственны. Хорошо известно, что в одних произведениях искусства оценка выражена предельно обнаженно, в других скрыта в глубинах художественного образа.

В различных видах художественной деятельности образно-оценочные ее составляющие представлены в специфических формах. В литературе и поэзии образы строятся на основе словесных вербальных конструкций; в музыкальном искусстве – на основе звуковых ассоциаций (на базе противопоставления мажора и минора). Искусство живописи предполагает контрастные краски яркого и темного спектра. Однако любые виды искусства объединяет наличие вербальных и невербальных, осознаваемых или неосознаваемых оценок, которые мы традиционно обозначаем терминами «прекрасное – безобразное», «возвышенное – низменное», «трагическое – комическое» и др. В духовной сфере вербальные виды художественной деятельности являются особо ценным артефактом для каждого народа или этноса. Это наследие проявляется в фольклоре, традициях и обычаях, произведениях литературы и искусства и т. д.

Вернемся, однако, к идеалам и стандартам научности. Идеал научной строгости, ориентирующийся на однозначность и рациональность используемых в теории терминов, имеет известные пределы. Дело в том, что наука в принципе не может обойтись без образных, нестрогих и даже иррациональных компонентов. Иными словами, существует постоянная гносеологическая потребность в их введении с целью обозначения новых фактов, гипотетических конструкций и отсутствия для этого в арсенале науки и научной картине мира необходимых терминов. Поэтому и появляются в самых строгих разделах науки «кротовые норы», «черные дыры» или «шизочастицы»! Таким образом, научное творчество помимо понятий и логических схем использует неформализуемые образы, нередко прямо апеллируя к собственно эстетическому сознанию и выдвигая в качестве научных критериев гармонию, симметрию и красоту. Тем самым подтверждается наличие в науке таких гносеологических элементов, которые далеки от идеалов предельной строгости и в которых наличествуют более или менее явно оценочно-эмоциональные интенции. Однако все эти и многие другие аналогичные факты не следует преувеличивать и отрицать общую гносеологическую разумность науки, ведь образно-оценочные компоненты, как правило, не играют здесь ключевой роли.

По мере роста знания о природе изучаемого объекта эти компоненты постепенно обретают вполне рациональный и теоретически отрефлексированный характер.

Ситуация со стандартами научности еще более усложняется при учете того, что социально-гуманитарные дисциплины (история, социология и т. д.) в принципе не могут обходиться без оценок и образов. Что представляет по своей сути социально-гуманитарная картина мира? В первую очередь, научное (аналитическое) описание позитивных и негативных факторов человеческого существования. В ней производится не только познание, но и оценка положительных и отрицательных сторон производственной, экологической, демографической, космической и многих других видов деятельности человека, их влияния на нравственность и иные проявления природы человека. В обществоведческой картине мира дается оценка различным событиям прошлого и настоящего, разного рода политическим и общественным движениям, новым научным открытиям и многому другому.

Наличие в этой картине мира образно-оценочных факторов ставит непростые задачи верификации их на истинность и адекватность. Весьма наглядно это обнаруживается при подготовке, например, учебных пособий по отечественной истории. Несмотря на все усилия, пока не удастся преодолеть трудности при создании школьного учебника, который в необходимой мере удовлетворил бы общественность и специалистов при освещении событий нашей истории, не говоря уже о мировой.

Что же делает социально-гуманитарную картину мира именно научной, а не вненаучной? Думается, ее соответствие или, напротив, несоответствие всем совокупным фактам и тенденциям развития общественной практики. Необходимо также напомнить, что оценки не сводятся к тезису и антитезису типа: хороший – плохой, добрый – злой и т. п. Оценка содержится в заключениях об эффективности или неэффективности (а также меньшей и большей эффективности), правильности или неправильности, обоснованности или необоснованности принятых мер и решений. Общество постоянно вырабатывает способы формализации оценочной деятельности, их количественного выражения. Эта тенденция во многом определяет научность (или ненаучность) той или иной гуманитарной картины реальности. Гуманитарная картина бытия является научной, если она, как и естественнонаучная, базируется на соответствующих законах и отвечает эмпирическим, логическим или иным критериям истинности.

Список литературы

1. Победоносцев С. Н. Информационное поле Вселенной раскрывает свои удивительные секреты: Кн.1 и 2. – Тамбов: Центр-пресс, 2014. – 163 с.; 70 с.
2. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.
3. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Е. Ф. Губского и др. – М.: Инфра-М, 1998. – 576 с.

4. Философия. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

5. Фурса С. В. О структуре оценок в словесно-вербальных видах художественной деятельности // Ученые записки факультета экономики и управления. – Иваново: ИГАСУ, 2012. – Выпуск 23. – С. 255 – 271.

References

1. Pobedonostsev S. N. Information Field of the Universe Reveals Its Amazing secrets. Book 1 and Book 2 [*Informatsionnoe pole Vselennoy raskryvaet svoi udivitelnye sekrety. Kniga 1 I kniga 2*]. Tambov, Tsentr-press, 2014, 163 p. and 70 p.

2. Frolov I. T. (Ed.) Philosophical Dictionary [*Filosofskiy slovar*] Moscow, Politizdat, 1991, 560 p.

3. Gubskiy E. F. (Ed.) Philosophical Encyclopedic Dictionary [*Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, Infra-M, 1998, 576 p.

4. Ivin A. A. (Ed.) Philosophy. Encyclopedic Dictionary [*Filosofiya. Entsiklopedicheskiy slovar*]. Moscow, Gardariki, 2004, 1072 p.

5. Fursa S. V. About the Estimate Structure in Verbal Kinds of Artistic Activity [O strukture otsenok v slovesno-verbalnykh vidakh khudozhestvennoy deyatel'nosti]. *Uchenye zapiski fakulteta ekonomiki i upravleniya* (Scholarly Notes of the Faculty of Economics and Management), Ivanovo, IGASU, 2012, Vol. 23, pp. 255 – 271.

УДК: 1:001; 378:001

Единство научной и образовательной миссии классического университета: российская специфика*

Куликова Ольга Борисовна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ивановский государственный энергетический университет имени В. И. Ленина», кафедра истории и философии, доцент, кандидат философских наук, Иваново, Россия.

E-mail: kulickovaolg@yandex.ru153003 г. Иваново, ул. Рабфаковская, 34,
тел: 8 (4932) 26-97-84.

Авторское резюме

Состояние вопроса: Нынешний этап развития общества обусловлен огромной ролью в его жизни знаний и информации, а значит, уровнем развития в нем науки и образования. От этого зависит способность общества давать адекватные ответы на геополитические вызовы. Многие проблемы развития научно-образовательной сферы связаны не только с особенностями государственной политики и состоянием общества в целом, но и с тем, каковы были обстоятельства ее формирования, какие факторы определяли ее судьбу и формирование лучших традиций. Однако те факторы, которые определили утверждение научного характера университетского образования, что до сих пор не стали предметом специальных исследований.

Результаты: В процессе становления российского университетского образования в нем постепенно утверждался принцип научности. Эта тенденция вполне соответствовала проекту европейского классического университета. Научность университетского образования – это комплекс таких черт, как соединение преподавания и исследования, свобода исследований, снятие сословных запретов на обучение, непрерывность и целостность образования. Соединение исследовательского и образовательного процессов стало необходимостью как для науки, так и для университетов. Условия России в XVIII – XIX вв. признаны неблагоприятными для развития науки и университетского образования. Тем не менее, выдающиеся русские ученые – М. В. Ломоносов, Н. И. Пирогов, С. М. Соловьев, Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, А. М. Бутлеров, А. П. Бородин, К. А. Тимирязев и другие – настойчиво проводили принцип научности в деятельности университетов. Для России была характерна органичная связь гражданской позиции университетских ученых и их активной исследовательской деятельности. Современные проблемы российского университетского образования во многом предопределены историческими особенностями его становления.

---

* © О. Б. Куликова, 2015.

Область применения результатов: Исследования современных проблем развития науки и образования, разработка проектов совершенствования научно-образовательной деятельности в России.

Выводы: Классический университет является выражением идеи глубокого целостного развития личности, что достигается единством научной и образовательной деятельности. На такое единство были изначально ориентированы университеты в России. Происходящий в настоящее время переход к новой модели образования на основе формирования компетенций (компетентностного подхода) несет в себе опасность снижения качества образования. Избежать этого можно только при сохранении в университете единства образовательной и научной деятельности.

Ключевые слова: классический университет; научность; научно-образовательная сфера; специфика российской науки; образы науки в российском общественном мнении; кризис науки.

Unity of Scientific and Educational Mission in the Classical University: the Russian Specific Character

Kulikova Olga Borisovna – Ivanovo State Power Engineering University (ISPU), Department of History and Philosophy, Associate Professor, Ph. D (Philosophy), Ivanovo, Russia.

E-mail: kulickovaolg@yandex.ru

34, Rabfakovskaja st., Ivanovo, Russia, 153003,
tel: +7(4932) 26-97-84

Abstract

Background: The present stage of society development is characterized by a key role, which knowledge and information play in its life, hence its level of science and education development. The ability of society to give adequate responses to geopolitical challenges depends on it. Many problems of scientific and educational development are connected not only with some features of state policy and contemporary society in general. Circumstances of this sphere dynamics, factors defining its evolution and forming its best traditions are of importance too. Nevertheless, those factors determining the scientific character of university education have not become the subject matter of detailed research yet.

Results: In the course of the Russian university formation and development the scientific principles of education were constantly established. This tendency corresponds to the project of European classical universities. Scientific nature of education is a complex of teaching and research, the freedom of studies, the removal of class prohibitions for teaching, continuity and integrity of education. The connection of research and educational processes has become a necessity for both science and universities. The situation in Russian society in the eighteenth – nineteenth centuries is considered to have been unfavorable for the development of science and university education. Nevertheless, some outstanding Russian scientists –

M. V. Lomonosov, N. I. Pirogov, S. M. Solovyov, D. I. Mendeleev, I. M. Sechenov, A. M. Butlerov, A. P. Borodin, K. A. Timiriazev, etc. – persistently applied the scientific principle in universities. A close link between the civic responsibility of Russian university academicians and their research activity was typical for Russia. The contemporary problems of Russian university education depend on the historical features of its formation.

Research implications: In research of modern problems of science and education development, in new projects connected with the improvement of scientific and educational activity in Russia.

Conclusion: The classical university idea is the realization of thorough personality development that can be reached by the unity of scientific and educational activity. Universities in Russia were initially focused on such unity. Transition to a new model of education on the basis of competence formation (competence-based approach) can result in education quality decline. The possibility to avoid this tendency is to preserve the unity of educational and scientific activity in universities.

Keywords: classical university; scientific approach; the scientific and educational sphere; Russian science; science in Russian public opinion; crisis in science.

Основные принципы функционирования классического университета были сформулированы в просветительских социально-преобразовательных проектах XVIII – XIX вв. Среди них самое важное место занимает проект В. фон Гумбольдта, который в своем меморандуме 1810 г. «О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине» со всей определенностью высказался за соединение образования с наукой, что считал выражением потребности самой культуры – потребности в глубоком и целостном развитии личности.

С учетом того, что возникшие более чем за пять веков до гумбольдтовского проекта европейские университеты к рубежу XVIII – XIX веков существенно растратили былой авторитет, «научная прививка» была важна для них как способ обновления и самосохранения. С другой стороны, наука также нуждалась в укреплении институционального статуса. Интегрирование в университетскую среду было необходимо науке, означая для нее органичное включение в устоявшиеся культурные традиции.

В XIX в. классическая модель университета как научно-образовательного учреждения постепенно стала внедряться во всей Европе. Эта тенденция, сопряженная с особыми обстоятельствами социокультурного плана, проявила себя и в России. Наука здесь возникла, как известно, в условиях, которые нельзя считать адекватными ее социокультурному назначению и когнитивной специфике.

В момент учреждения петербургской академии наук (1725) отсутствовало в целом не только университетское, но даже начальное образование как некая система (как общественный институт). Первые светские (нецерковные) школы XVIII в. были школами преимущественно начального уровня и технической

направленности, в рамках которых не могло быть и речи о научности образовательного процесса. Так, например, в математической и навигацкой школе в соответствии с учебником Л. Ф. Магницкого («Арифметика») обучали только элементарным математическим действиям, но не принципам этих действий, и обучение сводилось преимущественно к зубрежке и натаскиванию на простейшие арифметические операции. Математическое, а шире – теоретическое мышление не являлось целью такого способа подготовки специалиста.

Университетское же образование утверждалось в российской жизни независимо от сферы школьной подготовки, но при определенном, особенно в начальный период, влиянии научной академии. Последнее обстоятельство существенно отличало российский опыт в данной сфере от западноевропейского. Но это совсем не означало, что университетская деятельность изначально была научно ориентированной. Утверждение научности как организационно-содержательной основы университетской подготовки первоначально зависело от героических усилий отдельных энтузиастов, среди которых приоритет, безусловно, принадлежит М. В. Ломоносову. Интересно, что ломоносовский университетский проект предвосхищал гумбольдтовский. Кстати, оба ученых испытывали в равной мере серьезные трудности при практической реализации проектов.

Рождение и развитие научно-образовательной сферы в России проходили не без сильного сопротивления как со стороны чиновничества, так и со стороны вековых русских традиций. Препятствовал этому сам язык. Например, у геометрии вообще не было предшественника на русской почве (землемерные рукописи явно не годились как предпосылка этой науки). Не было и аналогов научной терминологии. Как отмечают исследователи, вводимые «соответствия часто бывали неточными», и «жизненностью такие слова не обладали» [7, с. 33].

В этой связи следует отметить огромный вклад М. В. Ломоносова, целенаправленно разрабатывавшего русскую научную терминологию. К терминам, введенным именно им в научный обиход, относятся: «атмосфера», «термометр», «формула», «упругость», «чертеж», «земная ось», «преломление лучей» и др. [см.: 12, с. 129]. Среди важных шагов, которые способствовали постепенному утверждению элементов научности в университетской подготовке, было написание и издание М. В. Ломоносовым первых вузовских учебников (на русском языке), отличавшихся высоким уровнем теоретичности. К их числу относились «Элементы математической химии» (1741), «Волфианская экспериментальная физика» (1746), «Риторика» (1748), «Введение в истинную физическую химию» (1752), «Российская грамматика» (1755), а также оставшаяся незаконченной «Древняя российская история» и другие. Ломоносов последовательно добивался единения теоретической и экспериментальной деятельности, видя в нем основание подлинно научного познания, ведущего к истине. «Из наблюдений устанавливать теорию, чрез теорию исправлять наблюдения – есть лучший способ к изысканию правды», – подчеркивал он [9, с. 163.] Заслугой М. В. Ломоносова явилось обоснование

необходимости непрерывного образования, что предполагало организацию гимназической подготовки как предшествующей университетской, а также о создании условий для непрерывного развития научного познания.

Московский университет по составу учащихся (это стало во многом также заслугой М. В. Ломоносова) оказался довольно демократичным: там начали обучение дети солдат, дьячков и др. Именно разночинцы впоследствии и стали базой для развертывания свободного научного поиска, поскольку русское дворянство было весьма пренебрежительно настроено по отношению к публичному обучению, предпочитая ему домашнее.

Одной из самых серьезных проблем для развития науки в России было отсутствие преемственности в сфере исследований: со смертью ученого по большей части угасали и его начинания. Так было, например, со многими начинаниями самого М. В. Ломоносова. Его лаборатория, которая была оборудована на должном для того времени мировом уровне химической науки, была полностью разрушена после его кончины. Режим секретности, узаконенный государством в деятельности академии наук, также существенно усложнял занятия научными поисками.

Университеты в России учреждались не духовной властью (не церковью), а государством при содействии академии наук. Н. И. Пирогов в известной статье «Университетский вопрос» особо подчеркивал, что в России университеты не являются церковными учреждениями, позитивно оценивая именно этот факт [см.: 11, с. 14]. Это определяло наличие некоторых идеологических послаблений в контроле за научно-университетской деятельностью.

Утверждение духа исследования как такового и признание его общекультурной значимости на собственно российской почве выразалось первоначально в сфере социально-гуманитарного знания (преимущественно исторического). К исследованиям естественнонаучного характера в основном приобщались разночинцы (дети солдат, дьячков, иногда и крестьян), а литература, искусство, а также и история как своего рода художественная деятельность считались занятиями гораздо более достойными, т. е. подходящими для высших сословий. Монополией на изыскания в исторической сфере – сфере размышлений о судьбах России – обладали выходцы из дворянской среды. Более того, признание заслуг для разночинца на этом поприще было делом чрезвычайно сложным и, конечно, давало серьезный шанс приблизиться к категории «благородных», но при этом быть обреченным непрерывно доказывать свое право на эти занятия чрезмерной лояльностью к власти (как, например, историк М. П. Погодин).

Первые исторические труды, появившиеся еще в XVIII в. («История Российская» В. Н. Татищева, «Древняя Российская история» М. В. Ломоносова), отличались заметной тенденциозностью, выражая известные идеологические предпочтения авторов, но они знаменовали собой особый этап в развитии культуры, в деле созидания новых общественных ценностей. Надо отметить, что книга Ломоносова при этом обладала уже явными атрибутами научности: концептуальностью и обоснованностью

суждений, опорой на факты и др. Автор, кроме того, дал широкую панораму исторических свидетельств о судьбах разных народов, проведя их обстоятельное сравнение.

В ряду рассматриваемых событий следует упомянуть возрастание интереса к национальной культуре, ее корням, к русскому языку, что было вызвано открытием и публикацией «Слова о полку Игореве». Это способствовало дальнейшему развитию в России института общественного мнения, начало которого связано с возникновением Московского университета. Знаменательной в этом плане стала деятельность Общества истории и древностей российских (1804) и Общества любителей российской словесности (1811), возникшие при Московском университете и явившиеся примером покровительства гуманитарной науке и заботы о повышении грамотности в русском обществе. В этот же период и в русле этих же тенденций возникают и общества по поддержке естественных наук (Общество испытателей природы, Минералогическое общество), главной задачей которых также было просветительство и поддержка ученых.

Надо отметить, что внимание к собственной истории в целом выражалось в этот период в собирании фактов, памятников русской истории, создании словарей, т. е. в основном в дотеоретических формах. Это относится и к такому значимому для российской культуры того времени проекту, как «История государства Российского» Н. М. Карамзина. С другой стороны, становление социогуманитаристики в России конца XVIII – первой трети XIX вв. при всей специфике этого рода познания способствовало укреплению позиций науки в российском обществе.

Безусловным образцом собственно научного подхода в области исторического познания стал труд С. М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851 – 1879). Его ученик В. О. Ключевский подчеркивал, что С. М. Соловьев стремился в первую очередь построить объяснение историческим явлениям, а точнее, показать генезис и преемственность социально-политических форм на конкретном историческом материале [см.: 5, с. 503 – 504]. Он принял парадигму исторического познания, сложившуюся в европейских научных школах, где он получил первоначальную подготовку. Парадигма эта предписывала мыслить историю как целое, в чем и состояло достижение необходимых для научного познания целей объяснения.

Эту тенденцию в развитии русской исторической науки, в свою очередь, усилил сам В. О. Ключевский, внося в нее известный дух позитивизма, а значит, и тяготение к социологии (к эмпирической – особенно). «Содержанием истории, как отдельной науки, специальной отрасли научного знания, – указывает историк, – служит исторический процесс, т. е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах» [4, с. 31].

Интересны и формальные обстоятельства утверждения научности в университетском образовании. Так, в уставе, разработанном в начале XIX в. (1804), была провозглашена (конечно, в большей мере декларативно) автономия университета, а также и необходимость соединения в нем научной и

образовательной деятельности. В частности, указывалось, что профессора должны способствовать усовершенствованию знаний, ежемесячно готовить научные доклады для обсуждения на Совете университета, профессорам предоставлялось и право выбора системы преподавания и др. В Устав 1804 г. «вошли требования к желающим занять должности профессоров и адъюнктов представлять свои сочинения – т. е. законодательно закреплены научные критерии к замещению профессорских должностей, означавшие, что эффективность преподавания в университете оценивалась именно с точки зрения участия профессоров в научном процессе» [2, с. 322].

В уставе специально оговаривалась также полезность отправки молодых ученых для обучения в университетах Европы, а также приглашения известных западных профессоров в российские университеты. Ту же практику закреплял и Устав 1835 г. Все эти меры существенно и позитивно повлияли на уровень исследовательской деятельности в университетах. Большую роль в развертывании данной тенденции сыграл Профессорский институт при Дерптском университете, ставший неким прообразом аспирантуры и докторантуры и важным звеном в поддержании научных связей России с Европой.

В 30-е – 40-е гг. XIX в. уже можно говорить о действии определенных, вполне сложившихся норм научно-университетской деятельности в России, которые постепенно объективировались в системе непрерывной подготовки научных кадров. Интересно отметить, что по указу Николая I в университеты на все факультеты, кроме медицинского, был запрещен прием недворянских детей. Это дало неожиданный эффект: пожалуй, самые большие достижения в исследовательской деятельности были сделаны во второй половине XIX в. как раз на медицинском поприще. Речь в первую очередь идет о Н. И. Пирогове, С. П. Боткине, И. М. Сеченове и др. Российские медики явились родоначальниками огромного числа новых подходов врачевания, объясняющих основные функции и дисфункции организма, основателями научных медицинских школ мирового уровня. Они ввели теоретическое обоснование в медицинскую диагностику, которая прежде рассматривалась как сфера приложения интуиции, сочетаемой с практическим опытом доктора. Фактически им удалось вывести врачебное дело из рутины, в которую оно было загнано действиями тех, кто овладел набором лечебных приемов, но не был озабочен исследованием причин и предотвращением последствий заболеваний. Все эти исследователи одновременно приложили немало усилий для внедрения своего опыта в систему подготовки медицинских специалистов.

Отношения академической науки и университетского образования в российской модели оказались продуктивными благодаря тому, что отношения эти были изначально партнерские. В постниколаевской России уже были сняты сословные ограничения по приему студентов, а также возобновлена практика отправки молодых преподавателей на стажировку в Европу. В период 1855 – 1862 гг. профессорско-преподавательский состав был обновлен на 50% [см.: 1, с. 42].

В 1860-е гг. уже стала несомненным фактом «стационарная служба

подготовки научно–педагогических кадров, или, в современном понимании, аспирантура», которая имела «двуединую научно–педагогическую основу» в лице солидного профессорского корпуса, подготовленного российскими и европейскими университетами [3, с. 82]. Благодаря новому (как считается, самому либеральному) университетскому Уставу позитивные для науки и университета тенденции усилились: увеличилось количество университетских кафедр, введены новые университетские курсы и др. Была организована новая волна стажировок, еще более значимая для русской науки. Достаточно назвать здесь таких естествоиспытателей, как Д. И. Менделеев, И. М. Сеченов, А. М. Бутлеров, А. П. Бородин, А. Н. Бекетов, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев и др. Каждый из них стал олицетворением собственной оригинальной научной школы, составившей блистательный вклад не только в российскую, но и в мировую науку.

При этом существенную роль в профессиональной деятельности ученых играла их общественно-политическая позиция. Исследователи отмечают, что в России середины XIX в. «влияние на выбор проблем для научного исследования оказывал и такой фактор, как активное участие профессоров и студентов в общественной жизни страны» [6, с. 133]. Большую роль в осмыслении миссии университетов и утверждении их позитивного образа в обществе в 60–70-х гг. XIX в. сыграла вызвавшая значительный общественный резонанс серия статей известных ученых, писателей и общественных деятелей – Н. Х. Бунге, К. Д. Кавелина, Н. И. Пирогова, А. Н. Бекетова, К. Д. Ушинского, Н. И. Костомарова. Все это способствовало тому, что в России складывался необходимый для развития науки климат социального одобрения.

В целом к этому времени сложились три различных образа науки. Первый образ соединял в себе западноевропейские стандарты научности – стандарты интернациональности, ценностной нейтральности, надындивидуальности. Такие представления были характерны для тех русских ученых, которые получили определенную подготовку в западных научно-образовательных центрах. Эти же представления обусловили популярность позитивизма в российской философии того периода.

В целом к началу XX в. именно такой образ науки доминировал в России. Он во многом обеспечил достижения и авторитет русской науки на мировой арене на рубеже XIX–XX вв. [см.: 13, с. 40]. Указанная модель науки не противоречила и практическим устремлениям, особенно характерным для русских ученых. Д. И. Менделеев, как известно, в образе ученого видел неразрывное единство живого дела и отвлеченного знания [см.: 10, с. 234]. Великий русский подвижник науки может считаться примером успешного ученого, доказавшего преимущество фундаментального теоретического научного поиска перед плоским эмпирицистским подходом. Одновременно он был и активным проводником научного знания в практику жизни.

Другой образ науки обусловлен народническими и неонародническими настроениями. Эти настроения были своеобразным наследием начального периода развития русской науки. Многие первые русские ученые, как

отмечалось, в основном были представителями дворянского сословия, которые переносили в этические нормы науки дух дворянского кодекса чести с его сильной патриотической настроенностью. Их активная исследовательская деятельность в области отечественной истории определялась этим. Патриотичность вообще стала одной из характерных черт российского ученого. Однако для дворянства она была тождественна преданности существующей власти. Из дворянского патриотического долга не выростала непосредственно идея долга перед народом, обществом в его целостности. Позже разночинцы построили более определенную, ориентированную на активную практическую деятельность систему идеалов, где особое место занимала идея долга перед «простым» народом. Этот долг виделся в просвещении народа и в борьбе с самодержавными устоями. Народническое движение, правда, не было решающим идеологическим фактором университетской жизни как таковой.

Следует выделить и третий образ науки, обусловленный культурно-историческими особенностями России. Это своеобразный образ-проект. Н. О. Лосский характеризуя такое представление о науке отмечал, что для многих русских интеллигентов конца XIX в. было свойственно «стремление осуществить своего рода Царство Божие на земле, без Бога, на основе научного знания» [9, с. 17 – 18]. Это представление откровенно антизападное и популистское: наука здесь предстает как сфера, единственным принципом бытия которой признается самобытность и народность, а также как следствие, единство с опытом и православными традициями сельской жизни. Особенно ярко такой образ науки представлен в учении философа-космиста Н. Ф. Федорова.

Думается, описанные образы науки, так или иначе, стали некоторыми следствиями общих дискуссий о цивилизационной судьбе России. В любом случае все представления о науке включали обоснование ее позитивной социальной роли (правда, роль эта конкретизировалась по-разному). Самим участникам научно-образовательного процесса в России – тем, кто непосредственно трудился в системе российской высшей школы и занимался исследованиями – была в целом присуща искренняя заинтересованность в полноценной реализации принципа научности. Будущее российского университета и достижения отечественной системы образования уже в XX веке определялись во многом обстоятельствами становления ее органичного союза с наукой.

С 20-х гг. XX в. началась вторая – советская – эпоха научно-образовательной деятельности. К середине XX в. она была построена по общей схеме большого социалистического (сугубо государственного) предприятия. Идея служения Родине и народу не отменялась, а предстала идеей служения народному государству. Высокая теоретичность господствовавшей в советском обществе идеологии обеспечила поддержание должного (в отношении к мировому опыту) уровня научности образовательной сферы. В целом в советский период приоритетным был так называемый знаниевый (фундаменталистский) подход к формированию специалистов, показавший в целом свою продуктивность и мировую востребованность.

Однако кризис советского государства в 80 – 90-е годы XX века, а значит, кризис государственной науки и системы образования поставил эту сферу на грань выживания. Одновременно произошли и существенные изменения в системе мировой научной деятельности, где нарастала проблемно-дисциплинарная дифференциация и технологизация. Технонаука все более вытесняет прежнюю науку как фундаментальное миропознание, которое перестает рассматриваться как самодостаточный и авторитетный социокультурный феномен.

Классическому (знаниевому) подходу в образовании сейчас противопоставлен и внедряется подход (компетентностный подход), который можно назвать «технологической настройкой». Он ориентирует на овладение навыками эффективного (в материально-практическом отношении) поиска и приложения знаний. Многие проекты российских реформ в этом плане довольно радикальны.

В Великой Хартии европейских университетов (Magna Charta Universitatum, 1988), как известно, провозглашены четыре принципа. Два из них определяют единство педагогической и исследовательской деятельности, а также свободу последней. Отказ от этих принципов, видимо, может считаться отказом от самой идеи университетского образования, от идеи глубокого и целостного развития личности.

Список литературы

1. Аврус А. И. История российских университетов: курс лекций. Саратов: Колледж, 1998. – 128 с.
2. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. – 640 с.
3. Иванов А. Е. Ученые степени в Российской Империи XVIII в. – 1917 г. М.: Институт российской истории РАН, 1994. – 198 с.
4. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций / Послесловие комментарии А. Ф. Смирнова. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. – 831 с.
5. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьев. // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.: Правда, 1990. – С. 499 – 513.
6. Кукушкина Е. И. Университеты и становление социологического образования в России // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 130 – 138.
7. Кутина Л. Л. Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века. М. – Л.: Наука, 1964. – 219 с.
8. Ломоносов М. В. Рассуждение о большей точности морского пути, читанное в публичном собрании императорской Академии Наук мая 8 дня 1759 года господином коллежским советником и профессором Михаилом Ломоносовым // Полное собрание сочинений. В 11 т. Т. 4. М. – Л.: Издательство АН СССР, 1955. – С. 123 – 186.
9. Лосский Н. О. Характер русского народа. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Ключ, 1990 (репринтное издание 1957 г.). – 63 с.

10. Менделеев Д. И. Границ познанию предвидеть невозможно / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. И. Соловьева. М.: Советская Россия, 1991. – 592 с.
11. Пирогов Н. И. Университетский вопрос. Дополнение к замечаниям на проект нового устава Императорских Российских университетов. Санкт-Петербург: Типография Иосафата Огризко, 1863. – 85 с.
12. Северикова Н. М. Рассеять тьму «мрачной ночи невежества». Реформы М. В. Ломоносова в области образования и воспитания // Вопросы философии. – 2011. – № 11. – С. 127 – 131.
13. Филатов В. П. Образы науки в русской культуре // Вопросы философии. – 1990. – № 5. – С. 34 – 46.

References

1. Avrus A. I. History of the Russian Universities: The Course of the Lectures. [*Istoriya rossiyskikh universitetov: kurs lektsiy*]. Saratov, Kolledzh, 1998, 128 p.
2. Andreev A. J. Russian Universities of the XVIII – the First Half of the XIX Centuries in the Context of the University History of Europe [*Rossiyskie universitety XVIII – pervoy poloviny XIX veka v kontekste universitetskoy istorii Evropy*]. Moscow, Znak, 2009, 640 p.
3. Ivanov A. E. Academic Degrees in the Russian Empire of the XVIII Century – 1917. [*Uchenye stepeni v Rossiyskoy Imperii XVIII veke – 1917 godu*] Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN, 1994, 198 p.
4. Klyuchevskiy V. O. Russian History. Complete Course of Lectures. [*Russkaya istoriya. Polny kurs lektsiy*] Moscow, OLMA-PRESS Obrazovanie, 2004, 831 p.
5. Klyuchevskiy V. O. Sergey Mikhaylovich Solovyev [Sergey Mikhaylovich Solovev]. *Istoricheskie portrety. Deyateli istoricheskoy mysli* (Historical Portraits. Figures of Historical Thought). Moscow, Pravda, 1990, pp. 499 – 513.
6. Kukushkina E. I. Universities and the Formation of Sociological Education in Russia [Universitety i stanovlenie sotsiologicheskogo obrazovaniya v Rossii]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (Sociological Studies), 2002, № 10, pp. 130 – 138.
7. Kutina L. L. Formation of the Language of Russian Science: Terminology of Mathematics, Astronomy, Geography in the First Third Part of the XVIII Century [*Formirovanie yazyka russkoy nauki: Terminologiya matematiki, astronomii, geografii v pervoy treti XVIII veka*]. Moscow – Leningrad, Nauka, 1964, 219 p.
8. Lomonosov M. V. Thoughts about the Larger Accuracy of Seaway, Having Been Read in the Public Meeting of the Imperial Academy of Sciences on May, 8, 1759 by Collegiate Councilor and Professor Mikhail Lomonosov [Rassuzhdenie o bolshey tochnosti morskogo puti, chitannoe v publichnom sobranii imperatorskoy Akademii Nauk maya 8 dnya 1759 goda gospodinom kollezhskim sovetnikom i professorom Mikhailom Lomonosovym]. *Polnoe sobranie sochineniy v 11 t. T. 4* [The Complete Works. In 11 vol. Vol. 4] Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1955, pp. 123 – 186.
9. Lossky N. O. The Russian Character. In 2 Books, Book 1 [*Kharakter russkogo naroda. V 2 kn. Kn. 1*]. Moscow, Klyuch, 1990, 63 p.

10. Mendeleev D. I. It Is Impossible to Foresee Boundaries of Cognition [*Granits poznaniyu predvidet nevozmozhno*]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1991, 592 p.

11. Pirogov N. I. University Problem. Supplements to the Criticism of the Project of New Regulations of Imperial Russian Universities. [*Universitetskiy vopros. Dopolnenie k zamechaniyam na projekt novogo ustava Imperatorskikh Rossiyskikh universitetov*], Saint Petersburg, Tipografiya Iosafata Ogrizko, 1863, 85 p.

12. Severikova N. M. To Dispel the Darkness of “Gloomy Night of Ignorance”. M. V. Lomonosov’s Reforms in Education [Rasseyat tmu “mrachnoy nochi nevezhestva”. Reformy M. V. Lomonosova v oblasti obrazovaniya i vospitaniya]. *Voprosy Filosofii* (Questions of Philosophy), 2011, № 11, pp. 127 – 131.

13. Filatov V. P. Images of Science in Russian Culture [Obrazy nauki v russkoy kulture]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 1990, № 5, pp. 34 – 46.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 930.85+94(47).084.6:470(23–25)

**«Не так склалось, як ждалося»:
Украинский государственный театр в Ленинграде
(из истории советской культурной политики)^{1*}**

Смирнова Тамара Михайловна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский университет аэрокосмического приборостроения», кафедра истории и философии, профессор, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербург, Россия.

Е-mail: mokva@inbox.ru

196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д. 15,
тел.: 8(812) 708-42-05

Авторское резюме

Состояние вопроса: В 20-30-ые годы Советское государство проводило целенаправленную политику по развитию национальных культур народов СССР. В этой работе были достигнуты значительные успехи, но имелись и неудачи. Характерным эпизодом в реализации культурной политики данного периода является мало исследованная до настоящего времени история первого украинского государственного театра в РСФСР – театра «Жовтень» («Октябрь») в Ленинграде (1930 – 1931 гг.).

Результаты: Постоянная работа национального украинского театра вне этнической среды и этнополитической территории была попыткой непосредственного художественного контакта украинской культуры с русскоязычной публикой, смелым опытом кросс-культурного взаимодействия. Главной задачей театра «Жовтень» было продвижение современной украинской драматургии и сценического искусства как способа показа советской украинской культуры – составной части интернациональной культуры СССР. Процесс презентации украинского советского театрального искусства проходил в борьбе с «малороссийщиной» – этнографически-бытовым и историко-романтическим репертуаром, классово размытым содержанием и традиционными приемами актерской игры. Театр «Жовтень» вступал также в творческое соревнование с русскими театрами, когда одна и та же украинская пьеса одновременно шла в оригинале в украинском театре и в переводе – на сцене Государственного театра драмы или Большого Драматического театра.

---

¹ «Не так склалось, як ждалося» («Не так сложилось, как ожидалось») – название пьесы классика украинской литературы, одного из создателей украинского национального театра М. П. Старицкого; распространенная поговорка.

* © Т. М. Смирнова, 2015.

Выводы: История театра «Жовтень» оказалась недолгой (неполных два сезона). Основными причинами его ликвидации были неопределенность статуса, невозможность функционирования без государственных дотаций, отсутствие массового постоянного зрителя в городе и изменение культурной политики в стране. Дошедшие до нас документы, отражающие историю театра «Жовтень», позволяют в полной мере ощутить атмосферу той эпохи, одновременно суровую и наивную, услышать голоса людей – социальных оптимистов, уверенных в своей правоте и в существовании простых классовых решений для всех мировых проблем.

Ключевые слова: украинский театр; Ленинград; «Жовтень»; РСФСР; СССР; малороссийщина; Наркомпрос; Главискусство; Посредрабис; Рабис; Сорабис (союз работников искусств); культпоход; Т. Г. Шевченко; Д. Ровинский; Л. Курбас; И. Микитенко; Г. Кобец; А. Корнейчук; О. Вишня.

**‘Man Proposes, God Disposes’²:
The Ukrainian State Theatre in Leningrad
(From the History of the Soviet Cultural Policy)**

Smirnova Tamara Mikhaylovna – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of History and Philosophy, Doctor of Letters, Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: mokva@inbox.ru

15, Gastello st., Saint Petersburg, Russia, 196135,
tel: +7(812)708-42-05.

Abstract

Background: In the 1920 – 1930s the Soviet government pursued the deliberate policy for national culture development of the nations living in the USSR. Although that activity was a great success, it suffered some reverse. A typical episode in cultural policy implementation of that period is the history of the first Ukrainian state theatre in the RSFSR – ‘The Zhovten’ (‘The October’), Leningrad (1930 – 1931).

Results: The constant functioning of the national Ukrainian theatre beyond its ethnic group and ethno-political territory was an attempt of direct art interaction of Ukrainian culture with Russian public, a considerable experience of cross-cultural communication. The main goal of ‘The Zhovten’ theatre was to promote the contemporary Ukrainian dramatic techniques, to show Soviet Ukrainian culture as integral part of the international culture of the USSR. The staging of the Ukrainian Soviet drama took place in parallel with the criticism of historical, romantic plays and dramas of everyday life with traditional acting and ethnic plot. There existed a competition between ‘The Zhovten’ and some Russian companies. The same Ukrainian drama ran simultaneously in the original in the Ukrainian theatre and in translation in the State Theatre or the Bolshoi Theatre.

---

² «Не так склалося, як ждалося» (Man Proposes, God Disposes) – the play of a classic of Ukrainian literature, one of the creators of the Ukrainian national theatre M. P. Staritski; a popular saying.

Conclusion: The history of ‘The Zhovten’ was not long (less than two seasons). The main reasons of its liquidation were as follows: its indefinite status, lack of government grant and the audience in Leningrad as well as the change of cultural policy in the country. The documents studied allow us to feel the atmosphere of that epoch, both tense and naive, to hear the voices of people who being social optimists were confident in their truth. They were sure that there existed easy class solutions to all world conflicts.

Keywords: the Ukrainian theatre; Leningrad; ‘the Zhovten’; RSFSR; USSR; Malorossiyschina; Narkompros; Glaviskusstvo; Posredrabis; Rabis; Sorabis (soyuz rabotnikov iskusstv); kultpokhod; T. G. Shevchenko; D. Rovinskiy; L. Kurbas; I. Mikitenko; G. Kobets; A. Korneychuk; O. Vishnya.

С весны 1919 г. в Петрограде – Ленинграде работали многочисленные украинские труппы, создавая театры-коллективы – объединения актеров, административного и технического персонала, деятельность которых велась на основе хозрасчета. Работники театра курировались профессиональным союзом работников искусств (Сорабис). Театры-коллективы регистрировались в Посредническом бюро работников искусств (Посредрабисе), представлявшем особое подразделение городской Биржи труда. Точное число украинских театров-коллективов подсчитать довольно затруднительно, но их было от 15 до 20. Следует выделить первый в Петрограде Украинский театр им. Шевченко, Единый Украинский театр, театр при Украинском Доме просвещения – театр И. Я. Юхименко, а также студию РАТЕАМАЙСТ, Ленинградский Украинский театр (режиссер А. Ф. Мокин), Молодой Украинский театр, Передвижной Украинский театр. Долгое время репертуар украинских трупп не менялся, представляя собой традиционный набор так называемых «малороссийских» пьес этнографически-бытового и романтически-исторического характера, сочетающих драму и музыкальные жанры.

Попытки реформировать украинский театр в Ленинграде в соответствии с требованиями советской идеологии и театральными новациями предпринимались во второй половине 1920-х гг. несколько раз. Театры ставили современный репертуар – пьесы советских авторов Я. Мамонтова, И. Днепроvского, Н. Кулиша, И. Микитенко на актуальные темы, одновременно стремясь также преодолеть сценический консерватизм традиционного национального театра.

Но обновление ленинградского украинского театра в основном связано с первым украинским государственным театром на территории РСФСР – театром «Жовтень» (1930 – 1931 гг.). На ленинградской сцене появилась новая украинская советская пьеса и подлинная украинская классика, новая сценография и новая режиссура, воспитанные в новой творческой манере актеры. Театр «Жовтень» преодолел застарелые пороки украинской театральности и вошел в число интересных современных коллективов без налета этнографичности.

Делегация украинских писателей во время своего посещения Ленинграда в феврале 1929 г. высказала пожелание об организации в этом крупном пролетарском центре современного украинского театра, пользующегося поддержкой и руководством народных комиссариатов просвещения РСФСР и УССР [см.: 11; 12]. Хотя такой театр не назван прямо государственным, но апелляция к государственным органам двух республик не оставляет места другому толкованию. Опираясь на это мнение, художественный руководитель Ленинградского Украинского театра А. Ф. Мокин в марте представил худсовету проект организации в Ленинграде украинского советского государственного театра [см.: 24, оп. 2, д. 1548, л. 12 – 13; см.: 6, с. 15]. В задачи нового театра должно было войти «проведение Украинско-советской национальной политики, основанной на принципах современного общественного подхода к построению театра». Проект был принят и представлен на рассмотрение Правления Домпросвета им. Петровского [см.: 15, 1929, № 13, 24 марта, с. 15].

19 апреля 1929 г. Ленинградский областной Театральный совет постановил: «Принимая во внимание, что в Ленинграде проживает 30 тысяч украинцев... а также считая, что для русской рабочей массы необходимо ознакомиться с достижениями украинской современной культуры, и учитывая, что секция Нацмен областного отдела народного образования эту точку зрения поддерживает, – признать организацию современного украинского театра в Ленинграде необходимой» [15, 1931, № 2, 21 января, с. 10]. 27 апреля Совет возбудил ходатайство перед Главискусством РСФСР об организации государственного украинского театра «с дотацией по твердой сети Гостеатров» [23, оп. 1, д. 3, л. 32]. Главискусство РСФСР и Наркомпросы обеих республик признали, что организация государственного Украинского театра в Ленинграде необходима. Наркомпрос Украины делегировал на должность директора-художественного руководителя создающегося театра актера и режиссера Дмитрия Демидовича Ровинского [см.: 23, д. 3, л. 34], одного из организаторов, затем художественного руководителя первого на Украине государственного театра им. Т. Г. Шевченко (Харьков, позже Днепропетровск). Ленсовет предоставил Д. Ровинскому жилплощадь по адресу наб. р. Мойки, 24, кв. 22.

В мае 1929 г. в журнале «Рабочий и театр» появился анонс: «В Ленинграде организуется Государственный Национальный Украинский театр» [15, 1929, № 20, 19 мая, с. 16.]. Идею создания театра горячо поддержала ленинградская украинская общественность – фракция коммунистов Дома просвещения, украинское землячество, актеры украинских трупп. В Ленинграде была начата работа по организации общества друзей Украинского театра [см.: 15, 1929, № 21, 25 мая, с. 15]. Домпросвет им. Г. Петровского развернул усиленную кампанию «за создание в городе Ленина подлинно художественного современного украинского театра», ее поддержали партийные, профсоюзные и общественные организации Ленинграда, Центральный и Всеукраинский комитеты Сорабиса [см.: 15, 1930, № 23, 26 апреля, с. 11].

10 августа 1929 г. Главискусство уведомило общественность Ленинграда, что театр предусматривается сметой 1929/30 финансового года с дотацией 40

тыс. руб. Одновременно было возбуждено ходатайство перед Совнаркомом РСФСР об отпуске украинскому театру 50 тыс. руб. и направлена просьба в Наркомпрос Украины – выделить театру 22 тыс. руб. [см.: 22, оп. 1, д. 3, л. 32]. Однако на практике оказалось, что театр «выпал из бюджета НКП РСФСР» на 1930 год [22, оп. 1, д. 3, л. 26] (нерегулярное финансирование из резервного фонда наркомата начнет поступать только весной 1930 г., и в гораздо меньшем объеме).

30 сентября 1929 г. в Ленинградском областном отделе Сорабиса состоялось совещание по вопросу организации государственного украинского театра, в котором приняли участие Д. Ровинский, А. Мокин, председатель Украинского землячества Педан, представители Рабиса Лукин и Барбетти, а также несколько ленинградских украинских актеров (Схидный, Самарский и др.). Основным докладчиком был Д. Ровинский, задачей театра он назвал представительство современной украинской культуры и борьбу с малороссийщиной, а его форму определил как «реальный конструктивизм». Труппа должна формироваться в основном из актеров государственных театров Украины, а для местных актеров будет создана отборочная комиссия. Актерский цех будет состоять из 30 актеров и 18 актрис, а всего в театре будет занято до ста человек. Д. Ровинский называет суммы дотации театру – 40 и 20 тыс. руб., ожидаемые от РСФСР и УССР. Кроме финансовых проблем, главным препятствием для формирования театра в это время было отсутствие площадки [см.: 22, оп. 1, д. 130, л. 4].

Наконец, к декабрю 1929 г. вопрос был переведен в практическую плоскость. В журнале «Рабочий и театр» появилась заметка: «Вопрос о создании в Ленинграде Украинского Национального театра решен окончательно. Соответствующими органами отпущены для организации театра необходимые средства. Однако, в виду отсутствия в настоящее время стационарной площадки Украинский театр откроется только в будущем сезоне» [15, 1929, № 51, 22 дек., с. 14].

Весной 1930 г. Ленискусство определило помещение для театра на ул. Ракова (Итальянской), 19 – театр бывший «Пассаж» Ленинградского Союза потребительских обществ (ЛСПО), аренда которого коллективом театра «Комедия» заканчивалась 1 июля. Подписав договор на помещение, художественный руководитель украинского театра, символически названного «Жовтень» («Октябрь»), выехал на Украину для формирования труппы [см.: 15, 1930, № 23, 26 апр., с. 11; № 38, 10 июля, с. 15].

И все же вопрос о статусе украинского театра в Ленинграде вызывал споры. Заведующий сектором по делам искусств Наркомпроса РСФСР Феликс Кон 26 июля 1930 г. в служебной записке на имя народного комиссара просвещения А. С. Бубнова определенно высказался против включения ленинградского украинского театра в сеть государственных театров, мотивируя свое мнение тем, что в случае придания ему государственного статуса «целый ряд национальных театров, как Еврейский, Татарский и др. потребуют того же». Правильным решением Ф. Кон считал передачу украинского театра в

ведение местного, Ленинградского Управления зрелищных предприятий [см.: 23, оп. 1, д. 3, л. 39].

По всей видимости, от сектора искусств было затребовано более подробное объяснение по поводу украинского театра в Петербурге, так как через два дня наркому просвещения поступила новая служебная записка, теперь от заместителя заведующего сектором искусств Литовского, в которой акцент был несколько смещен: «Сектор по Делах Искусств считает существование Украинского театра «Жовтень» важным и необходимым. ... Что же касается вопроса включения в сеть Гос. Ак. Театров, то это можно делать после выявления художественно-идеологического лица театра» [23, д. 3, л. 37] [курсив мой – Т. С.]. (Получается, что включение в перечень государственных расценивалось как признание академического уровня театра, что, конечно, не тождественно).

21 октября 1930 г. в газете «Известия» было опубликовано постановление № 8 Совета Народных Комиссаров РСФСР от 7 октября «Об улучшении театрального дела». Среди мер по коренному улучшению «практики театральной работы» третьим пунктом значилось: «Сеть национальных театров должна быть расширена и укреплена». На основании этого постановления было издано постановление Наркомпроса РСФСР № 419 от 23 октября 1930 г., которым сектору искусств и литературы предписывалось, среди прочего, разработать «план передвижного обслуживания украинского населения РСФСР, возложив эту задачу на Украинский театр в Ленинграде» [курсив мой – Т. С.]. Кроме того, в Москве и Ленинграде в кратчайшие сроки – к 15 ноября – областные отделы народного образования обязаны были представить доклады о практических мероприятиях по созданию областных «теа-объединений» [23, д. 4, л. 79–80; см.: 15, 1930, № 58–59, 31 окт., с. 2; 1931, № 2, 21 янв., с. 10].

В итоге Наркомпрос рекомендовал прикрепить театр «Жовтень» к Управлению Ленинградскими государственными театрами, на что директор Ленгостеатров В. Бухштейн 19 ноября 1930 г. отвечал сектору искусств НКП: «... ввиду полной неясности в вопросе обеспечения Ленинградских Гостеатров необходимой дотацией такое прикрепление возможно только после перечисления твердо обеспеченной Наркомпросом дотации этому театру в наш бюджет», а вопрос об украинском театре будет рассмотрен «на днях» в связи с организацией Областного Управления Ленинградскими театрами [см.: 23, оп. 1, д. 3, л. 30]. Все же 6 января 1931 г. НКП РСФСР постановил временно прикрепить «Жовтень» к Управлению гостеатров в Ленинграде [см.: 23, д. 4, л. 21].

Разночтения в понимании официального статуса и подчиненности украинского театра в Ленинграде, а главное, отсутствие строки о необходимой ему дотации в сумме 40 тыс. рублей в бюджете Наркомпроса 1930 года [см.: 23, д. 3, л. 37] – с самого начала ставили существование театра под угрозу. Но политическая целесообразность перевешивала финансовую необеспеченность проекта, и формирование театра продолжалось.

Руководство театра «Жовтень» принципиально отказывалось от тех украинских художественных сил, которые были в Ленинграде, не вполне

справедливо считая их совершенно устаревшими, а их метод и репертуар отжившими. Заведующий литературной частью нового театра А. Ирий писал в апреле в журнале «Рабочий и театр», широкими мазками характеризуя «так называемые украинские коллективы и труппы»: «Репертуар их – допотопный, никому не нужный, враждебный современности, реакционный и националистически-шовинистический, от спектаклей (бытовые пьесы, оперетки) веет такой седой стариной, как будто не народилось ничего нового!» [7, с. 11]. Эту же мысль он развивает и в октябре: «так называемые «малороссийские труппы» ... компрометирующие перед рабочим зрителем современную украинскую культуру. Подобного рода театры подвизались и в Ленинграде» [20].

Почти все государственные театры Украины («Березиль», им. И. Франко, им. Т. Г. Шевченко, им. М. Заньковецкой, Краснозаводский из Харькова, «Веселый пролетарий», Одесский драматический) делегировали своих лучших работников в Ленинград, в Украинский Государственный театр «Жовтень» [см.: 15, 1930, № 38, 10 июля, С. 15]. К осени 1930 г. состав театра «Жовтень» сформировался в следующем составе: художественный руководитель и директор Д. Д. Ровинский, инспектор театра Н. Муренко, администратор П. Молчанов, заведующий литературной частью А. В. Ирий, заведующая сектором массовой работы Ф. Шаповал, режиссеры-постановщики: заслуженные артисты Украины В. Василько (худрук Краснозаводского театра) и Е. Коханенко, Александра Искандер, А. Смирнов, Е. Лишанский; помощник режиссера А. Головченко; художник-постановщик В. Шкляев (из театра им. И. Франко), художники А. Петрицкий (из Харьковского Академического театра оперы и балета), Н. Маткович, А. Инов; композиторы Ф. Козицкий, Н. Пруслин и Б. Яновский; заведующий музыкальной частью Л. Энтелис, хореографической – Б. Борей, дирижер И. Штейнман, концертмейстер Т. Рябая. В театре был собственный оркестр из 15 человек, в том числе струнный квартет в составе Эриша, Штейнмана, Кутика и Пинта. Труппа театра состояла из более 40 актеров, большая часть которых, как и худрук, была из театра им. Т. Г. Шевченко, в том числе три заслуженных артиста УССР: Евгения Сидоренко, Федор Левицкий и Евгений Коханенко. В труппу также входили актеры С. Ващук, А. Гайдабура, Д. Гайдамака, С. Гудзенко, Н. Губарь, М. Дейнека, Я. Ивахненко, Н. Иноземцев, А. Каневский, И. Корж, А. Левицкий, Д. Лысенко, Э. Лютик, В. Мова-Стецюр, С. Моргун, М. Романовский, М. Семенюта, Д. Степовой, В. Стукаченко, М. Терещенко, В. Щеголев; актрисы Ю. Боур, Н. Будаков, Е. Гриневиц, Ф. Дузь, В. Забайналова, Е. Ковтун, Н. Лебедева, М. Лютик, М. Маркова, Е. Никитченко, Л. Обломиевская, А. Смирнова-Лысенко, З. Татаренко, М. Шульга, Г. Эдвард.

Но преемственность в украинском театре Ленинграда все же прервана не была, и в состав труппы «Жовтня» вошли также ленинградские украинские актеры Н. Арская, Е. Гордиенко, Г. Бойко, В. Разсудов-Кулябко, И. Рожко, О. Яковлева, А. Самарский. Кроме того, новый театр привлек к активной работе в качестве вспомогательного состава труппы драмкружок Украинского

Домпросвета [см.: 15, 1930, № 52 – 53, 26 сент., с. 8; 10, 1930, № 58, 21 – 25 окт., с. 2; № 61. 6 – 10 нояб., с. 2, 11].

В целом, основной состав театра включал 35% работников, начавших свою деятельность до революции, и 65% «молодняка», окончившего на Украине театральные учебные заведения [см.: 23, оп. 1, д. 10, л. 13 об.].

8 сентября 1930 г. Коллегия Наркомпроса «в целях увековечения памяти украинского писателя М. Коцюбинского» постановила присвоить украинскому театру в Ленинграде «Жовтень» имя М. Коцюбинского [23, д. 3, л. 38], однако следов этого мемориального именованя не обнаружено – во всех документах театр назывался всегда просто «Жовтень».

Открытие сезона в театре «Жовтень», первоначально планировавшееся на середину сентября, несколько задерживалось – театральная площадка «Пассажа» коренным образом переоборудовалась: по сообщению журнала «Рабочий и театр», была установлена вращающаяся сцена с изменением ее размеров так, чтобы авансцена находилась над оркестром, вследствие чего сам оркестр становился невидимым для зрителя; зрительный зал был заново отделан с перекраской интерьера в голубой и белый цвета [см.: 15, 1930, № 56 – 57, 20 окт., с. 14]. (Некоторые сомнения в кардинальном преобразовании сцены вызывают строки из объяснительной записки к Промфинплану театра на следующий, 1931 год: «Театру необходимо для правильной работы сделать врезной круг, приобрести световые аппараты, произвести ремонт железного противопожарного занавеса») [23, оп. 1, д. 10, л. 17 об.]. Вместимость зрительного зала составляла от 853 до 890 мест (по разным документам) [23, д. 10, л. 14 об.; д. 3, л. 59]. Помещение было дорогим – аренда стоила 22950 руб., что было совершенно неподъемным для начинающего театра, в связи с чем Леноблрабис 16 июля и Центральный Комитет Рабис 20 июля 1930 г. обратились в НКП РСФСР с ходатайством освободить театр «Жовтень» от арендной платы, переведя театральное помещение из подчиненности ЛСПО в ведение Ленинградского ОблОНО. Сектор искусств Наркомпроса поддержал ходатайство [23, д. 3, л. 31, 35], тем более, что к постановлению СНК РСФСР «Об улучшении театрального дела» было принято дополнение № 8-а, по которому предписывалось «Наркомфину РСФСР совместно с НКП и НКВД в 15-дневный срок пересмотреть существующую систему обложения театров налогами и сборами, а также оплаты коммунальных услуг, чтобы эти театральные предприятия были приравнены в отношении взимания налогов к политико-просветительным учреждениям» [23, д. 4, л. 79]. Однако еще и в первой половине 1931 г. театр не был «изъят от ЛСПО», а 10-типроцентный местный налог со зрелищ «висел» на нем всегда [23, д. 4, л. 21; д. 10, л. 17].

Ленинградские партийные и советские органы гораздо большее внимание уделяли созданию украинского театра как политической и идеологической акции, на страницах печати пропагандировались декларируемые театром цели и анонсировались постановки. Это было связано, прежде всего, с тем, что задача театра – «воплощать в национальной форме общие идеи социалистического строительства и культурной революции», знакомить «пролетариев города Ленина с подлинной украинской культурой и выросшим после Октября

национальным искусством» [15, 1931, № 12, 1 мая, с. 17; 17. 1931. [Б. м.]; [Б. г.], с. 26] – была политико-просветительной, способствовала воспитанию советского человека – интернационалиста, утверждала достижения национальной политики большевиков. Художественный руководитель театра Д. Ровинский, формируя творческое кредо театра, также в первую очередь выделял политический аспект: «быть связующим культурным звеном между братскими союзными республиками... в Ленинграде выковаться в подлинно пролетарский театр, национальный по форме, интернациональный по содержанию... всемерно бороться с малороссийщиной, как оружием классового врага», для чего необходимо овладеть марксистским методом и применить его в театре. Ему вторил режиссер и актер Е. Коханенко: театр «абсолютно отмежевывается от этнографии и бытовизма, считая их ненужными, тормозящими явлениями в пролетарском искусстве» [15, 1930, № 58 – 59, 31 окт., с. 14].

Это была «генеральная линия» театра «Жовтень», продекларированная и в производственном плане на 1931 год: «Проводить в жизнь ленинскую национальную политику, внедряя в сознание широких трудящихся масс значение интернационального воспитания и социалистического строительства ... демонстрируя современную индустриально-колхозную советскую Украину и ее достижения, поведет беспощадную борьбу с реакционной малороссийщиной... существующей не только в захолустьях РСФСР, но и в центрах, одурманивающую зрителя старыми идеологически-вредными пьесами, всевозможными «грицями», «жидивками», «цыганками», «гопаком» и «горилкою». Но дело не только в устаревшем репертуаре, но и в творческом методе: недопустимо ставить пьесы «революционной советской драматургии приемами старого малороссийского театра», и тем самым еще более дискредитировать украинский советский театр и вредить «правильному ознакомлению русского пролетариата с культурными достижениями братской республики» [23, оп. 1, д. 10, л. 13].

В соответствии с этими установками планировался репертуар театра – основное место в нем занимала украинская советская драматургия. На сезон 1930-31 г. анонсировались «Диктатура» и «Кадры» И. Микитенко, «Гута» Г. Кобеца, «Коммольцы» и «Неизвестные солдаты» Л. Первомайского, «Патетическая соната» Н. Кулиша, «Шпана» В. Ярошенко, «Яблонево́ый полон» И. Днепровского. При этом все спектакли современной проблематики театр посвящал, в соответствии с их темой, разным организациям и движениям: ударным бригадам Ленинграда, пролетарскому студенчеству – «пролетстуду», комсомолу, Красной Армии и Флоту. Кроме пьес современных авторов, театр намеревался поставить подлинную украинскую классику – «Гайдамаков» Т. Г. Шевченко и «Лесную песню» Леси Украинки [15, 1930, № 56 – 57, 20 окт., с. 14; Спутник по ленинградским театрам: 1931, с. 26]. В планах «Жовтня» значилась и пьеса еврейского драматурга Переца Маркиша «Земля» [см.: 23, оп. 1, д. 10, л. 13 об.]. Однако не все из этих планов удалось осуществить.

По традиции родного для большинства труппы «Жовтня» театра им. Т. Г. Шевченко, задолго до открытия театра началась активная работа с

будущей зрительской аудиторией (заведующая сектором массовой работы Ф. Шаповал). Актеры организовали ударную концертную бригаду и выступали в домах культуры, клубах и красных уголках различных предприятий и учреждений Ленинграда [см.: 15, 1930, № 58 – 59, 31 окт., с. 15]. В сентябре 1930 г. Д. Ровинский в служебной записке заместителю наркома просвещения УССР Полоцкому просил, чтобы Всеукраинское Общество культурной связи с границей с целью ликвидации «украинской неосведомленности среди широких масс РСФСР» изготовило несколько выставок для театра «Жовтень» на темы: «Украина сегодня», «Соцстроительство и перестройка села» как противопоставление понятию Украины Гоголя, а также выставок украинского искусства, графики, скульптуры, украинской периодики [см.: 23, оп. 1, д. 3, л. 26 – 27 об.]. Выставка «Украина сегодня» – о современной индустриальной Украине, «для ознакомления трудящихся Ленинграда с украинской действительностью в противовес представлениям о ней по произведениям старых русских поэтов» – была сделана и открылась перед премьерным спектаклем «Диктатура» в помещении театра [см.: 15, № 60 – 61, 6 нояб., с. 19].

В печати с начала октября была развернута реклама «первого в РСФСР государственного украинского театра» и его премьерного спектакля. Билеты на премьеру с 7 по 22 ноября были распределены заранее и приобретены профсоюзными организациями крупнейших предприятий, обкомами профсоюзов, райкомами комсомола для культпоходов. Так, 7 ноября в театр «Жовтень» шли работники фабрики «Скороход», 8-го утром – завода «Севкабель», вечером – комсомольцы Смольнинского района, 9-го – Василеостровского, 11-го – Московского, 12-го – сотрудники «Красной газеты» и пролетарское студенчество, 13-го – работники завода «Красный Октябрь», 14-го – «Электрика», 15-го – профсоюз работников земли и леса. 10 ноября был открыт просмотр для культактива профсоюзов и ударных бригад фабрик и заводов, 22 – для Землячества пролетарского студенчества Украины, и только на 23 ноября билеты продавались в кассе театра [см.: 15, 1930, № 56 – 57, 20 окт., с. 14; № 58 – 59, 31 окт., 3-я стр. обл.].

Театр «Жовтень» открылся в 13-ю годовщину Октября, 7 ноября 1930 г., спектаклем по социальной драме И. Микитенко «Диктатура», написанной в 1928 г. и посвященной классовой борьбе в деревне в процессе хлебозаготовок (постановка Е. Коханенко). Сложная и «многонаселенная» пьеса с разнообразными социальными типажам была по плечу только сильной труппе и уверенной режиссуре, и театр блестяще справился с трудной задачей – он оправдал надежды классово ориентированных зрителей и критики. На первую постановку театра откликнулись многие периодические издания. Первой рецензией стала заметка Л. Тасина в утреннем выпуске «Красной газеты» от 9 ноября. Рецензент отметил достоинства пьесы, назвав ее одним из лучших произведений советской драматургии, и высоко оценил работу театра, который «тщательно разработал пьесу и создал нужный художественный спектакль. В постановке «Диктатуры» совершенно не чувствуется традиции старого «малороссийского» спектакля. ... С положительной стороны выявил себя и актерский состав театра, показавший, что он способен поднять серьезную,

большую пьесу». Только музыкальное оформление охарактеризовано негативно, как резкий диссонанс, никак не связанный с темой и отдельными эпизодами спектакля [см.: 19].

Член драматической секции Ленинградской Ассоциации пролетарских писателей Г. Горохов в журнале «Рабочий и театр» особенно подчеркивал, что «социальный смысл классовой борьбы вскрыт чрезвычайно глубоко и верно... Конец кулака предопределен ходом социально-исторических процессов и кулацкий террор не спасет кулачество от ликвидации его, как класса. Эту идею постановщик пьесы Коханенко и весь состав исполнителей поняли не механически, а творчески глубоко. И это позволило им, используя приемы и сильного драматизма, и тонкой иронии, и мягкого лиризма и порой неуловимого гротеска, – довести идею пьесы до каждого зрителя». Художник-постановщик Н. Маткович интересно сочетал конструкции и натуральные детали, что позволяло быстро переключать действие. Некоторые претензии предъявлялись к музыке (композитор Ф. Козицкий), звучавшей исключительно иллюстративно. В целом театр создал «высоко культурный спектакль» и первой своей работой «доказал право на существование и поддержку всей ленинградской общественности» [5].

Через две недели журнал вернулся к «Диктатуре» в театре «Жовтень». А. Котвицкий охарактеризовал постановку как блестящую работу, «подлинно художественный спектакль ... мастерски разыгран актерами, образы кулака, бедняка и жителей села получили в исполнении актеров украинского театра настоящее толкование». Спектакль горячо рекомендовался «рабочему зрителю» [9].

Некто рабкор *Е.О.* в журнале «Работница и крестьянка» подробно пересказывает фабулу пьесы И. Микитенко и дает краткую оценку спектаклю: картина классовой борьбы в деревне проходит перед зрителем «наглядно, ярко, убедительно ... Общее впечатление сильное и глубокое, особенно от последних сцен». В отличие от других рецензий, здесь положительно отмечается музыкальное сопровождение постановки: хоровое украинское пение между картинами оттеняет содержание пьесы.

Одновременно с украинским театром пьесу «Диктатура» в Ленинграде поставил и Государственный Театр драмы (бывш. Александринский), так что и рецензии на оба спектакля публиковались синхронно. В отклике М. Янковского в журнале «Рабочий и театр» отмечалось, что в Госдраме, где главную роль рабочего Дударя играл Н. Симонов, «спектакль сделан крепко, хотя слабы массовые сцены», «работа заслуживает полнейшего признания». Критически было оценено оформление спектакля – «наивный фольклорный пейзаж, и тут же бурлящая деревня... Этот пейзаж дискредитирует политическую насыщенность пьесы» [25, с. 10]. В тот же день в «Красной газете» появилась статья С. Мокульского, который, в отличие от рецензента «Рабочего и театра», смотрел спектакли в обоих театрах и сравнил их, отметив, в частности, его выигрышное оформление в украинском: деревня изображается «необычайно просто и скупно, без дешевых прикрас вроде слащавых звездочек на небе или крикливых подсолнухов», что создает удобный фон для действия и позволяет

сосредоточить внимание на сюжетных коллизиях. В спектакле «Жовтня» «достоинства пьесы Микитенко особенно ярко вскрываются при исполнении ее на украинском языке и украинскими актерами, которые, подобно автору, превосходно знают изображаемую среду. Персонажи «Диктатуры», как они показаны в «Жовтне», прежде всего, являются образами **украинских рабочих, украинских бедняков, середняков и кулаков**. В отличие от постановки Госдрамы, «Жовтень» дает «Диктатуру», как пьесу о перестраивающейся и расслаивающейся **украинской деревне**». Национальные особенности прослеживаются и в присущей украинским актерам юморе, сочной подаче текста, большой и захватывающей эмоциональностью. При этом и в украинском театре массовые сцены «организованы довольно приблизительно», мизансцены лишены четкости и законченности, «режиссерская рука чувствуется мало». Но при всех недочетах, спектакль в украинском театре производит положительное впечатление, «захватывает своей простотой и искренностью, своей большой социальной зарядкой» [13].

Все рецензенты отмечали ансамблевость актерской игры, которая производила сильное впечатление. Выделялись исполнители ведущих ролей Лысенко (кулак Чирва), з. а. Коханенко и Гудзенко (бедняк Малоштан), з. а. Ф. Левицкий (кулак Пивень), Гайдабура (подкулачник Гусак), Лютик (рабочий Зубченко), з. а. Сидоренко (комсомолка Оксана). Странно, что никак не отмечен главный герой – рабочий-партиец Григорий Дударь, роль которого играли С. Ващук и В. Мова-Стецюр, но и такое умолчание говорит за себя.

До начала января 1931 г. почти все спектакли посещались в рамках организованных культпоходов. Ежедекадная афиша театра сопровождалась перечнем предприятий и организаций, которые посещали спектакль «Диктатура», а сами эти декады нумеровались: вторая декада культпоходов, третья и т. д., вплоть до восьмой. Если организация не могла оплатить весь спектакль, заключался договор на половину мест. Некоторые организации повторяли культпоходы для своих членов. Среди посетивших театр «Жовтень» в ноябре – декабре 1930 г. были сотрудники Балтийского завода, заводов «Электросила», «Вулкан», «Кооператор», «Экономайзер», «Красный гвоздильщик», «Электроаппарат», им. Казицкого, «Экспортлеса», фабрики им. Мюнценберга, военной школы, различных кооперативов, члены профессиональных союзов – строителей, водников, печатников, пицшевиков, швейников, транспортников, связи, железнодорожников и др. Процент «организованного зрителя» достигал 85%, из них рабочих – 78% [см.: 23, оп. 1, д. 10, л. 13 об.].

Ясно, что культпоходы обеспечивали полные аншлаги в театре, но одновременно они требовали больших организационных и временных усилий и могли осуществляться достаточно эффективно на волне повышенного интереса к новому и необычному театру, но такой интерес не мог быть постоянным.

Второй постановкой театра «Жовтень» стала новая пьеса И. Микитенко «Кадры», рассказывающая о борьбе пролетарского студенчества за высшую школу в 1920 – 1923 гг. Эта пьеса имела успех на русской сцене – под

названием «Светите, звезды!» она шла в Москве во Втором МХАТе и готовилась к постановке на русском языке в Ленинграде.

В оригинале же ее в «ударном порядке» выпустил режиссер Е. Коханенко в «Жовтне» в начале января 1931 г. (художник-постановщик В. Шкляев, музыка Л. Энтелеса). В последнем номере журнала «Рабочий и театр» за 1930 год в рубрике «К ближайшим премьерам» была помещена беседа с режиссером-постановщиком, который подчеркнул жгучую актуальность пьесы: «Задача подготовки пролетарских специалистов стоит сейчас перед нами во всей своей широте и требует к себе внимания всей советской общественности, особенно после недавно прошедшего процесса «промпартии» [8]³. Е. Коханенко рассказал также о концепции спектакля, в котором «режиссура ставила своей задачей – уход от индивидуализма и раздробления типажа ... мы стремились типизировать отдельные персонажи, показать в каждом из них определенную группу студенчества и тот класс, представителем которого он является. Показ идейно-политического и культурного роста рабоче-крестьянской молодежи является органической частью нашего спектакля. Конечная цель – дать зрителю глубокую, эмоционально-революционную зарядку для борьбы за новые пролетарские кадры».

«Кадры» в украинском театре удостоились нескольких разноречивых рецензий в печати. Первой 9 января откликнулась «Красная газета». В. Г[олу]бов охарактеризовал пьесу И. Микитенко, с одной стороны, как нужное и интересное произведение о том, «как строится и растет советский ВУЗ», но, с другой – как устаревшую, поскольку она не учитывала «ряд сдвигов в вузовской действительности», происшедших после ее написания (ударничество, новые методы общественной и академической работы, производственный принцип обучения и др.). И форма пьесы в виде самостоятельных жанровых сценок, объединенных единой тематической линией, по мнению рецензента «несколько примитивно и упрощенно вскрывает тему». Но в противовес недостаткам – несомненные достоинства: «образный выразительный язык пьесы, мягкий юмор и убеждающая простота, замечательная обрисовка персонажей и яркая драматическая трактовка некоторых моментов». А вот о самом спектакле автор отзыва весьма критически, неожиданно назвав его «несколько не характерным для украинского театра... в спектакле выхолощена национальная специфика, даже утерян колорит, имевшийся в пьесе. Это обычный спектакль нашего театра, переведенный на украинский язык». Ни для кого не нашлось у рецензента добрых слов. Работа режиссера Е. Коханенко – «слаба и неинтересна», он не сумел «на основе здорового оптимизма «Кадров» построить бодрый, заряжающий спектакль». Актерский состав «не преодолел творческой разнородности и эклектизма», исполнение ролей студентов мало убедительно и отмечено фальшью. А самому театру еще нужно завоевать «право на жизнь»

³ Процесс Промпартии – судебный процесс над группой инженеров, обвиненных во вредительстве в промышленности, проходивший в Москве 25 ноября – 7 декабря 1930 г.

отысканием и утверждением своего собственного, национального творческого лица» [2].

Неужели полная неудача? Но другие рецензии не подтверждают такой вывод, хотя и содержат критику спектакля и отнюдь не являются хвалебными. И. Городский в газете «Ленинградский студент» также отмечал «несоответствие пьесы сегодняшнему дню», она даже «притупляет несколько классовую бдительность зрителя и объективно уводит его от злободневных, насущнейших проблем сегодняшней вузовской действительности», и театр не сумел критически осмыслить пьесу «с точки зрения **третьего года пятилетки**». Но при этом национальный колорит, национальные формы выдержаны во всех элементах спектакля – и в оформлении художника Шкляева, и в «действенной музыке» композитора Энтелиса, и в постановке режиссера Коханенко в целом. А вот единой творческой линии в игре актеров действительно нет, методы игры разношерстны, так как театр вынужден был формировать труппу «из имевшихся налицо сил». Значит, нужна «максимальная работа» с актерами, чтобы добиться создания единого по творческому методу ансамбля [4].

А.П. в журнале «Рабочий и театр», отмечая правильную установку и яркий материал пьесы, указывает на ее рыхлость, вялость, вследствие чего она рассыпалась на длинный ряд статических эпизодов – автор еще не овладел «творческим методом пролетарской драмы». И спектакль не преодолел этого недостатка драматургии, он был лишен единства, носил иллюстративный характер, отдельные персонажи превращались в застывшие схемы. Режиссерская работа Е. Коханенко была признана добросовестной и старательной, но с налетом некоторого «провинциального упрощенчества». Из актеров выделялись А. Гайдабура, Е. Сидоренко, С. Ващук, М. Терещенко. Безусловно положительно оценивалась работа художника-постановщика В. Шкляева, следовавшего традициям новаторского украинского театра «Березиль». В целом спектакль был признан скромным, но полезным, «ставя в обличьи украинского языка и бытовой специфики общие для всего Советского Союза проблемы борьбы за кадры, тему классовых битв в ВУЗе» [1].

В феврале 1931 г. театр «Жовтень» выпустил спектакль по поэме Т. Г. Шевченко «Гайдамаки» в инсценизации Леся Курбаса, постановщик Д. Ровинский. В массовых сценах спектакля участвовал вспомогательный состав театра – драмкружок Домпросвета. В спектакле было много музыки композиторов Лысенко, Глиэра, Стеценко, Пруслина. Потребовалось объяснение, почему театр, созданный для презентации современной украинской драматургии, обратился к произведению, написанному 90 лет назад и посвященному восстанию гайдамаков в XVIII веке. Постановка на историческом материале диктовалась двумя соображениями: познакомить ленинградских зрителей с подлинной украинской классикой в противовес ложным о ней представлениям, а также «дать революционный спектакль, отражающий классовую борьбу украинского населения». Развивая этот второй мотив, театр устроил у себя выставку МОПРа о современных событиях в

Западной (польской) Украине, «как являющихся повторением фактов, положенных в основу пьесы Шевченко» [15, 1931, № 4, 11 февр., с. 21].

Эта идея обосновывалась в большой статье под названием «Изучим прошлое, возьмем настоящее – построим будущее. «Гайдамаки» в I-ом на территории Р.С.Ф.С.Р. Украинском Гостеатре «Жовтень», написанной зав. массовым сектором театра «Жовтень» Ф. Шаповал [см.: 23, оп. 1, д. 9, л. 25 – 29]. Большое место в статье занимает изложение исторических фактов о восстаниях на Правобережной Украине в XVIII веке, разъясняются непонятные ленинградскому зрителю термины (гайдамаки, гайдаматчина, колиивщина), кратко рассказано содержание «классики-истории» – поэмы Т. Г. Шевченко. Шевченко показал гайдамаков не как разбойников, а как борцов за свободу, но автор продолжает: «борцов за политическую власть пролетариата» (!), так как эти восстания были «семенами, из которых выростала революционная борьба, гражданская война и пришли к диктатуре пролетариата». Статья Ф. Шаповал известна нам только в рукописи, поэтому трудно сказать, каким образом использовался этот текст, слишком прямолинейный даже для лобовой пропаганды, однако ясно, что он был подготовлен для разъяснительной работы среди зрителей, незнакомого с историей Украины и поэмой Т. Г. Шевченко.

В. Голубов в «Красной газете», уже традиционно первой откликнувшейся на новую постановку «Жовтня», объясняет выбор театра и как бы дает разрешение на него: «Ознакомление рабочего зрителя с лучшими творениями национального искусства и его классического наследия – одна из задач существующего в Ленинграде Украинского театра. И в цепи пьес современного репертуара, трактующих злободневную тематику текущего дня, *допустимы отдельные звенья*, представляющие собой наиболее ценное, наиболее прогрессивное и революционное из *украинской драматургии прошлого*. Но это прошлое должно выявляться в разрезе нашего, классового к нему отношения» [курсив мой – Т.С.]. Между тем вот этого «правильного» отношения рецензент в спектакле не нашел, так как «переделка пьесы» Л. Курбасом свелась к ее «формальной перепланировке» и намекам на сходство «шевченковского содержания с нынешней действительностью» – Польшу 200-летней давности (события гайдаматчины происходили в XVIII в.) с современной Польшей, символически представленной в спектакле женщиной с фашистским значком на груди. Такое отождествление «в какой-то единой классовой зависимости и причинности» недопустимо [3]. Эту же точку зрения разделял и Н. Ситников в журнале «Рабочий и театр»: борьба повстанцев-гайдамаков на Правобережной Украине в XVIII в. носила характер «узко-национального и, конечно, классово не определившегося освободительного движения», а потому показывать гайдамаков как подлинных борцов за свободу, да еще проводить параллель между ними и крестьянскими волнениями в Польше в 30-е гг. XX в., смешивать эти явления «недопустимо и политически вредно» [16, с. 17].

Оба рецензента предъявляли театру серьезные претензии и с художественной точки зрения, новаторские элементы инсценизации «украинского Мейерхольда» Леся Курбаса (введение хора на манер греческих трагедий, являющегося посредником между сценой и залом, «привкус

оголенного эстетизма», «внешняя стилизованность исполнения, основывающегося на возвышенном и ложном пафосе» и т. п.) подвергались критике. Единственным достоинством постановки В. Голубов назвал музыку, напряженную и выразительную, которая только и «оставляет впечатление от утомительного и мало интересного спектакля». А. Н. Ситников охарактеризовал спектакль в целом как «прорыв» (это определение имело в описываемый период значение неудачи, провала).

И профессиональный театральный критик В. Голубов, и выросший из рабкоров Н. Ситников, в заключение довольно резко отчитали театр. «Шатания от современного репертуара («Диктатура», «Кадры»), использованного без намека на специфику национальной формы к стилизованной «национальной поэме» низкой общественной значимости – недостаточная рекомендация для подлинно советского национального театра» (В. Голубов). «Использование классической драматургии современным театром может быть допустимо только в случае, если из драматического архива извлекаются лучшие образцы, заключающие в себе хоть в какой-то мере родственные революционным дням элементы, при соответствующей обработке которых можно создать спектакль с классово-полезной направленностью» (Н. Ситников).

Следующая работа театра, казалось, вполне соответствовала этим наставлениям. Вместо анонсированной осенью пьесы Л. Первомайского «Неизвестные солдаты», которую по условиям договора с Украинским Товариществом драматургов, композиторов и сценаристов театр должен был поставить не позднее 1 января 1931 г., но из-за затянувшегося подготовительного периода поставить не успел [см.: 23, оп. 1, д. 9, л. 7 – 8], в феврале 1931 г. было приобретено право постановки новой пьесы Остапа Вишни «Запорожец за Дунаем» «из жизни украинских эмигрантов за границей». Премьера спектакля, названного в афишах музыкальным гротеском, в постановке Д. Ровинского, на классическую музыку С. Гулака-Артемовского в новой редакции, инструментовке и «с дописанными номерами» композитора Л. Энтелиса, состоялась в апреле 1931 г. [см.: 15, 1931, № 4, 11 февр., с. 21; № 10, 11 апр.; афиши]. Знаменитая украинская опера послужила канвой для создания остроумного, «насыщенного злободневным содержанием сатирического памфлета». Сюжет пьесы: в Марокко происходит «мирная» международная конференция с участием беглых украинских министров и глав некоторых европейских государств (иронически названных Королёк I, Пиль-Цуцкий, Пан-Каре) с целью организации антисоветской интервенции, и все события происходят на фоне повседневной жизни украинской эмиграции, часть которой живет играемым изо дня в день «Запорожцем за Дунаем». Для лучшего понимания содержания спектакля русским зрителем и более полного осмысления происходящего введен конферанс в виде полемики между двумя актерами.

Казалось бы, социально-политические задачи театром решаются, да еще и в интересной форме, но бдительный Николай Ситников начеку: «От злободневности спектакля до его политической полновесности так же далеко, как далек исторический «Запорожец за Дунаем» от текста Остапа Вишни» –

лирические герои выглядят безобидными мечтателями, стремящимися на родину, международные хищники только смешны, конференс не придает политического заострения, а сводится к «полемике с мюзик-холлом». Однако в спектакле были моменты, которые рецензент, уже несколько лет боровшийся с «псевдоукраинским» «гопачногорилочным» искусством, безусловно приветствует – в спектакле «через пародийно-гротесковый показ этого старья вскрывается вся его архаическая ложность» [23, оп. 1, д. 9, л. 17]. (Напомним, что в таких экспрессивных выражениях рецензент характеризовал жемчужину украинской сцены – оперу С. Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», а не свободную переработку О. Вишни. В черновом варианте статьи говорится также о «романтической канве престарелой оперы», которая «содержала в себе стусок великодержавного шовинизма»). Работа режиссера была названа «вполне посредственной», а вот актерский ансамбль блеснул, особенно Е. Коханенко, М. Романовский, Е. Никитченко. Выделялось также простое и остроумное решение спектакля художниками В. Шкляевым и П. Рогожинским. Но все же общий вывод рецензента был неутешительным: спектакль «не является в какой-либо мере образцом украинской театральной культуры» [17, с. 17].

С 7 ноября 1930 г. по 1 мая 1931 г. в театре «Жовтень» пьеса «Диктатура» прошла 55 раз (до конца сезона – более 70), «Кадры» – 33 раза, «Гайдамаки» – 35 раз, «Запорожец за Дунаем» – 20 раз [см.: 23, оп. 1, д. 3, л. 65; д. 9, л. 24].

Пятая и последняя (июнь 1931 г.) в первом сезоне театра «Жовтень» премьера – спектакль по первой пьесе белорусского пролетарского драматурга Г. Кобеца «Гута» («Стеклозавод»). Автор, бывший рабочий стеклозавода, писал об известном ему производстве и знакомой социальной среде, что позволяло точно и ярко нарисовать образы отдельных персонажей. Но пьеса была написана в 1929 г. и к моменту постановки, по мнению критики, уже «немного устарела» (!) – ведь «развернутое наступление на враждебный пролетариату класс быстро меняет соотношение и расстановку классовых сил внутри страны», и показанные в пьесе мастера-«кулаки» уже не типичны. Это и было названо все тем же Н. Ситниковым основным недостатком пьесы и спектакля в постановке Е. Коханенко, хотя и оформление (художник А. Иванов), и музыка (композитор Ю. Мейтус) были названы лишенными всякого своеобразия и довольно посредственными. Положительно была оценена игра актеров Ф. Левицкого, Д. Гайдамаки, а также «старой гвардии» украинских ленинградских театров А. Самарского и И. Рожко. В целом спектакль был признан «на уровне лучших постановок» «Жовтня», но не может служить ему причиной для творческого удовлетворения» [14, с. 13].

Для преодоления определенного языкового барьера между сценой и зрительным залом постановки театра «Жовтень» анонсировались с изложением краткого содержания пьесы (напр., «Диктатура», «Гута»). Либретто к «Запорожцу за Дунаем» в обработке О. Вишни было напечатано в типографии «Красной газеты» тиражом 3 тыс. экз. [см.: 23, оп. 1, д. 9, л. 14].

Уже в свой первый сезон украинский театр стал активным участником культурно-просветительской работы среди разных слоев населения Ленинграда

– рабочих, студентов, красноармейцев и краснофлотцев. Из состава труппы были выдвинуты уполномоченные по связям с предприятиями, учреждениями, вузами, воинскими частями. Актер и режиссер-лаборант А. Гайдабура был направлен руководителем драматического кружка (кружка малых форм) в Украинский Дом просвещения. Передвижная бригада артистов театра выступала в обеденный перерыв прямо в цехах предприятий [см.: 23, д. 10, л. 1 – 3, 10]. В театре работал Художественно-политический Совет, состоящий преимущественно из руководства «Жовтня», представителей Украинского Дома просвещения и Землячества пролетарских студентов Украины [см.: 23, д. 4, л. 7 – 8 об.].

Выразительный пример главенства классово-политической составляющей в деятельности театра «Жовтень» дает договор о его сотрудничестве с крупным ленинградским предприятием. 5 января 1931 г. в театре состоялось торжественное заседание «по случаю принятия над театром шефства Механическим заводом № 7» [15, 1930, № 70 – 72, 31 дек., с. 17]. В таком сотрудничестве театр был «ведомым», а ведущей силой этого взаимодействия, в духе времени, считались «трудящиеся города Ленина». Сам договор «О принятии пролетарского идейно-политического шефства Механического завода № 7 над государственным Украинским театром «Жовтень» («Октябрь») в г. Ленинграде» был подписан позже, в октябре 1931 г. Текст договора содержит обоснование необходимости такого шефства как политического дела огромной важности, могучего средства проведения в жизнь коммунистического лозунга «Искусство в массы». Рабочее шефство позволяет театру приблизить «свою продукцию» к рабочему зрителю, «искусство делается подлинно пролетарским, театр мобилизует волю, энтузиазм рабочих масс на борьбу за промфинплан, пятилетку, за успешное окончание строительства фундамента социализма». А рабочее шефство над Украинским театром – это еще более важное политическое дело, так как украинский театр на территории РСФСР, в Ленинграде – мощный фактор интернационального воспитания, оружие борьбы «со всеми и всякими искривлениями национальной политики партии», театр, пропагандирующий украинскую культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию [см.: 23, оп. 1, д. 10, л. 4].

Практическая сторона сотрудничества завода и театра частично была совершенно логичной: устраивать «вечера спайки» двух коллективов, проводить культпоходы в театр с последующим обсуждением спектаклей, выделять заводским ударникам бесплатные абонементы, а ударной бригаде театра выступать перед рабочими на заводе, участвовать в политических кампаниях, разъяснять задачи культурной революции, в том числе театрального искусства, помогать в ликвидации неграмотности, вовлекать рабочих-украинцев в работу землячества, организовать для них кружки на родном языке.

Но все же основной посыл документа был очень технократическим: завод и театр рассматривались просто как два предприятия, которые заключают между собой договор о соцсоревновании со следующими пунктами: успешное выполнение своих промфинпланов, качественный выпуск продукции, активная

борьба с прогулами, опозданиями, небрежным отношением к своим обязанностям, снижение себестоимости и процента брака, взаимообследование обоих предприятий с созывом совместных собраний.

Ярко выражена в договоре и идея гегемонии рабочего класса над интеллигенцией: завод брал на себя обязательства делегировать двух своих представителей в Художественно-политический совет театра «для участия и руководства таковым», а также направить лучших ударников «в качестве соц. совместителей на ответственные, руководящие должности (директор, глав-администратор, заведующий Художественно-политическим советом и т. д.)» и осуществлять «внутри воспитательную работу» среди актеров и всех работников театра. Коллектив же театра обязался «в случае производственного прорыва на заводе» полностью переключить свою работу на ликвидацию этого прорыва [см.: 23, д. 10, л. 5 – 6].

Этот документ, характерный для своей эпохи, позволяет ощутить ее атмосферу, одновременно суровую и наивную, услышать голоса людей – социальных оптимистов, уверенных в своей правоте и существовании простых классовых решений для всех мировых проблем.

15 июня 1931 г. закончился первый сезон театра «Жовтень». Несмотря на творческие успехи театра, окончание сезона оказалось мало оптимистичным. Выплата зарплаты постоянно задерживалась. Театр не был включен в план летних гастролей, составленный сектором искусств НКП, в связи с чем вынужден был полностью прервать работу до осени 1931 г., причем оплата в размере 50%, по промфинплану театра, полагалась членам труппы только за один месяц [см.: 23, д. 10, л. 17]. В это время в штате театра числилось 110 чел., из них 82 служащих (в т. ч. 30 женщин), то есть творческий состав, и 28 рабочих (в т. ч. 8 женщин) [см.: 23, д. 4, л. 95 – 95 об.]. Общее собрание труппы 23 июля 1931 г. горячо обсуждало ситуацию и почти единогласно (при одном голосе против) голосовало за другую схему расчетов, а именно: с 15 июня по 25 июля и с 25 августа по 15 сентября театр считать на консервации и выплатить сотрудникам 50% зарплаты, с 25 июля по 25 августа – оплаченный (100%) отпуск. Кроме того, администрации предлагалось до 25 июля подписать с работниками тарифное соглашение на срок до 1 января 1932 г. Присутствовавший на собрании заместитель председателя Рабиса заверил, что это решение будет поддержано президиумом союза [см.: 23, д. 16, л. 31 – 32].

Однако проблемы театра «Жовтень» были не только финансовыми.

Труппа театра, составленная из актеров разных творческих школ и разного профессионального уровня, не была сплоченным творческим коллективом. Бытовая же сторона жизни иногородних актеров была практически неприемлемой: и в 1931 году «нет до сего времени жилищ, состав театра живет в уборных» [23, д. 10, л. 13 об.]. Несмотря на неподдельный энтузиазм, с которым большинство актеров принялись творить дело национального театра в русскоязычной среде, долго выдерживать такие условия, да еще при хронической задержке зарплаты, могли и хотели не все, в труппе начались трения, подсиживания, дразги и т. п. Уже в декабре 1930 г. совещание актива театра «Жовтень» рассмотрело вопрос «Про организационные недочеты среди

состава театра». Докладчик, заместитель директора театра Ф. Шаповал перечислила имевшие место «болезненные явления»: «вместо здоровых товарищеских отношений – где у кого – ненависть, что не должно быть в нашей семье», «есть люди, которые ведут вредительскую работу», не все работают над собой, чтобы «отвечать современным советским условиям, иначе человек может навсегда сойти со сцены», кое-кто придерживается устаревших методов, некоторым старым работникам следует более строго относиться к своей работе и воспитывать молодежь. Выступления участников совещания конкретизировали проблему. Так, из протокола следует, что молодой актер Василий Щеголев (задействованный в спектакле «Диктатура» в роли секретаря райпарткома Величко) бросил театр и уехал на Украину, и называются причины этого поступка: ему «не дали соответствующей работы, не удовлетворили его ролью, *был голодный* [курсив мой – Т.С.], вот почему выехал». Режиссер-лаборант Гудзенко «высмеивает Коханенко и когда есть недостатки в работе то Гудзенко рад». В труппе есть «закулисное травление один одного среди актеров». Но основное внимание актива было сосредоточено на «разлагающей деятельности» актера А. Самарского, начавшего свою ленинградскую карьеру еще в театре И. Я. Юхименко в 1927 г. Выяснилось, что именно Самарский способствовал бегству Щеголева и «взял в обработку» еще двух актеров, что он спаивает заслуженного артиста Ф. В. Левицкого, а потом критикует его. Выступавшие называли Самарского «врагом театра», неучем, который «переоценивает себя», стремится стать режиссером и за два месяца работы не сказал ни одного хорошего слова о театре, «а все только плохое». Характерны отзывы Самарского о репертуаре театра: «Диктатура» – это безуспешная пьеса, «Кадры» не будут пользоваться успехом, необходимо ставить здесь «Наталку Полтавку» и «Цыганку Азу». Совещание постановило «давать решительный отпор тем, которые вредят нашему строительству культурной работы – Самарского необходимо снять» [23, д. 10, л. 23 – 25].

Но главной проблемой театра «Жовтень» был все же так и не определенный до конца статус и характер работы – в качестве стационарного или передвижного. Поразительно, что уже в декабре 1930 г. (а театр дал первый спектакль 7 ноября!) на театральном совещании в Ленинграде председатель Главискусства Ф. Кон заявил, что создание украинского театра в городе, где проживает не более 17 тысяч украинцев (на самом деле их насчитывалось более 30 тысяч), вызывает немало возражений, «место такого театра – на Украине, откуда он не лишен права периодически выезжать в разные пункты РСФСР для обслуживания там разбросанного украинского населения» [15, 1930, № 68 – 69, 21 дек., с. 13]. На это явно политически незрелое заявление по свежим следам откликнулся журнал «Рабочий и театр». Критик А.П. справедливо отмечал, что украинский театр в Ленинграде призван вовсе не только обслуживать ограниченную украинскую колонию, хотя она и достигает нескольких десятков тысяч человек, но должен быть живым проводником идеи культурного сближения союзных республик и народов СССР, постоянным культурным «полпредством» украинского пролетариата в крупном индустриальном центре [см.: 15, 1931, № 2, 21 янв., с. 11].

23 июня 1931 г. в Москве состоялось заседание Президиума не так давно образованного Управления по делам национальных театров (нацментеатров) Наркомпроса по вопросу обслуживания украинского населения на территории РСФСР, докладчик Симолин. Принятое постановление содержало пункты о создании нескольких украинских театров в разных регионах, в том числе 4-х стационарных (двух краевых и двух областных) и шести передвижных, а также поддержку театра-студии и театра украинской муздрамы в Москве и театра «Жовтень» в Ленинграде. При этом «Жовтень» выделялся как единственный театр «для больших городских площадок, способных поднять бюджет до 10 – 13 тыс.», а его работа в 1932 г. должна была проходить на пяти площадках: 4 мес. – в Ленинграде, 1 мес. – в Москве, по 2 мес. – в Воронеже, Новороссийске и Ростове-на-Дону [см.: 23, оп. 1, д. 3, л. 1 – 3].

Представитель Управления национальными театрами Симолин выступил с докладом о перспективах «Жовтня» и на общем собрании труппы театра 23 июля 1931 г. Он изложил концепцию управления, принятую месяцем ранее, но некоторые тезисы его выступления звучали весьма странным образом: «Театр «Жовтень» – театр государственный, а государство *не знает, чей он*». Далее докладчик сообщил, что у театра в Ленинграде теперь есть «непосредственный хозяин» – заместитель заведующего Ленискусством Горский, но «Ленинград театра только для Ленинграда не признает», «*театр «Жовтень» Ленинграду, как таковому, не нужен*», но необходим как театр РСФСР [курсив мой – Т.С.] Пребывание театра именно в Ленинграде связано с наличием помещения, возможностью «культивирования» художественного состава и повышения квалификации, кроме того – это «марка пребывания в культурном центре». Наряду с другими создающимися украинскими театрами, «Жовтень» должен обслуживать значительное украинское население РСФСР, но «ни в коем случае не презентовать украинскую культуру». Все театры в 1932 г. будут переведены на хозрасчет, однако первый украинский театр «Жовтень» будет «дотацирован приблизительно 70 – 75 – 80 тыс. руб.», но нужно «протянуть театр» до 1932 г. Внимание к театру вызвано тем, что «театр очень хороший – по общей оценке, добротный своей продукцией, театр, выдержавший четкую политическую линию, по праву названный гостеатром». Практическая деятельность театра «Жовтень» должна проходить в смешанном режиме – 4 месяца в Ленинграде, а остальное время – в длительных гастрольных поездках по плану Управления [см.: 23, д. 16, л. 27 – 29].

Таким образом, театр мог продолжать работу, хотя и с изменением ее режима. Вероятно, выполнить ранее намеченный производственный план 1931 г. – 219 спектаклей в Ленинграде, с общим количеством зрителей 138212 чел. [см.: 23, д. 10, л. 13 об.] – уже не представлялось возможным. В сентябре 1931 г. на совещании в Ленинградском Областном Совете профессиональных союзов (ЛОСПС) по вопросу о работе нацментеатров было принято официальное решение о необходимости «сократить пребывание театра в Ленинграде в сезоне 1932 г. до 1 марта 1932 г.». При этом ЛОСПС брал на себя «оказание полного содействия в проведении через союзы 30 культпоходов за время с ноябрь 1931 г. по февраль 1932 г.» [23, д. 11, л. 4]. Секретариат ЛОСПС

26 сентября утвердил ориентировочную разверстку на эти культпоходы, правда, с несколько иными датами – с 1 октября 1931 г. по 14 апреля 1932 г., но главное – всего на 25 спектаклей [см.: 23, д. 11, л. 10]. По сравнению с первым сезоном театра «Жовтень», когда на четыре спектакля («Диктатура», «Кадры», «Гайдамаки» и «Запорожец за Дунаем») было организовано 99 культпоходов [Подсчитано по: 23, оп. 1, д. 11, л. 3 – 3 об.], следует констатировать явное снижение интереса к украинскому театру.

В конце сентября 1931 г. «Жовтень» анонсировал ориентировочный репертуар на сезон 1931 – 1932 г.: «Дело чести» И. Микитенко, «Матросы из Катарро» Ф. Вольфа, «Ровесники пятилетки» Л. Первомайского, «Штурм» А. Корнейчука, «Патетическая соната» Н. Кулиша, «Вячеслав» О. Вишни, «Яблоневый полон» И. Днепроовского, «Завоеватели» Ю. Яновского, а также прошлогодние постановки «Диктатура», «Гута», «Запорожец за Дунаем» [см.: 15, 1931, № 25, 30 сент., афиши]. Сезон должен был начаться премьерой – пьесой «Дело чести» И. Микитенко.

В 1930 – 1931 гг. спектакли по пьесам «Патетическая соната» и «Дело чести» ставил в Ленинграде на русском языке Большой Драматический театр. По поводу постановки последней возник конфликт между театрами – украинским и БДТ. В апреле 1931 г. дирекция БДТ заключила постановочный договор с Всероссийским обществом драматургов и композиторов (Всеросскомдрам) на монопольное право публичного исполнения в Ленинграде неизданного драматического произведения И. Микитенко в переводе Зенкевича «Дело чести», с запретом автору до 1 мая 1932 г. предоставлять пьесу другим театрам. Сам И. Микитенко телеграммой от 7 октября подтвердил обоснованность претензий БДТ: «Никакого права на постановку «Дело чести» в Ленинграде другим театрам кроме Большого Драматического я не давал примите меры на месте». Таким образом, постановка этой пьесы в театре «Жовтень» осенью 1931 г. была незаконной, и дирекция БДТ потребовала снять ее с репертуара украинского театра [см.: 23, оп. 1, д. 9, л. 2 – 2 об.]. Ленинградское отделение Всеросскомдрама и Леноблсовет по делам искусства и литературы поддержали это требование, а последний еще предписал «Жовтню» представить объяснение, на каком основании пьесу «Дело чести» включили в репертуар [см.: 23, л. 32, 64].

Узнав о принятии этой пьесы к постановке в БДТ, украинский театр обратился к наркому просвещения Украины А. М. Скрыпнику с запросом, имеет ли право «Жовтень» поставить ее в оригинале, то есть на украинском языке, и получил положительный ответ. Кроме того, вопрос этот был согласован и с инспектором по национальным театрам Ленинграда Горским, причем была достигнута договоренность о том, что театр «Жовтень» откроет сезон пьесой «Дело чести», а завершит – «Патетической сонатой», в то время как БДТ, в свою очередь, сначала поставит «Патетическую сонату», а затем в середине сезона даст «Дело чести». На этом основании труппа усиленно готовила постановку пьесы «Дело чести» к годовщине театра – к 7 ноября 1931 г. Таким образом, требование «воздержаться от постановки до окончательного разрешения вопроса о монопольном праве на постановку этой

пьесы» ставило театр «Жовтень» в трудное положение – театр нес материальные потери при весьма сложном финансовом положении, труппа испытывала творческое разочарование и вынуждена была в спешном порядке готовить новую пьесу, но главное – подрывалось доверие к украинскому театру, которому-де сами украинские драматурги не хотят давать свои пьесы [см.: 23, л. 23 – 24 об., 69].

Стоит вспомнить, что осенью 1930 г. пьесу И. Микитенко «Диктатура» поставили сразу два ленинградских театра – Государственный театр драмы (бывш. Александринский) и украинский театр «Жовтень», и это не расценивалось как нарушение прав одного из них. Однако одновременно идущие спектакли позволяли сравнивать обе постановки, и это сравнение не всегда было в пользу Госдрамы. Но все же в случае с «Делом чести», видимо, речь скорее должна идти не о творческом соревновании, а о борьбе за «организованного зрителя», на которого рассчитывали оба театра при постановке социальной драмы – ведь на «Диктатуру» в украинском театре было не менее 49 культпоходов [по матер.: 23, оп. 1, д. 11, л. 3], то есть заранее оплаченных спектаклей.

Еще 28 октября 1931 г. в репертуарном справочнике пьеса «Дело чести» анонсировалась на открытие нового сезона в театре «Жовтень», но открытие сезона пришлось отодвинуть – вместо 7 ноября он начался 1 декабря, а пьесу о трудовом героизме шахтеров Донбасса (недаром ее первое название – «Вугілля» – «Уголь») заменить на комедию «Вячеслав» О. Вишни в постановке А. Смирнова и А. Искандер [см.: 15, 1931, № 28, 28 окт., с. 16; № 32 – 33, 7 дек.; афиши]. Рецензий на эту постановку, увы, не обнаружено.

Второй сезон театр «Жовтень» встретил с большими изменениями в составе труппы, в которой теперь было всего 33 актера, появились и новые люди. Список актеров включал Б. Борея, С. Ващука, С. Гудзенко, Н. Иноземцева, А. Каневского, М. М. Романовского, Н. Братерского, Е. Ивахненко, Н. Кабардина, А. Левицкого (младшего), Боярского, Гайдамаку, Качура, Липовецкого, Осадчего, Славинского, Святенко, Франко. Работали актрисы з. а. Е. Сидоренко, Н. Арская, Н. Будаков, Е. Гриневич, Ф. Дузь, Е. Ковтун, Н. Лебедева, М. Лютик, М. Маркова, Г. Искра, Боярская, Грановская, Ковальчук, Шостаковская, Ярманцевич [см.: 23, оп. 1, д. 15, л. 2].

Во вспомогательный состав труппы, кроме участников драмкружка Украинского Домпросвета, вошли учащиеся мастерской при театре – рассчитывая на длительную стабильную работу в Ленинграде, «Жовтень» готовил для себя молодое пополнение.

В сентябрьских анонсах главным режиссером театра «Жовтень» по-прежнему назван Д. Ровинский [см.: 15, 1931, № 25, 30 сент.; афиши], но в списке сотрудников на сезон 1931 – 1932 гг. его фамилия отсутствует – 14 ноября 1931 г. он был арестован.⁴

⁴ Ровинский Дмитрий Демидович (Деомидович), 1892 (1888) г. р., уроженец г. Зеньков Полтавской губ., украинец (по др. данным еврей), из мещан, беспартийный, член Центральной рады УНР, актер и режиссер, работал в театрах Киева, Харькова, Полтавы, Днепропетровска (театр Садовского, театр им. Шевченко и др.), переехал в Ленинград в 1930 г., организатор и директор гос. украинского театра «Жовтень», проживал: наб. р.

И все же казалось, что у театра «Жовтень» впереди достаточно благоприятная перспектива: осенью 1931 г. он – единственный в РСФСР государственный украинский драматический театр, активно работал, с энтузиазмом выполняя социальный заказ власти и пролетарского зрителя – «внедрение в национальной форме задач соцстроительства и интернационального воспитания» [23, оп. 1, д. 4, л. 95 об.], решительно порвал с осуждаемой традицией «малороссийщины», имел успех не только среди украинской диаспоры, но и среди широких масс населения города, наконец, получил признание государственных структур.

Но судьба театра «Жовтень» оказалась недолговечной – в конце 1931 г. он был неожиданно закрыт по финансовым соображениям по настоянию того же Главискусства Наркомпроса РСФСР, которое его открывало. Председатель драматической секции Главреперткома Наркомпроса УССР И. Фалькевич в своей обстоятельной статье «Кончить неразбериху с Украинским театром» в журнале «Рабочий и театр» в январе 1931 г. раскрывал безрадостную финансовую подоплеку деятельности ленинградского украинского театра: несмотря на обязательства Главискусства НКП РСФСР поддерживать театр материально, он получил от этой организации всего 7 тыс. рублей еще в 1929 году «на обзаведение» и с тех пор больше ни копейки, а самое главное – театр «Жовтень» не включен в бюджет Наркомпроса, то есть остался совсем без средств. А ведь ему пришлось взять в Коммунальном банке Ленинграда кредит на 25 тыс. рублей сроком на год для ремонта, с обязательством покрыть этот долг своей кассой, чего он не в силах был сделать, так как за неуплату налогов на его кассу еще 16 декабря 1930 г. был наложен арест. Между тем единственная помощь, полученная к тому времени театром «Жовтень» – это 15 тыс. рублей от НКП УССР, хотя содержание государственного театра за пределами Украины целиком относилось на счет республики пребывания [см.: 21, 1931, № 2, 21 янв., с. 10].

Бюджет 1931 года также планировался дефицитным: приход 251 тыс. 143 руб. (в том числе 25 тыс. 700 руб. от Наркомпроса РСФСР, 176 тыс. 850 руб. – сборы со спектаклей), расход 314 тыс. 180 руб., дефицит – 93 тыс. руб. [см.: 23, оп. 1, д. 10, л. 14 об. – 17 об.; д. 4, л. 90].

Созданию дефицита в некоторой степени способствовала политика театра «Жовтень», ориентированная на «обслуживание только организованного зрителя, для выполнения чего старается всю свою продукцию продавать целевыми спектаклями». Между тем средняя стоимость одного целевого спектакля (преимущественно культпоход) и валовой сбор с него были значительно ниже, чем «общегражданского». Цена билета при коллективном культпоходе была на 65% ниже общекассовой. При этом в производственный

Мойки, д. 24, кв. 22. Арестован 14 ноября 1931 г. Выездной сессией Коллегии ОГПУ в г. Ленинград 21 марта 1932 г. осужден по ст. 58-11 УК РСФСР на 5 лет концлагеря. Отбывал наказание в Свирьлаге, работал зав. гужтранспортом. Нарсудом Лодейнопольского р-на при Свирьлаге 30 ноября 1935 г. осужден по ст. 111 («в силу преступной халатности допустил потраву посева») на 1 год дополнительно. Переведен в Соловки, содержался на лагпунктах Анзер и Кремль, работал в театре. Особой тройкой УНКВД ЛО 9 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 3 ноября 1937 г. // Возвращенные имена: Книга памяти России. [Электронный ресурс] http://visz.nlr.ru/search/lists/t6/240_1.html.

план на 1931 год театр закладывал показатель «организованного зрителя» 85% [см.: 23, д. 10, л. 13 об., 14 об., 15 об.]. Таким образом, без существенных дотаций украинский театр в Ленинграде существовать не мог.

23 ноября 1931 г. Постоянное совещание наркома просвещения и его заместителей приняло постановление ликвидировать театр «Жовтень» как стационарный украинский театр в Ленинграде. Поражает, что в это же самое время театр открывал свой второй сезон! Но уже 9 декабря была создана ликвидационная комиссия Наркомпроса в составе: председатель Х. Ф. Керве (от Главискусства), секретарь Данилов, члены Пушечников (директор театра) и Зысин (от Ленискусства и Ленинградского областного союза Рабис), бухгалтер и счетовод [см.: 23, д. 18, л. 11, 15, 17]. В период с 10 по 15 декабря 1931 г. были полностью рассчитаны 77 сотрудников театра, в том числе все актеры, с выдачей двухнедельного пособия [см.: 23, д. 18, л. 7]. Кроме того, местком театра настаивал также на оплате проезда и провоза багажа на Украину, выплате компенсации за неиспользованный отпуск (8 дней из расчета проработанных в новом сезоне 4 мес.) и на обязательной выплате 50% зарплаты за период вынужденного прогула летом 1931 г. [см.: 23, д. 16, л. 25]. Судя по многочисленным отказам, задолженность была выплачена далеко не всем сотрудникам.

Вопрос о судьбе актеров ликвидированного театра оказался сложным. Трудно вообразить, как эти люди восприняли перемену своей участи, скоропалительно решенную начальством. Сектор искусств Наркомпроса РСФСР 21 декабря в качестве варианта предложил организовать в Ленинграде передвижную украинскую труппу. Решение этого вопроса было передано на усмотрение Ленинградского областного Управления государственных передвижных театров (ЛОУГПТ), но ответ оказался отрицательным. 30 декабря 1931 г. Ликвидком сообщал в Главискусство: «Актерские кадры Украинского театра Жовтень в Ленинграде вследствие отказа УГПТ организовать передвижной Украинский театр, по линии искусства остаются не использованными, на Украину никто не выехал и начинают устраиваться на работу не по своей специальности» [23, д. 18, л. 6 – 7]. В действительности небольшая часть актеров в декабре все же вернулись на Украину, а два актера Ващук и Новицкий – оказались арестованными (причина ареста не указана) [см.: 23, д. 18, л. 2].

25 декабря 1931 г. Ленинградский областной суд признал театр «Жовтень» несостоятельным должником с задолженностью по зарплате и разным учреждениям в сумме 113,7 тыс. руб., при том, что ценностей для покрытия задолженности имелось всего на 5 тыс. руб. В связи с этим суд передал окончательную ликвидацию театра Объединенному Судликвидкому, с предложением закончить ликвидацию в трехнедельный срок. Ответственным представителем Судликвидкома по делам театра «Жовтень» назначался И. С. Чудновский [см.: 23, д. 19, л. 20; д. 18, л. 1]. По решению Судликвидкома от 6 января 1932 г. был уволен директор театра «Жовтень» Пушечников, а помещение театра было передано в полное распоряжение дирекции ЛОУГПТ. Все дела по передаче помещения и денежным расчетам между дирекцией

Гостеатров и ЛОУГПТ были завершены к 1 февраля, а переписка по претензиям сотрудников бывшего театра «Жовтень» – 14 марта 1932 г.

Так быстро и буднично оказалась перевернута последняя страница истории профессионального украинского театра в Ленинграде. Вместо театра «Жовтень» открылся новый Государственный Украинский театр РСФСР в Москве (на базе объединения Украинского театра муздрамы и Украинской театральной студии). Ранее, в 1930 г., открытие Московского Государственного Украинского театра планировалось в дополнение к ленинградскому «Жовтню», но затем содержание двух подобных театров было сочтено нецелесообразным и крайне обременительным для бюджета НКП РСФСР, а расположение театра в столице, где были сосредоточены и другие национальные государственные театры (еврейский ГОСЕТ, латышский «Скатувэ», цыганский «Ромэн», татарский театр), – более рациональным и представительным. Государственный Украинский театр РСФСР в Москве работал тоже недолго – в 1932 – 1934 гг.

В Ленинграде театральную традицию украинской диаспоры продолжил драмкружок при Украинском Домпросвете (руководитель – «непотопляемый» А. Самарский, бывший актер театра «Жовтень»), участники которого получили некоторый опыт настоящей профессиональной сцены в качестве вспомогательного состава труппы государственного театра. Однако самостоятельный кружок ни в коей мере не мог заменить такой культурный очаг, как постоянный профессиональный театр, да и существование самого драмкружка закончилось довольно скоро вместе с закрытием Украинского ДПР в 1935 г.

С закрытием театра «Жовтень» Ленинград лишился сильного национального художественного коллектива, внесившего своеобразную ноту в культурную жизнь города. Однако классово-политизированный подход, принципиальное неприятие достижений старого украинского театра, попытка начать «с чистого листа», отвергая опыт прежних ленинградских украинских трупп, – все эти обстоятельства осложняли творческую судьбу театра «Жовтень». Не стал ему «охранной грамотой» и государственный статус – административным решением он был закрыт, не успев за два неполных сезона раскрыть все свои потенциальные возможности. Это тем более прискорбно, что театр и зритель не были разделены серьезным языковым барьером, что позволяло, в отличие от других ленинградских национальных театров, обращаться к весьма многочисленной аудитории.

В то же время недостаточно обоснованной была сама идея стационарного украинского (как и других национальных) театра в русскоязычном мегаполисе. И все же прерванная на взлете судьба ленинградского украинского театра в значительной мере обеднила культуру города.

Список литературы

1. А. П. «Кадры» в Украинском театре // Рабочий и театр. – 1931. – № 2. – 21 января. – 24 с.
2. Г-бов В. «Кадры». Премьера в театре «Жовтень» // Красная газета. – 1931. – 9 янв. Веч. вып.

3. Голубов В. «Гайдамаки» // Красная газета. – 1931. – 18 февр.
4. Городский Иг. «Кадры». Украинский театр «Жовтень» // Ленинградский студент. – 1931. – 21 янв.
5. Горохов Г. «Диктатура» в Украинском // Рабочий и театр. – 1930. – № 62–63. – 20 нояб. – 24 с.
6. Жизнь искусства. – 1929. – № 14. – 1 апр.
7. Ірій Андрій. РСФСР будет иметь свой Украинский театр // Рабочий и театр. – 1930. – № 23. – 26 апр. – 24 с.
8. «Кадры» в театре «Жовтень» // Рабочий и театр. – 1930. – № 70–72. – 31 дек. – 24 с.
9. Котвицкий А. «Диктатура» в Украинском // Рабочий и театр. – 1930. – № 64–65. – 24 с.
10. Ленинградские театры. Репертуарно-программный справочник. – 1930.
11. Ленинградская правда. – 1929. – 19 и 22 февр.
12. Красная газета. – 1929. – 23 февр. – утр. и веч. вып.
13. Мокульский С. «Диктатура» в театре «Жовтень» // Красная газета – 1930. – 20 нояб. – веч. вып.
14. Н. С. «Гута» // Рабочий и театр – 1931. – № 19. – 30 июня. – 24 с.
15. Рабочий и театр – 1929 – 1931 гг.
16. С-в Николай. «Гайдамаки» // Рабочий и театр – 1931. – № 6. – 1 марта. – 24 с.
17. С-в Николай. «Запорожец за Дунаем» – в «Жовтене» // Рабочий и театр. – 1931. – № 12. – 1 мая. – 24 с.
18. Спутник по ленинградским театрам. – 1931. [Б.м.]; [Б.г.].
19. Тасин Л. Украинский театр в Ленинграде // Красная газета. – 1930. – 9 нояб. – утр. вып.
20. Украинский театр «Жовтень» // Красная газета. – 1930. – 7 окт. – веч. вып.
21. Фалькевич И. Кончить неразбериху с Украинским театром // Рабочий и театр. – 1931. – № 2. – 21 янв. – 24 с.
22. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 111. Коллектив работников искусств («Рабис») Ленинградского объединения Коллективов из безработных (1925 – 1930). – Оп. 1. – Д. 130.
23. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 240. Государственный Украинский театр «Жовтень» («Октябрь») (1930 – 1932). – Оп. 1. Д. 3, 4, 9, 10, 11, 15, 16, 18, 19.
24. Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб.). Ф. 283. Объединенный архивный фонд «Ленинградский Обком профсоюза работников искусств (Сорабис), предшествующие и подведомственные ему организации» (1917 – 1953). – Оп. 2. – Д. 1548.
25. Янковский М. Диктатура в Гос. Театре драмы // Рабочий и театр. – 1930. – № 62–63. – 20 нояб. – 24 с.

References

1. A. P. Personnel in the Ukrainian Theatre ["Kadry" v Ukrainском teatre]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1931, № 2, 21 January, 24 p.
2. G-bov V. "Personnel". Premiere in the Theatre "Zhovten" ["Kadry". Premiera v teatre "Zhovten"]. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1931, 9 January, evening issue.
3. Golubov V. "The Haidamakas" ["Gaydamaki"]. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1931, 18 February.
4. Gorodskiy Ig. "Personnel". The Ukrainian Theatre "Zhovten" ["Kadry". Ukrainskiy teatr "Zhovten"]. *Leningradskiy student* (Leningrad Student), 1931, 21 January.
5. Gorokhov G. "Dictatorship" in the Ukrainian Theatre ["Diktatura" v Ukrainском]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 62–63, 20 November, 24 p.
6. *Life of Art* (Zhizn iskusstva), 1929, № 14, 1 April.
7. Iriy Andriy. RSFSR Will Have its Ukrainian theatre [RSFSR budet imet svoiy Ukrainskiy teatr]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 23, 26 April, 24 p.
8. Personnel in the Theatre "Zhovten" ["Kadry" v teatre "Zhovten"]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 70–72, 31 December, 24 p.
9. Kotvitskiy A. "Dictatorship" in the Ukrainian Theatre ["Diktatura" v Ukrainском] *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 64–65, 24 p.
10. The Leningrad Theatres. Repertoire and Program Reference Book [*Leningradskie teatry. Repertuarno-programmnyy spravochnik*], 1930.
11. *Leningradskaya Pravda* (Leningrad Truth), 1929, 19 and 22 February.
12. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1929, 23 February, morning and evening issues.
13. Mokulskiy S. "Dictatorship" in the Theatre "Zhovten" ["Diktatura" v teatre "Zhovten"]. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1930, 20 November, evening issue.
14. N. S. "Huta" ["Guta"]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1931, № 19, 30 June, 24 p.
15. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1929 – 1931 years.
16. S-v Nikolay. "The Haidamakas" ["Gaydamaki"]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1931, № 6, 1 March, 24 p.
17. S-v Nikolay. "Zaporozhian Cossacks Beyond the Danube" at the "Zhovten" ["Zaporozhets za Dunaem" v "Zhovtene"]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1931, № 12, 1 May, 24 p.
18. Leningrad Theatres Guide [*Sputnik po leningradskim teatram*]. 1931.
19. Tasin L. Ukrainian Theatre in Leningrad [Ukrainskiy teatr v Leningrade]. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1930, 9 November, morning issue.
20. The Ukrainian Theatre "Zhovten" [Ukrainskiy teatr "Zhovten"]. *Krasnaya gazeta* (Red Newspaper), 1930, 7 October, evening issue.
21. Falkevich I. To Finish the Muddle with the Ukrainian Theatre [Konchit nerazberikhu s Ukrainским teatrom]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1931, № 2, 21 January, 24 p.

22. Central State Archive of Literature and Art of Saint Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga]. *Fond 111. Kollektiv rabotnikov iskusstv («Rabis») Leningradskogo obedineniya Kollektivov iz bezrabortnykh (1925 – 1930)* (Fund 111. Workers of Art of Leningrad Association of Groups of Unemployed Union (1925 – 1930)), list 1, file 130.

23. Central State Archive of Literature and Art of Saint Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga]. *Fond 240. Gosudarstvennyy Ukrainskiy teatr «Zhovten» («Oktyabr») (1930 – 1932)* (Fund 240. The State Ukrainian Theatre “Zhovten” (“October”) (1930 – 1932)), list 1, files 3, 4, 9, 10, 11, 15, 16, 18, 19.

24. Central State Archive of Literature and Art of Saint Petersburg [Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga]. *Fond 283. United Archive Fund “Leningrad Regional Committee of Workers of Art Trade Union, Its Former and Dependent Organizations (1917 – 1953)”* (Obedinennyy arkhivnyy fond “Leningradskiy Obkom profsoyuza rabotnikov iskusstv (Sorabis), predshestvuyuschie i podvedomstvennye emu organizatsii” (1917 – 1953)), list 2, file 1548.

25. Yankovskiy M. Dictatorship in the State Drama Theatre [Diktatura v Gosudarstvennom Teatre dramy]. *Rabochiy i teatr* (Worker and Theatre), 1930, № 62–63, 20 November, 24 p.

УДК 7.01:304

Актуальное искусство в информационном обществе: феномен стрит-арт^{*}

Кузина Татьяна Александровна – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», институт социальных и политических наук, департамент философии, магистрант, Екатеринбург, Россия.

E-mail: tatalkuz@gmail.com620083, Россия, Екатеринбург, ул. Ленина, д. 51,
тел: +7 (922) 608-92-26.

Авторское резюме

Состояние вопроса: В современном обществе происходит повсеместное внедрение информационных технологий, и искусство претерпевает соответствующие трансформации, которые во многом обусловлены общими социокультурными изменениями.

Результаты: Постмодернистская парадигма задает новые принципы отношений в системе «художник – произведение – публика». Автор позволяет своему произведению существовать в свободном пространстве через восприятие публики. Сфера искусства сближается с повседневностью. Появляется искусство, функционирующее в городской среде, стремящееся стать независимым языком города – стрит-арт. Стрит-арт воплощает тенденции, заданные современной культурой, но в то же время пытается бороться с такими ее проявлениями, как СМИ и коммерциализация. Отражая социокультурные закономерности, стрит-арт утверждает новые законы искусства.

Область применения результатов: При исследовании современных тенденций развития художественного творчества феномен стрит-арт должен рассматриваться в контексте особенностей актуального искусства и в рамках целостной социокультурной среды. Необходимо учитывать взаимодействие и взаимообусловленность природы стрит-арта и особенностей информационного общества.

Выводы: Такое направление актуального искусства, как стрит-арт, выступает важным индикатором тенденций развития информационного общества, поскольку оно способно как отражать специфические принципы, характеризующие социокультурную среду, так и критически обозначать ее проблемные моменты.

Ключевые слова: актуальное искусство; информационное общество; постмодернизм; произведение искусства; стрит-арт.

---

^{*} © Т. А. Кузина, 2015.

Actual Art in the Information Society: Phenomenon of Street Art

Kuzina Tatyana Aleksandrovna – Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Institute of Social and Political Sciences, Department of Philosophy, post-graduate student.

E-mail: tatialkuz@gmail.com

51, Lenina st., Ekaterinburg, Russia, 620083,

tel: +7 (922) 608-92-26.

Abstract

Background: In contemporary society information technologies are universally introduced, and general sociocultural developments determine some of arts transformations.

Results: The paradigm of postmodernism specifies new principles for the system of relations among the artist, the artwork and the audience. The artist allows the artwork to exist independently in free space by means of audience perception. The sphere of art borders with daily routine. There appears the art that functions in urban areas and aims to become an independent language of town, i.e. street art. Street art actualizes the tendencies of modern culture but at the same time tries to fight against such cultural phenomena as media and commercialization. Street art reflects sociocultural regularities and states new laws of art.

Research implications: The phenomenon of street art should be considered in the context of actual art peculiarities and integral sociocultural environment. It is necessary to take into account the interaction and interdependency between street art characteristics and information society features.

Conclusion: Such a trend of actual art as street art is an important indicator of some tendencies of information society development, because street art reflects specific principles of sociocultural environment, on the one hand, and demonstrates its problematic situations, on the other hand.

Keywords: actual art; information society; postmodernism; artwork; street art.

В современном обществе, где решающую роль играет информационное обеспечение всех сфер жизни, где господствуют интерактивные коммуникации и применяются интеллектуальные технологии, искусству в его традиционной форме приходится потесниться и дать дорогу новому искусству. Кибернетизация, компьютеризация и дигитализация предоставляют искусству новые способы существования, развития и воздействия на публику. Саунд-арт и видео-арт, различные направления сайенс-арта наиболее наглядно демонстрируют эти процессы. Однако не только те виды искусства, в которых непосредственно воплощаются цифровые технологии, являются плодами информационного общества. Мое исследование нацелено на то, чтобы выявить, как особенности развития современного общества отражены в актуальном искусстве, и, в частности, в таком его виде, как стрит-арт.

При переходе от индустриального к постиндустриальному типу общества меняются ценности, нормы, стандарты и уклады, а вместе с ними и искусство. Н. Б. Маньковская пишет об этом так: «Все большую роль приобретают компьютерные методы производства артефактов, наиболее ярко свидетельствующие о том, что “продвинутое” искусство стремится не подражать жизни, но быть ею, формируя игровой, альтернативный тип личности» [5, с. 138]. Рассмотрим, как указанные особенности, зародившиеся благодаря постмодернистским тенденциям, проявляются в актуальном искусстве.

Для начала проясним, каким образом функционирует производство искусства в информационном обществе, как выстраиваются отношения в связке художник – произведение – публика. И здесь необходимо вспомнить о концепции, провозглашающей «смерть автора» и трансформирующей традиционное представление о произведении.

Философ и семиотик Ролан Барт в работе «Смерть автора», написанной в 1967 г., говорит о том, что прочтение и интерпретация произведения, ориентирующиеся на фигуру автора и его личное видение, не имеют основания [см.: 1, с. 384 – 391]. Произведение выстраивается на нескольких уровнях, соответствующих взглядам различных интерпретаторов. У. Эко, в свою очередь, разрабатывает концепцию «открытого произведения» [7, с. 9]. В литературе это текст, являющий собой поле возможностей, актуализация которых зависит от выбранной читателем стратегии чтения и эрудиции. Но данное понятие функционирует и за пределами литературы, в искусстве оно имеет не меньшее значение.

Автор удаляется из поля зрения и не просто оставляет произведение на суд публики, а дает возможность произведению существовать через восприятие, интерпретацию или даже непосредственное участие этой самой публики, таким образом расширяя границы творчества и смыслов.

Развивая идею о новом виде отношений между автором и публикой, постмодернистский дискурс активно оперирует понятиями интертекста и гипертекста, обозначая, каким образом культурные коды и семиотические структуры преломляются в каждом тексте, вне зависимости от его характера. Тем самым постмодернизм предвосхищает наступление эпохи интернет-пользования с его гипертекстуальным способом представления информации. «Постмодернизм, еще ничего не зная об Интернете, на бумаге имитировал поведение человека в Интернете» [6], – пишет культуролог К. Г. Фрумкин. Глобальная информационная сеть Интернет действительно во многом подобна хранилищу культурной памяти, где тесно переплетены тексты самых различных эпох, но на первый план здесь выходит использование информации, реализуемое через электронную коммуникацию.

Нет ничего удивительного в том, что, подобно постмодернистскому литературному гипертексту, передающему читателю право самостоятельно выстроить тело произведения, гипертекстуальность медиа-коммуникации делает арт-объект достоянием общественности, подчас заслоняя фигуру автора эклектичным цитатным полем.

Само искусство в сложившихся условиях старается покинуть область элитарного и приблизиться к массам. Стремление искусства встраиваться в повседневную жизнь выражается не только в использовании бытовых предметов и соответствующих материалов, но и в его «выходе на улицу». Здесь наше внимание и привлекает стрит-арт (Street Art – от англ. уличное искусство, искусство улиц) – вид искусства, появившийся во второй половине XX века, предполагающий помещенность в уличную среду и выдвигающий на первый план работу с городскими пространствами.

Проблема авторства в случае искусства стрит-арт раскрывается наилучшим образом, поскольку множество стрит-арт объектов не имеют ни подписи, ни автографа. Эти работы говорят не от лица конкретного автора, они пытаются стать новым языком города, на улицах которого «живут». Превращая нейтральное городское пространство в концептуальное, такое искусство стремится завладеть вниманием горожан и направить их мышление из бытового русла в область новых смыслов.

Культуролог и философ Ж. Бодрийяр пишет о городе новой эпохи как о месте, оккупированном средствами массовой информации, знаками и кодами господствующей культуры: «Он весь представляет собой гетто телевидения, рекламы, гетто потребителей/потребляемых, заранее просчитанных читателей, кодированных декодеровщиков медиатических сообщений, циркулирующих/циркулируемых в метро, развлекающих/развлекаемых в часы досуга и т. д.» [2, с. 157]. В данном контексте Ж. Бодрийяр анализирует феномен граффити, которые интерпретируются исследователем как выступление против обозначенной системы, против тотального порабощения сознания людей обозначенными моделями поведения. Граффити предстает как элемент, который выпадает из организованного дискурса, установленной знаковой системы города. Помимо граффити, не несущих никакого послания, существует стенная живопись, обладающая определенной смысловой нагрузкой, заключающая в себе сообщение о какой-либо проблеме, отмечает Ж. Бодрийяр [см.: 2, с. 164]. Однако оба этих явления так или иначе направлены на то, чтобы противостоять потребительскому способу мышления, направляемому средствами массовой информации.

Конкуренция визуальных образов искусства с прочими образами, являющимися продуктами коммерческой сферы, в уличном пространстве города происходит наиболее остро. В условиях, когда причастность к искусству определяется не мастерством, а местом (помещением объекта в стены музея или на арт-площадку), арт-объект, расположенный в бытовой среде, рискует быть незамеченным и непризнанным.

С другой стороны, демократический принцип информационного общества, распространяющийся на субъект-объектное отношение в сфере искусства, дает возможность любому человеку присвоить некоторому объекту статус произведения искусства. Как отмечает философ, теоретик искусства Борис Гройс, произведение искусства появляется вместе с утверждением: «это есть произведение искусства», само же искусство является перформативным актом [см.: 4]. А значит, изображение, созданное уличным художником, не требует

экспертной оценки, чтобы считаться произведением искусства, достаточно однажды наделить его данным статусом.

Борис Гройс также говорит о том, как в современных условиях меняется образ произведения искусства [см.: 3]: если раньше произведение воспринималось как нечто устойчивое, неизменное, обладающее идентичностью, то перформативность современного искусства наделяет произведение такими чертами, как текучесть, незавершенность, обновляемость. Для стрит-арт объектов, об устойчивом существовании которых говорить нет смысла, поскольку они могут исчезнуть через несколько часов после своего появления, данная особенность, безусловно, характерна. Более того, образ, размещенный в открытом для всех пространстве, может быть дополнен любым заинтересовавшимся.

Когда произведения уличных художников изымаются из общего городского пространства, помещаются в галереи и уходят с молотка за фантастические суммы, как, например, произошло с работами скандально-известного Banksy, их смысл постепенно рассеивается. Ведь стрит-арт основывается на контекстуальной встроенности в среду, на включенности в жизнь улиц, и если вырезать кусок стены с изображением и разместить его в музее, то цельное произведение исчезнет, останется только визуальный образ. Сам Banksy с целью показать абсурдность коммерциализации уличного искусства в рамках проекта «Лучше снаружи, чем внутри» (Better Out Than In) устроил в Центральном парке Нью-Йорка распродажу, на которой его работы продавались за 60 долларов [см.: 9].

Стрит-арт не стремится к признанию, включению в действующий культурный код, поскольку это прямо противоречит его задачам. Для того чтобы работать, такому искусству нужно следовать собственным законам, а не установленным для всех. Известный уличный художник Кирилл Кто в одном из своих интервью говорит об этом так: «Город – это моя комната: а в мою комнату сегодня натащили хлам. Все мои акции – попытка разобраться, разложить, перекомпоновать, гармонизировать. Высмеять, отторгнуть» [8].

Подводя итог, необходимо отметить, что искусство стрит-арт является феноменом, позволяющим дать многоплановую оценку тенденций информационного общества. С одной стороны, стрит-арт реализует те принципы современного искусства, которые продиктованы развитием общества, с другой же стороны, он заостряет внимание на проблемах, возникающих по мере этого развития. Такая комбинация делает искусство стрит-арт интересным и важным предметом изучения в рамках культурологических исследований современности.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 616 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.

3. «Город – это моя комната». Художник Кирилл Кто – об уличном искусстве в России и в мире. // CODE RED. Граффити, стрит-арт, искусство, уличная культура – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://old.codered.ru/blog/?p=64225> (дата обращения 15.02.2015).

4. Гройс Б. Медиаискусство в музее // Web-кафедра философской антропологии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/texts/groys/mediart.html> (дата обращения 15.02.2015).

5. Гройс Б. Что такое современное искусство // Вавилон – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj54/grois1.html> (дата обращения 15.02.2015).

6. Лучше снаружи, чем внутри. Месячная выставка Бэнкси под открытым небом Нью-Йорка // Новости – последние новости Украины и мира сегодня – korrespondent.net – [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <http://korrespondent.net/showbiz/culture/3204175-luchshe-snaruzhy-chem-vnutry-mesiachnaia-vystavka-benksy-pod-otkryтым-nebom-nui-yorka> (дата обращения 15.02.2015).

7. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодернизма. – СПб.: Алетея, 2000. – 348 с.

8. Фрумкин К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста. // Концепция двух продолжений – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (дата обращения 15.02.2015).

9. Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. – СПб.: Академический проект, 2004. – 383 с.

References

1. Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics [*Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*]. Moscow, Progress, Univers, 1994, 616 p.

2. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death [*Simvolicheskiy obmen i smert*]. Moscow, Dobrosvet, 2000, 387 p.

3. “The City Is My Room”. Artist Kirill Kto – About Street Art in Russia and in the World [*Gorod – eto moya komnata. Khudozhnik Kirill Kto – ob ulichnom iskusstve v Rossii i v mire*]. Available at: <http://old.codered.ru/blog/?p=64225> (accessed 15 February 2015).

4. Groys B. Media Art in Museum [*Mediaiskusstvo v muzee*]. Available at: <http://anthropology.ru/ru/texts/groys/mediart.html> (accessed 15 February 2015).

5. Groys B. What Is Modern Art [*Chto takoe sovremennoe iskusstvo*]. Available at: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj54/grois1.html> (accessed 15 February 2015).

6. Better Out Than In. Monthly Exhibition of Banksy in the Open Air in New York [*Luchshe snaruzhi, chem vnutri. Mesyachnaya vystavka Benksi pod otkryтым nebom Nyu-Yorka*]. Available at: <http://korrespondent.net/showbiz/culture/3204175-luchshe-snaruzhy-chem-vnutry-mesiachnaia-vystavka-benksy-pod-otkryтым-nebom-nui-yorka> (accessed 15 February 2015).

7. Mankovskaya N. B. Aesthetics of Postmodernism [*Estetika postmodernizma*]. Saint Petersburg, Aleteya, 2000, 348 p.

---

8. Frumkin K. G. Clip-Thinking and the Fate of Linear Text [*Klipovoe myshlenie i sudba lineynogo teksta*]. Available at: http://nounivers.narod.ru/ofirs/kf_clip.htm (accessed 15 February 2015).

9. Eco U. The Open Work. Form and Uncertainty in Modern Poetics [*Otkrytoe proizvedenie. Forma i neopredelennost v sovremennoy poetike*]. Saint Petersburg, Akademicheskiiy proekt, 2004, 383 p.

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

УДК 52; 53

Комментарий к статье В. Е. Львова «Гамов встречается с Бухариным». Об авторе и его статье*

Забродин Олег Николаевич – Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И. П. Павлова Министерства здравоохранения Российской Федерации», кафедра анестезиологии и реаниматологии, старший научный сотрудник, доктор медицинских наук.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

197022, Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6/8,
тел.: +7 950 030 48 92.

Авторское резюме

Предмет исследования: Биографические данные об известном писателе Владимире Евгеньевиче Львове (1904 – 2000), сведения о его вкладе в популяризацию научных знаний (космология, ядерная физика, критика парапсихологии и др.). Статья о Г. А. Гамове – малоизвестная страница в истории науки.

Результаты: Будучи физиком по образованию, аспирантом выдающегося физика Г. А. Гамова, В. Е. Львов постоянно следил за успехами в области ядерной физики, физики элементарных частиц и за исследованиями в области космического пространства, был популяризатором идей К. Э. Циолковского. Новейшие открытия в упомянутых областях являлись предметом его популярных лекций в Ленинградском Лектории и книг об Эйнштейне, Циолковском, об освоении космического пространства. Особое внимание уделено уникальной способности В. Е. Львова к накоплению и фиксации фактов и достижений в различных областях науки. Это происходило благодаря каждодневному неустанному труду его в Государственной публичной библиотеке (ныне – Российская национальная библиотека) и Библиотеке Академии наук в отделах специального хранения («спецхране»). Статья о Г. А. Гамове – личные воспоминания об учителе, коллеге и близком по интересам человеке (Гамов – талантливый популяризатор научных знаний, уникальный ученый по оригинальности открытий, по широте научных интересов – от космоса до структуры генома).

Выводы: В. Е. Львов – выдающийся популяризатор и уникальный систематизатор научных достижений в самых различных областях науки:

---

* © О. Н. Забродин, 2015.

физики, космологии, биологии. Статья о Г. А. Гамове – одна из редких публикаций о научных открытиях и незаурядной личности выдающегося физика.

Ключевые слова: В. Е. Львов; Г. А. Гамов; Н. И. Бухарин; ядерная физика; физика элементарных частиц; молекулярная биология.

**Some Comments on the Article "Gamow Meets with Bukharin"
Written by V. E. Lvov.
About the Author and His Article**

Zabrodin Oleg Nikolaevich – Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, Anesthesiology and Resuscitation Department, Senior Research Worker, Doctor of Medical Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: ozabrodin@yandex.ru

6/8 Lva Tolstogo str., Saint Petersburg, Russia, 197022,
tel: +7 950 030 48 92.

Abstract

Purpose: Several biographical facts about Vladimir E. Lvov (1904 – 2000), a Russian writer and journalist are given; some useful information regarding his contribution to the popularization of scientific knowledge (cosmology, nuclear physics, criticism of parapsychology and others) is provided. The article about G. A. Gamow written by V. E. Lvov is an insufficiently known chapter in the history of science.

Results: V. E. Lvov, a professional physicist, a graduate student of an outstanding physicist G. A. Gamow, constantly monitored the progress in nuclear physics, elementary-particle physics and the research in the field of outer space. He was a popularizer of the ideas of K. E. Tsiolkovsky. The latest discoveries in the spheres mentioned above were the subjects of his popular lectures in Leningrad Lecturing Center, his books devoted to A. Einstein, K. Tsiolkovsky and space exploration in general. Special attention is paid to Lvov's unique ability to accumulate and fix the achievements in various fields of science. This was due to his everyday persistent work in the State Public Library (now the Russian National Library) and in the Library of the Academy of Sciences. The article about G. A. Gamow is Lvov's memoirs about his teacher and colleague, the man of similar interests. Gamow was a talented popularizer of scientific knowledge, a unique scientist due to his original discoveries, his profound scientific interests – from space to the genome structure.

Conclusion: V. E. Lvov is an outstanding popularizer and unique systematizer of scientific achievements in various fields of science: physics, cosmology, biology. The article about G. A. Gamow is one of the rare publications on scientific discoveries and the remarkable personality of the outstanding physicist.

Keywords: V. E. Lvov; G. A. Gamow; N. I. Bukharin; nuclear physics; elementary-particle physics; molecular biology.

Владимир Львов
Гамов встречается с Бухариным.
Малоизвестная страница истории науки
(Публикация О. Н. Забродина)*

В биографиях этих двух исторических личностей трудно, на первый взгляд, найти точку пересечения.

Георгий Антонович Гамов (1904 – 1968) – выдающийся советский – ставший впоследствии американским – физик. И Николай Иванович Бухарин, чье место в истории не нуждается в напоминании. И, однако же, был краткий момент, когда они встретились, и поводом для этой встречи стал научный вопрос большой исторической значимости.

Но сначала более подробно о Гамове, о котором, если не считать специалистов, мало известно широкому кругу читателей.

Судьба сложилась так, что пишущему эти строки пришлось в молодости довольно близко соприкоснуться с этим замечательным человеком. Сначала на студенческой скамье в Ленинградском университете и позже, когда я был у него в академической аспирантуре.

Представьте себе Ленинград эпохи НЭПа и маленькую аудиторию в сером здании Физического института в университетском дворе. Входит неожиданно гигантского роста парень в высоких («просящих каши») сапогах и заношенной, неопределенного цвета гимнастерке, перепоясанной – если память не изменяет – узким брезентовым ремешком. Огромная голова и очень близорукие глаза, однако, без очков (чтобы приспособить зрение к внешнему миру владделец этих глаз то и дело надавливал рукой на глазное яблоко, изменяя тем самым их фокусное расстояние!).

Было это, кажется, на третьем курсе, и некоторое время я даже сидел за партой рядом с ним.

Мы знали только, что он прибыл из Одессы, где его отец был учителем, а сам он числился студентом тамошнего университета. Почему сменил он Одессу на Ленинград, не было известно (видимо, хотел стать ближе к центрам физической науки).

Ясно было одно. Знания его в области теоретической физики были отнюдь не студенческие. Он ориентировался в ней, как готовый кандидат, если не доктор наук (таких степеней в то время не было). Окончил университет, можно сказать, шутя. И уже в 1926 году, оцененный тогдашними лидерами ленинградской физики – академиками А. Ф. Иоффе и Д. С. Рождественским – был отправлен на стажировку к великому физiku Эрнесту Резерфорду в Англию.

От Резерфорда путь привел его к Нильсу Бору в Данию. Это произошло так.

Он явился к знаменитому англичанину в Кембридж с уже готовым теоретико-физическим открытием – одним из тех больших открытий, которыми

---

* © О. Н. Забродин, 2015.

размечена революция в физике 20-х – 30-х годов.

Гамов (уже сменивший к этому времени выцветшую гимнастерку на москвошвеевский пиджак) ехал за границу, имея в голове решение так называемой загадки альфа-распада. Загадка состояла в том, что альфа-частицы (они же ядра атомов гелия) вылетают из ядер тяжелых радиоактивных элементов, несмотря на то, что энергия альфа-частицы меньше теоретически требуемой. Она меньше той, которая нужна, чтобы преодолеть барьер сил, преграждающих частице выход из ядра. Применяв законы только что созданной в эту пору квантовой механики, Гамов – ему было тогда двадцать два года – нашел поразительный ключ к загадке. Альфа-частицы как бы просачиваются, образно говоря, «под планкой» силового барьера! Это происходит по квантовым законам вероятности, и Гамов математически вычислил интервал времени, в течение которого альфа-распад охватывает половину наличных радиоактивных ядер (для радия, например, 1590 лет). Прогноз блестяще совпал с данными эксперимента! Это было открытие так называемого туннельного эффекта¹, – открытие, ознаменовавшее один из первых выходов молодой советской физики на мировую арену (туннельный эффект, замечу, практически используется ныне с огромным успехом в электронной технике).

Итак, Гамов пришел со своей идеей к Резерфорду – основателю ядерной физики и знатоку именно альфа-распада. Но Резерфорд был гениальным экспериментатором, а в теории квант разбирался лишь постольку-поскольку. Интуитивно он чувствовал, что этот долговязый русский сделал, вероятно, важное открытие. Разобраться досконально в нем мог, по мнению Резерфорда, только лидер теории квант Нильс Бор. К нему он и направил Гамова, снабдив его следующей, вошедшей в историю запиской:

«Обратите внимание на этого парня. В нем что-то есть. Он не рехнулся. Вспомните, что было с Вами, когда Вы пришли к Джи-Джи, и тот не захотел Вас выслушать (Джи-Джи – это Джозеф Джон Томсон – престарелый классик атомной физики конца XIX – начала XX века).

Бор полностью оценил гамовское открытие. Оно было опубликовано в 1928 году в ведущем научном журнале – лейпцигском «Цайтшрифт фюр физик», и после этого Гамов сразу стал видной фигурой в международном ученом сообществе. В течение четырех лет он делил свое время и труд между крупнейшими европейскими центрами ядерной и квантовой физики. Опубликовал в Англии и Германии фундаментальную монографию «Строение атомного ядра и радиоактивность» (на русском языке издана в Москве). В тридцать первом году по истечении срока своей командировки вернулся в Советский Союз и был избран членом-корреспондентом нашей Академии.

Когда я встретил его в первые же дни на Невском, меня позабавил его новый облик. Не только пресловутая гимнастерка (с брезентовым ремешком), но и москвошвеевский пиджак были далеко в прошлом. Передо мной стоял

¹ Одновременно и независимо от Гамова тот же эффект был изучен (но еще не опубликован) американскими физиками Кондоном и Гэрнеем, – хороший пример научных идей, носящихся, как принято говорить, «в воздухе».

туристического вида элегантный джентльмен в редкостных для того времени штанах «гольф» (предмет зависти ленинградских юнцов; современные джинсы тогда не существовали!).

– Из каких краев, Георгий Антонович?

– Из Швейцарии. Вместе с Паули² ходили на лыжах. Завтра еду в Москву. В Москве состоялись его встречи с Н. И. Бухариным.

Любимым детищем Бухарина, стоявшего в то время во главе Научно-исследовательского сектора (НИС) Наркомтяжпрома, был журнал «Социалистическая реконструкция и наука» (сокращенно СОРЕНА). На внутренней стороне его обложки значилось, что журнал «выходит согласно решению ЦК ВКП(б) и является самым большим и серьезным журналом по вопросам науки и техники». Действительно, в каждом из его объемистых (до двухсот страниц) томов выступали ведущие представители советских естественных и гуманитарных наук. Сам Бухарин открывал почти каждый номер статьями и докладами на философские и общественно-политические темы.

Особенно пристально следил основатель и вдохновитель СОРЕНА за событиями в области атомного ядра, переживавшей в те годы период «бури и натиска». На переднем крае этих исследований был Гамов, и Бухарин пригласил его сотрудничать в журнале. Тот охотно откликнулся и напечатал там в 1932 – 1933 годах пять статей. В них проявилась, между прочим, черта, далеко не всегда присущая деятелям точных наук – литературный талант, блестящее мастерство популяризатора. Все это, как мы увидим, развернулось позже (как и юмор остроумного рисовальщика – иллюстратора собственных гамовских книг).

Внимание Бухарина – экономиста и социолога, особенно привлекло то место в одной из гамовских статей, где автор подсчитывает энергию, заключенную в ядре атома... «Если бы, – писал Гамов, – удалось добиться превращения всех ядер, например, в одном кубическом сантиметре алюминия, то выделившаяся энергия была бы равна продукции Днепростроя за одну минуту...».

Но, отмечал автор статьи, современная (имелись в виду 30-е годы) экспериментальная физика способна вовлечь искусственно в ядерные превращения лишь предельно малое количество атомов алюминия. Так что о практической стороне дела думать пока не приходится.

В лекции, прочитанной по приглашению Бухарина для сотрудников НИС-а, Гамов указал на один вид ядерных реакций, где выход энергии еще больше. Это те реакции, где происходит не расщепление, а укрупнение, слияние атомных ядер. В частности, слияние ядер атомов водорода с превращением его в гелий (сегодня этот вид реакций называют термоядерным). Но и тут, сказал лектор, потребовалось бы затратить сперва колоссальную энергию, чтобы преодолеть взаимное электрическое отталкивание водородных ядер (протонов). Так что экономический эффект такой операции пока еще сомнителен...

² Вольфганг Паули – один из лидеров квантовой физики 30-х годов, создатель теории нейтрино.

Когда лекция закончилась, Бухарин, – вспоминал много позже Гамов, – пригласил его к себе в кабинет и спросил: как бы Вы отнеслись к такой идее? Можно было бы договориться подключить в течение одной ночи мощности всех московских электростанций к лабораторной установке и осуществить массовое превращение водорода в гелий. Хотите, произведем такой опыт?

– Я ответил, – писал в своих воспоминаниях Гамов, – что еще нереально и объяснил, почему.

Можно, конечно, допустить, что автор воспоминаний несколько утрировал и, может быть, даже деформировал то, что было сказано по ходу беседы. Но за нею все равно скрывается высокий драматизм, и она воспринимается нами сегодня волнующе, как и все, что связано с историей века атома. Не забудем, что над укрощением термоядерной энергии в мирных целях современные физики работают неутомимо уже тридцать с лишним лет. Достигнуты большие успехи, но практическое освоение термоядерных реакторов ожидается не так скоро. Разговор же в кабинете начальника НИС Наркомтяжпрома относится к весне тридцать третьего года...

***

Теперь уже можно досказать вкратце причудливую историю жизни Георгия Антоновича Гамова.

Как известно, он покинул навсегда нашу страну и попытался сделать это сперва весьма своеобразным (выражаясь мягко) способом.

Он рассказал потом со всеми подробностями, как готовил свое бегство за границу. Как вступил для этой цели в секцию гребного спорта при Ленинградском Доме ученых и обзавелся соответствующим удостоверением. Как оправился затем с женой (с которой только что отпраздновал свадьбу) в академическую здравницу Батилиман на южном берегу Крыма. Как захватил с собой тщательно продуманный запас продовольствия (шоколад, крутые яйца, сухари). И, погрузившись в лодку, молодожены отчалили ночью от берега, чтобы на веслах, ориентируясь по звездам, переплыть Черное море в Турцию! Оттуда Гамов намеревался дать телеграмму Нильсу Бору, чтобы тот удостоверил турецким властям его личность и помог перебраться в Данию...

Авантюра эта, как и следовало ожидать, кончилась плачевно – подул встречный ветер, и обессиленных гребцов прибило к крымскому берегу.

Но вскоре представился новый – более легальный способ, и тут наш теоретик проявил себя наиболее практичным (о моральной стороне я не говорю) образом.

Осенью того же 1933 года в Брюсселе собирался очередной так называемый Сольвеевский конгресс – международное собрание крупнейших ученых-физиков. В 1927 году, например, в нем – среди тридцати приглашенных – участвовали такие корифеи науки, как Эйнштейн, Планк, Бор, Лоренц, Ланжевен и совсем молодые основатели квантовой механики Гейзенберг, де Бройль и Шредингер.

К участию в конгрессе 33-го года был приглашен Георгий Гамов.

Это была большая честь для молодой советской физики. Посмотрим, как использовал ее Гамов.

Командировки за границу в те годы были обставлены более чем жестко. Поездки вместе с женой, как правило, не разрешались. Гамов просил сделать для него исключение. Помог академик Иоффе, посетивший Предсовнаркома Молотова и лично поручившийся за своего молодого коллегу. Помог и Бухарин. После нескольких месяцев пребывания за рубежом молодой коллега поставил своих старших поручителей в весьма неприятное положение. Читатель уже догадывается, что Гамов решил не возвращаться домой. И в этой связи хотелось бы упомянуть о двух обстоятельствах.

Иногда сопоставляют бегство Гамова с несколькими аналогичными случаями – прежде всего, с невозвращением академиков Ипатьева и Чичибабина. Но сходство здесь весьма поверхностное. Ибо Ипатьев, например, был не только крупным ученым-химиком, но с дореволюционных времен имел деловые связи с зарубежными промышленными концернами – И. Г. Фарбен Индустри в Германии, Дюпоном в Соединенных Штатах. Он был держателем акций в этих фирмах, издавна их консультировал. Пребывание свое в качестве специалиста на службе у Советской власти он рассматривал, видимо, как необязывающий краткий контракт. Случай же Чичибабина – совсем особый. Тут было ужасное личное горе – гибель дочери-студентки, упавшей нечаянно на ленинградском заводе в бак с серной кислотой и скончавшейся после тяжелых страданий. Я помню хорошо, как все это было, помню и понимаю душевное состояние академика, желавшего уйти как можно дальше от всего, что напоминало о трагедии.

И второе.

Посетив (пока еще с советским паспортом) в Париже знаменитый Институт Радия, основанный супругами Кюри, Гамов поделился с Мари Кюри своим планом не возвращаться на родину. «Госпожа Кюри, – вспоминал Гамов – была расстроена, когда я ей это сказал, и всячески меня отговаривала».

Увы, Гамов, всегда похвалявшийся перед нами – студентами, что он «вне политики» и даже не читает газет, не учел одного обстоятельства.

Он не знал, что семья Кюри (прежде всего ее дочь Ирен, зять – Фредерик Жолио и близкий друг семьи профессор Ланжевен) принадлежат к левому крылу французского общества, симпатизируют Советской стране и относятся безразлично ко всякому ренегатству.

Этого Гамов не знал.

Но нашлись другие покровители, и в 1934 году, переплыв океан, он получает профессию в университете имени Джорджа Вашингтона в столице Соединенных Штатов.

Забегая вперед, скажу, что Гамов (его имя и фамилия стали произноситься теперь «Джордж Гэмю») не принимал участия в известном Манхэттенском проекте, то есть в работах над атомной бомбой. Его единственная роль в этом деле ограничилась тем, что, живя в Вашингтоне, он бы приглашен ознакомить популярно с «атомной азбукой» адмиралов из Военно-морского ведомства. Адмиралы, имевшие смутные познания в области атома, хотели получить более полные сведения о ядерной физике (мне пришлось видеть фотографию, где изображены стоящие в ряд вашингтонские адмиралы, а мой бывший

ленинградский однокашник с указкой в руке стоит у доски, на которой начертаны мелом ядерные символы).

***

При всех своих причудливых эскападах Георгий Антонович Гамов был, несомненно, замечательным ученым. В рамках этого краткого очерка я смогу коснуться – притом очень бегло – лишь нескольких моментов его научной биографии.

Следуя примеру многих теоретиков-атомников, Гамов проложил себе путь от атомного ядра в пленительные края космологии. Туда, где физика элементарных частиц смыкается с царством все более чудовищно огромных энергий и температур, характерных для ранних этапов истории Вселенной. И тут будет уместно напомнить, что вся современная космология берет начало в трудах гениального советского математика Александра Александровича Фридмана. Именно он в 1922 году показал, что Вселенная родилась из сверхплотного состояния и расширяется уже миллиарды лет, достигнув нынешних своих размеров. Лекции Фридмана в Ленинградском университете и в Институте академика Стеклова (что тогда был рядом с университетом на набережной Невы) посещал Гамов. И пишущий эти строки помнит, с каким восхищенным изумлением всматривался знаменитый лектор в оригинальную фигуру рослого парня в гимнастерке, задававшего ему вопросы на самом высоком математическом уровне. Нам, студентам, известно было, что Фридману пришлось выдержать дискуссию с Эйнштейном (который сначала не хотел признавать возможность расширения). Ленинградский профессор показал тот пункт эйнштейновских вычислений, где скрывалась ошибка, и великий физик с готовностью ее признал. Позже Гамову пришлось встречаться с Эйнштейном и беседовать с ним на космологическую тему. «Эйнштейн, – писал Гамов, – сказал мне, что свою ошибку в вопросе о расширении Вселенной он считает самой досадной из всех совершенных им в науке».

Все это было давно, и предсказанный Фридманом факт расширения Вселенной был блестяще подтвержден позже астрономами. Было найдено, что галактики действительно разлетаются друг от друга, образуя нечто вроде гигантского космического фейерверка!

Гамов вернулся к этому кругу вопросов в сороковых годах и сделал теоретическое открытие, которое ставит его в один ряд с классиками современной космологии.

Развивая теорию «горячего начала» расширяющейся Вселенной, он математически рассмотрел ход ее постепенного остывания.

Если, для примера, спустя триллионную долю секунды после первоначального «Большого взрыва» («Биг-Банга», по английской терминологии) вся нынешняя Вселенная была сжата в объеме размером с футбольный мяч, а температура ее измерялась числом градусов с двадцатью нулями после единицы, то охлаждение шло дальше примерно так. Вселенная возрастом в сто секунд раздулась уже до объема, сравнимого с объемом нынешней галактики, причем остыла до миллиарда градусов. При такой

температуре уже начинали образовываться простейшие атомные ядра – водорода, тяжелого водорода (дейтерия), гелия. Другим важным рубежом в истории Вселенной – если верны эти расчеты – был возраст ее, равный десяти минутам. Именно тогда, при температуре в миллион градусов, частицы электромагнитного излучения (фотоны) равномерно заполняли своего рода газом мировое пространство. И оно продолжало расширяться, а фотонный газ в нем остывать.

Но если верна эта теоретическая картина – я крайне упрощенно коснулся в ней только отдельных черточек – тогда встает вопрос. До какой температуры охладилась к сегодняшнему дню наполняющая Космос первозданная лучистая среда? Сегодня возраст вселенной оценивается в 15 – 17 миллиардов лет. Дошел ли до наших дней этот «ископаемый» фотонный газ, этот слабый отблеск неимоверно далекого во времени «Большого Взрыва»? И был ли в реальности этот «Взрыв»?

Историческое по своему значению исследование, проделанное в 1948 году Гамовым, дало ответ на этот вопрос.

«Фотонный газ, – гласило это исследование, – должен заполнять и сегодня с равномерной плотностью пространство Вселенной». И температура его должна быть близка к 5 градусам по шкале Кельвина (или минус 268 по Цельсию). Причем, при такой температуре, строго говоря, уже нельзя говорить о частицах излучения – фотонах, а можно лишь предсказывать волны в диапазоне микрорадиоволн.

Ответ был дан, но на первых порах не привлек к себе большого внимания. К космологическим изысканиям вообще было принято в те годы относиться снисходительно, как к своего рода хобби теоретиков.

1964 год нанес ошеломляющий удар по скептикам.

Американские радиопизики Арно Пензиас и Роберт Уилсон, применив чувствительные приборы, обнаружили слабое электромагнитное излучение, исходящее равномерно из всех точек мирового пространства. Длина волны этого излучения была в предсказуемом диапазоне микрорадиоволн, а соответствующая температура близка к 2,7 градуса по Кельвину.

Гамовская цифра «5» уточнилась таким образом как «2,7» – разница вполне объяснимая приблизительностью тех данных, которыми располагал в 1948 году Гамов. При пересчете, исходя из более точных данных, пришли как раз к результату, полученному Пензиасом и Уилсоном.

Это было одно из величайших открытий века. Космология «Большого Взрыва» перестала после этого быть математической игрой теоретиков, а превратилась в научную теорию, подтвержденную решающим экспериментом.

Георгий Антонович Гамов дожил до этой высокой точки своей научной карьеры.

Он умер в 1968 году – через четыре года после открытия Пензиаса и Уилсона. Умер еще не старым – шестидесяти четырех лет. И о возможной причине столь ранней смерти я скажу ниже.

Талант популяризатора, присущий этому богато одаренному человеку, развернулся полностью в двадцати трех книгах, написанных им главным

образом в 40-х и 50-х годах. Среди них такие шедевры общедоступного изложения на самом высоком научном уровне, как «Планета, называемая Земля» и «Звезда, называемая Солнце». Еще раньше была начата Гамовым оригинальнейшая серия «Похождения мистера Томпкинса». Ее герой – скромный и любознательный клерк проходит через немыслимые ситуации, попав в мир, управляемый законами теории относительности, и в микромир, где властвует теория квант. Можно было бы провести здесь аналогию с «Алисой в стране чудес» Льюиса Кэрролла. Но разница та, что Алиса странствует в мифической стране Зазеркалье, тогда как приключения мистера Томпкинса разыгрываются в обстановке, где действуют вполне реальные эффекты эйнштейновской механики и квантовой физики. Занятные ситуации, в которые попадает гамовский герой, позволяют автору объяснить в замечательно выпуклом виде самые сложные и тонкие парадоксы физики XX века. Как уже говорилось, книги иллюстрированы забавными авторскими рисунками. Вклад Гамова в столь важную культурную миссию, как пропаганда научных знаний, не прошел незамеченным. ЮНЕСКО присудило ему в 1956 году специальную «премию Калинги» за лучшую популяризацию науки. Премия эта финансируется индийским концерном Тата и названа в честь древнего владыки Индостана – просветителя Индии. Думается, что давно пора перевести гамовское популярно-научное наследие на русский язык.

Нельзя не упомянуть и еще об одном поразительном повороте научного творчества Гамова. Здесь мы оказываемся в том русле научно-технической революции наших дней, которое можно обозначить вехой с надписью: «Физики идут в биологию».

Да, физики-атомники пришли в биологию, как пришли до этого в химию и астрономию, подтвердив еще раз свою роль гегемонов современного естествознания.

Поход физиков в эти новые для них биологические края был начат знаменитой книгой классика квантовой механики Эрвина Шредингера «Что такое жизнь?». А также работами Макса Дельбрюка (с которым сотрудничал до войны Н. В. Тимофеев-Ресовский), Френсиса Крика, Джеймса Уотсона, Мориса Уилсона и других. Немного лет прошло, а их усилиями возникла молекулярная биология – героическая наука, ведущая нас к разгадке тайн живого.

Гамов, по воспоминаниям его друга, профессора Юргроу, «окунулся с головой в биохимию» в самом начале 50-х годов. «С некоторых пор, – продолжает Юргроу, – он обложился трудами по генетике, цитологии и даже гематологии (*раздел физиологии, посвященный структуре и химизму клеток крови* – В. Л.). И очень скоро он пришел к догадке...», которая кажется очень простой, но, однако, не пришла в голову никому до Гамова.

Напомним, прежде всего, что все виды белковых молекул, из которых построены ткани и клетки живых существ, – это цепочки из меньших по размеру звеньев – так называемых аминокислот. Количество разных типов аминокислот в организмах известно: двадцать. Известен также источник информации, которая передается внутри клетки к аминокислотам и управляет их сборкой в белки. Эта информация исходит от длинной и плотно скрученной

в двойную спираль молекулы, получившей популярное в наши дни название ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота). Загадочные гены – передатчики наследственности и контролеры процессов жизни, разъяснились, таким образом, как отдельные участки, или отрезки, спиральной молекулы ДНК. И тогда возникает вопрос. Если информация, диктующая сборку белков из аминокислот, записана вдоль этой молекулы, то каков тот код или шифр, каким сделана запись? Гамов рассуждал так: «Алфавит» в этом коде должен, по всем признакам, состоять из четырех «букв» – соответственно четырем главным слагаемым молекулы ДНК, так называемым основаниям. И каждой аминокислоте отвечает, вероятнее всего, одно «слово» в этом закодированном тексте. А сколько «букв» потребуется здесь, как минимум, чтобы составить одно «слово»? Как известно из элементарной алгебры, беря из четырех букв по две, и сочетая их в разных комбинациях, можно получить только шестнадцать сочетаний. А этого слишком мало, чтобы управиться с двадцатью аминокислотами» А если группировать по три буквы из четырех? Тогда получим шестьдесят четыре различные комбинации – более чем достаточно для живой клетки. И вывод отсюда? Информация, вписанная в молекулу ДНК, кодируется трехчленным кодом. И так как число трехчленных комбинаций не превышает 64, то ребус решается просто. Один-единственный ген (дающий инструктаж на сборку одного вида живого белка) – это отрезок молекулы ДНК, составленный не более чем из шестнадцати с лишним главных ее слагаемых – оснований.

Эти расчеты Гамова оправдались полностью!

В руках у молекулярных биологов оказался именно так построенный генетический код. И после многих, продолжающихся и по сей день работ, была разъяснена структура и расстановка многих генов. Практические последствия этих событий будут неисчислимы...

Одной лишь этой смелой вылазки Гамова в молекулярную биологию было бы достаточно, чтобы внесли его имя в золотую книгу науки.

***

Рассказами о различных его чудачествах и анекдотических историях, связанных с этой оригинальной личностью, полны воспоминания коллег Гамова по Вашингтону и Колорадо (он перешел в 1956 году из вашингтонского университета в университет штата Колорадо в городе Боулдере).

Среди этих эпизодов есть трогательные, показывающие, что тоска по Родине не отпускала его в американские годы жизни.

«Однажды, – вспоминает уже цитированный профессор Юргроу, – я высказал ему мои сомнения. Зачем он разбрасывается между столь далекими друг от друга областями, как космология и генетика. Он ответил мне цитатой из Чехова (он был знатоком русской литературы, и книги русских классиков были повсюду в его рабочем кабинете):

– Когда маленькую птичку спросили, почему ее песенки так быстро сменяют друг друга, она ответила, что жизнь коротка и на свете есть столько

прекрасных мелодий, что она хочет пропеть их всех, пока она жива...»³.

В последние годы жизни он страдал алкоголизмом в очень тяжелой, граничащей с помешательством, форме. «Его жена Барбара, – пишет близкий друг Гамова, – прилагала нечеловеческие усилия, чтобы спасти мужа от гибели. Она мужественно переносила ужасающие и позорные ситуации... Ей удалось, в конце концов, с помощью врачей добиться того, что в течение двух лет он вел спокойную, уравновешенную жизнь...»

Но было уже поздно.

Судьба Гамова, видимо, может стать темой для полной драматизма книги, где переплетутся великие события эпохи, научный гений и трагедия «маленькой птички», не сумевшей допеть свои песни.

---

³ Читатель извинит меня: я вынужден был перевести эту цитату обратно с английского на русский и не уверен, правильно ли передал американский мемуарист чеховский текст (если он действительно принадлежит Чехову).

Требования к оформлению статей

Журнал оформляется в соответствии с требованиями ВАК к ведущим научным изданиям и с требованиями крупнейшей зарубежной базы данных SCOPUS. Аналитическая база данных SCOPUS позволяет наладить обмен информацией между ведущими научными журналами мира, вычислять индекс цитирования учёных. Более подробная информация о её требованиях приводится ниже.

1) Редакция рецензируемого научного сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» принимает материалы объёмом до 40 000 знаков (1 а. л.). Материалы, размещённые в электронном журнале, считаются опубликованными и являются объектами авторского права. При повторном опубликовании материалов в других изданиях ссылка на журнал «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе» обязательна. Все материалы, представленные для публикации в Журнале, подлежат рецензированию. Рецензирование может осуществляться в двух формах: внешнее (сопроводительная рецензия-рекомендация к материалу, представленному для публикации в Журнале) и внутреннее (организуется Редакционной коллегией Журнала). Внешнее рецензирование является обязательным для материалов, представленных аспирантами или соискателями учёной степени кандидата наук; к таким материалам должен прилагаться отсканированный отзыв-рекомендация научного руководителя, заверенный подписью и печатью организации. Статьи аспирантов принимаются, как правило, в соавторстве с научным руководителем, в таком случае внешняя рецензия не требуется. Внутреннее рецензирование осуществляется в течение двух недель с момента получения статьи. Подписанный рецензентом и заверенный печатью оригинал рецензии хранится в редакции три года; автору рецензируемых материалов по его запросу предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии.

Плата за публикации с авторов не взимается. Авторское вознаграждение не выплачивается. Точка зрения членов редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов статей.

2) Основной текст:

- формат А4
- редактор Word 97 – 2003, формат doc или rtf
- шрифт Times New Roman
- междустрочный интервал – одинарный
- кегль – 14 pt
- поля – по 2,0 см. со всех сторон
- абзацный отступ – 1,0 см.

3) Перед статьёй указываются:

Сначала слева пишется индекс УДК. Ниже приводится заголовок (размер шрифта 16, полужирный, выравнивание по центру). Точка в конце заголовка не ставится. Ниже слева – ФИО авторов полностью. Далее для каждого автора: полное название организации, место работы в именительном падеже, должность, учёная степень, звание. Ниже справа указываются электронная почта, ниже – служебный почтовый адрес (с указанием страны и города) и телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех). Далее приводятся аннотация (обычно 100 – 250 слов) и ключевые слова, разделяющиеся точкой с запятой. Вся эта информация, кроме УДК, приводится сначала на русском, потом – на английском языках.

4) Примечания оформляются в виде постраничных сносок 10 шрифтом.

5) Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. Русский вариант должен быть выполнен в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Английский вариант должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым аналитической базой данных SCOPUS.

При оформлении списка литературы следует обратить внимание на некоторые особенности. Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в аналитической системе. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «–», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т. п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н. Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Пожалуйста, сверяйтесь с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия.

Помните, что в любом случае, даже если у Вас возникает вопрос по оформлению документа, например, потому что он не подходит ни под один из рассмотренных ниже вариантов, главное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, – это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления списка литературы:

а	б	в	г	д	е	ё	ж	з	и	й	к	л	м	н	о	п	р	с	т	у	ф	х	ц	ч	ш	щ	ъ	ы	ь	э	ю	я
a	b	v	g	d	e	e	zh	z	i	y	k	l	m	n	o	p	r	s	t	u	f	kh	ts	ch	sh	sch		y		e	yu	ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net, в окошечке в верхнем правом углу ввести число 45848 и

нажать кнопку «Загрузить настройки» (при переходе по гиперссылке с сайта нашего журнала или с pdf-версии номера эти настройки загружаются автоматически), ввести в основное окно текст на русском языке, нажать на кнопку «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведённым правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

Обратите внимание, что по правилам русского языка в заголовках только первое слово пишется с заглавной буквы, а по правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в русском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги. – Город: Издательство, год. – количество страниц.

Примеры:

Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

Орлов В. В., Васильева Т. С. Философия экономики. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 264 с.

Соединение достижений НТР с преимуществами социализма. – М.: Мысль, 1977. – 190 с.

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). Название книги на английском языке [*Транслитерированное название книги курсивом*]. Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Bell D. The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting [*Gryadushee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya*]. Moscow, Academia, 1999, 956 p.

Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism [*Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma*]. Moscow, Mysl, 1977, 190 p.

Orlov V. V., Vasileva T. S. Philosophy of Economics [*Filosofiya ekonomiki*]. Perm, Izdatelstvo permskogo universiteta, 2005, 264 p.

Шаблон для описания главы из книги или книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. Название книги или главы на английском языке [*Транслитерированное название книги*]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* (Название собрания сочинений или книги). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Leybnits G. V. *Monadology* [Monadologiya]. *Sochineniya, Tom 1* (Works, Vol. 1). Moscow, Mysl, 1982, 636 p.

Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy [K kritike politicheskoy ekonomii]. *Sochineniya, T. 13* (Works, Vol. 13). Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury, 1960, pp. 1 – 784.

Pavlov I. P. *Physiology and pathology of Higher Nervous Activity. Twenty-Year Experience of Objective Studying of Higher Nervous Activity of Animals* [Fiziologiya i patologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti. Dvadsatiletniy opyt obektivnogo izucheniya vysshey nervnoy deyatel'nosti (povedeniya) zhivotnykh]. *Polnoe sobranie sochineniy, T. III. Kn. 2* (Complete Works, vol. III, book 2). Moscow – Leningrad, Izdatelstvo AN SSSR, 1951, pp. 383 – 408.

Ukhtomskiy A. A. Principle of a Dominant [Printsip dominanty]. *Sobranie sochineniy, T. 1* (Collected Works, vol. 1). Leningrad, Izdatelstvo LGU, 1950, pp. 197 – 201.

Шаблон для описания статьи из журнала в русском варианте:

Имена авторов. Название статьи // Название журнала. – год. – номер. – страницы статьи.

Пример:

Агацци Э. Идея общества, основанного на знаниях // Вопросы философии. – 2012. – № 10. – С. 3 – 19.

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи]. *Транслитерированное название журнала курсивом* (Название журнала на английском языке), год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. The Idea of a Knowledge-Based Society [Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3 – 19.

Шаблон для описания материалов конференции в русском варианте:

Имена авторов. Название выступления // Название конференции. – Город. – год. – страницы.

Примеры:

Пигров К. С. Материализм в современной российской философии как нравственная проблема // Проблемы материализма в социальной философии: Сборник статей, посвященный 70-летию профессора СПбГУ П. Н. Хмылева / отв. ред. В. М. Лукин. – СПб. – 2008. – С. 109 – 116.

Игнатъев М. Б., Пинигин Г. И. Астрономия с лунной базы // Международная научная конференция «Применение ПЗС-методов для исследования солнечной системы». – Николаев. – 2003. – С. 98 – 106.

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. Название выступления на английском языке [Транслитерированное название выступления]. *Транслитерированное название конференции курсивом* (Название конференции на английском языке). Город, Издательство, год, страницы.

Примеры:

Pigrov K. S. Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy [Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak нравstvennaya problema]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschennyy 70-letiyu professora SPbGU P. N. Khmyleva* (Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev). Saint Petersburg, 2008, pp. 109 – 116.

Ignatev M. B., Pinigin G. I. Astronomy from the Moonbase [Astronomiya s lunnoy bazy]. *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya «Primenenie PZS-metodov dlya issledovaniya solnechnoy sistemy»* (Proceedings of International Scientific Conference “Application of CCD-Methods for the Solar System Exploration”). Nikolaev, 2003, pp. 98 – 106.

Шаблон для описания Интернет-ресурса в русском варианте:

Название страницы // Название сайта – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: адрес сайта (дата обращения).

Пример:

«Война» в шорт-листе «Инновации»: Минкульт хочет дать премию, МВД гноит в тюрьме // Сайт «Свободная Война» в поддержку арестованных Олега Воротникова и Лёни Николаева – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://free-voina.org/post/3289581310> (дата обращения 10.07.2013).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Название статьи на английском языке [Транслитерированное название статьи курсивом]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voina in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award, Ministry of Internal Affairs Leaves to Rot in Prison [*Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu, MVD gnoit v tyurme*]. Available at: <http://free-voina.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он пишется в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке без всяких скобок.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911 – 1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* (Archives of All Physiology). 1892, Bd. 51, № 11 – 12, pp. 570 – 614.

Для статей, имеющих в списке литературы только англоязычные источники, делать русскоязычный список литературы не имеет смысла. То есть вне зависимости от того, на каком языке статья сделана, если все источники являются иностранными, то список литературы делается один в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы. Если же присутствуют русскоязычные источники, то статья на русском языке должна иметь 2 списка литературы, а статья на английском – один.

6) Ссылки в тексте на цитируемые работы (порядковый номер в списке литературы и при необходимости номер страницы) размещаются в квадратных скобках: [1], [2, с. 51] (для статьи на английском [2, p. 51]).

7) Требования к авторскому резюме (abstract) достаточно сильно отличаются от правил и традиций составления авторских резюме для российских изданий. Поскольку авторские резюме на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных учёных основным или даже единственным источником информации о содержании статьи, то их объём недопустимо сводить к 3 – 5 строкам. По аннотации зарубежные специалисты оценивают публикацию, определяют свой интерес к ней, могут сделать на неё ссылку, запросить перевод полного текста и т. п. Аннотация на английском языке не должна просто полностью повторять текст аннотации на русском, так как за русскоязычной следует полный текст на этом же языке. Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объёму, она должна способствовать раскрытию содержания и сути исследования

Авторские резюме должны быть:

- информативными (не содержать общих слов);
- оригинальными (не повторять дословно русскоязычную аннотацию);
- содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированными (следовать логике описания результатов в статье);
- написанными качественным английским языком;

– имеющими объём примерно от 100 до 250 слов (возможно до 500 слов).

Наиболее распространённый способ составления аннотаций – краткое повторение в них структуры статьи, включающей введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение.

Авторское резюме в наиболее полном варианте включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

Последовательность описания содержания статьи можно изменить, начав с изложения результатов работы и выводов.

Следует обратить внимание на то, что структура и тематические рубрики авторского резюме не заданы жестко и однозначно, они могут меняться в зависимости от содержания статьи. Так, предмет, тема, цель работы указываются только тогда, когда они не ясны из заглавия статьи. Метод и методологию проведения работы целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной или представляют специальный интерес с точки зрения содержания данной статьи.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не повторяются в тексте реферата. Следует избегать лишних вводных фраз (например: «автор статьи рассматривает...»). Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в резюме не приводятся.

В тексте резюме следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: “The study tested”, а не “It was tested in the study”.

В тексте реферата на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов. Рекомендуется избегать употребления терминов, являющихся прямой «калькой» с русскоязычных терминов. Необходимо соблюдать единство терминологии в пределах резюме, применять значимые слова из текста статьи.

Рекомендации по составлению авторского резюме подготовлены на основе методической разработки кандидата технических наук О.В. Кирилловой, заведующей отделением ВИНТИ РАН, члена Экспертного совета (CSAB) базы данных SCOPUS «Подготовка российских журналов для зарубежной аналитической базы данных SCOPUS: рекомендации и комментарии». <http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>

Пример оформления авторского резюме

Философия информационного общества: новые идеи и проблемы

Авторское резюме

Состояние вопроса: В теории постиндустриального (информационного) общества широко распространена трактовка его как формирующегося общества знаний, в котором физический труд вытесняется умственным. Главным видом труда становится обработка информации, которая считается нематериальным ресурсом.

Результаты: Труд в сфере информационных технологий – преимущественно не физический и не умственный, а материальный всеобщий труд (термин К. Маркса). Всеобщий труд направлен на создание абстрактных материальных структур и виртуальной реальности – особой формы материи, строящейся как бы на матрице духовных процессов и приобретающей наибольшее сходство с идеальными явлениями. Особые свойства этой формы материи – «квазиидеальность» и «квазисубъективность» – внешне напоминают главные свойства духовных явлений – идеальность и субъективность.

Область применения результатов: Предложен подход к концепции информационного общества, требующий ее построения с учетом переосмысления фундаментальных понятий материального и духовного, проведенного на основе анализа виртуальной реальности и трудовой деятельности в сфере информационных технологий.

Выводы: Формирование информационного общества связано не с вытеснением духовным (знаниями) материального (физического труда), а с созданием человеком нового класса искусственных материальных явлений (виртуальной реальности), взаимодействующих с идеальным, духовным, тоньше и сложнее, чем взаимодействовали с ним все ранее возникшие формы материи.

Ключевые слова: информационное общество; всеобщий труд; материальное и идеальное; абстрактные материальные структуры; квазиидеальность и квазисубъективность.

The Philosophy of the Information Society: New Ideas and Problems

Abstract

Background: The information society is often thought to be a forming society of knowledge, in which manual labor is being replaced by intellectual labor. The treatment of information, which is supposed to be a non-material resource, becomes the main type of a labor-process.

Results: Labor in information technologies is mainly material universal labor (the term of K. Marx), but not manual or intellectual labor in the traditional sense. Universal labor is directed towards creation of so-called abstract material structures and virtual reality – a new special form of matter put on the matrix of spiritual

processes which acquires a close resemblance with the ideal processes. Special qualities of this form of matter may be called “quasi-ideality” and “quasi-subjectivity”. They resemble outwardly the main qualities of spiritual events – ideality and subjectivity.

Research implications: The present study provides an approach to the theory of the information society which is based on re-interpretation of the conceptions of material and ideal carried out with the help of analysis of virtual reality and a labor-process in the sphere of information technologies.

Conclusion: The forming of the information society doesn't mean only supplanting of material factors (manual labor) by ideal (knowledge). It is expressed in creating by man of a new type of artificial material objects (virtual reality), which communicates with spiritual, ideal reality in more delicate and complicated way than any other forms of matter could.

Keywords: information society; universal labor; material and ideal; abstract material structures; quasi-ideality and quasi-subjectivity.

8) Все формулы и обозначения из формул в тексте должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation.

9) Все схемы, рисунки и т. п. должны быть вставлены в текст как отдельный файл, делать рисунки средствами Microsoft Word недопустимо. Желательно эти рисунки также прикреплять к письму отдельными файлами.

10) Необходимо обращать внимание на различие между дефисом (ставится внутри слов, например, «сине-зелёный», и выглядит коротко) и тире (ставится между словами, цифрами и т. п., например, «1950 – 1960 годы», «движение – жизнь»; перед и после тире ставится пробел, тире выглядит длинно). Также необходимо обращать внимание на то, что между инициалами, в сокращениях типа «и т. п.» и прочих ставится символ неразрывного пробела (ctrl+shift+пробел).

11) Статьи принимаются на русском или английском языках. Возможна публикация статьи на двух языках.

12) Все материалы принимаются в электронном виде по электронной почте fikio@rambler.ru. В письме необходимо указать, для какого раздела журнала предназначена статья (философия, культурология, социология, психология, педагогика, политология, история, юриспруденция, филология).

13) Периодичность выпуска журнала – 4 раза в год.

Рукописи, оформленные без учёта перечисленных выше требований, к публикации не принимаются.

Образец оформления статьи

УДК 111

Название статьи

Иванов Иван Петрович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, доцент, кандидат философских наук, доцент.

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Иванов Пётр Иванович – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения», кафедра философии и культурологи, аспирант.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.196135, Россия, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15,
телефон: +7 (812) 708-42-13.

Авторское резюме

Текст резюме 100 – 250 слов.

Ключевые слова: слово один; слово два (до 12 слов).

Title

Ivanov Ivan Petrovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, associate professor, Ph.D. (philosophy).

E-mail: ivanovip@aanet.ru.

Ivanov Petr Ivanovich – Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Department of Philosophy and Theory of Culture, post-graduate student.

E-mail: ivanovpi@aanet.ru.196135, Russia, Saint Petersburg, Gastello st., 15,
phone number: +7 (812) 708-42-13.

Abstract

Text of abstract (100 – 250 words).

Keywords: word number one; word number two (up to 12 words).

Текст статьи.....

Список литературы

1. ...

2. ...

References

1. ...

2. ...

Философия и гуманитарные науки в информационном обществе

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ЭЛ №ФС77-54191.

ISSN 2309-6888

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

www.fikio.ru

16+

Контакты редакции

Адрес: 196135, Санкт-Петербург, ул. Гастелло, д.15, ауд.14-09.

Телефон: 8 (812) 708-42-13

E-mail: fikio@rambler.ru

Учредитель – федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».

© «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», 2015.